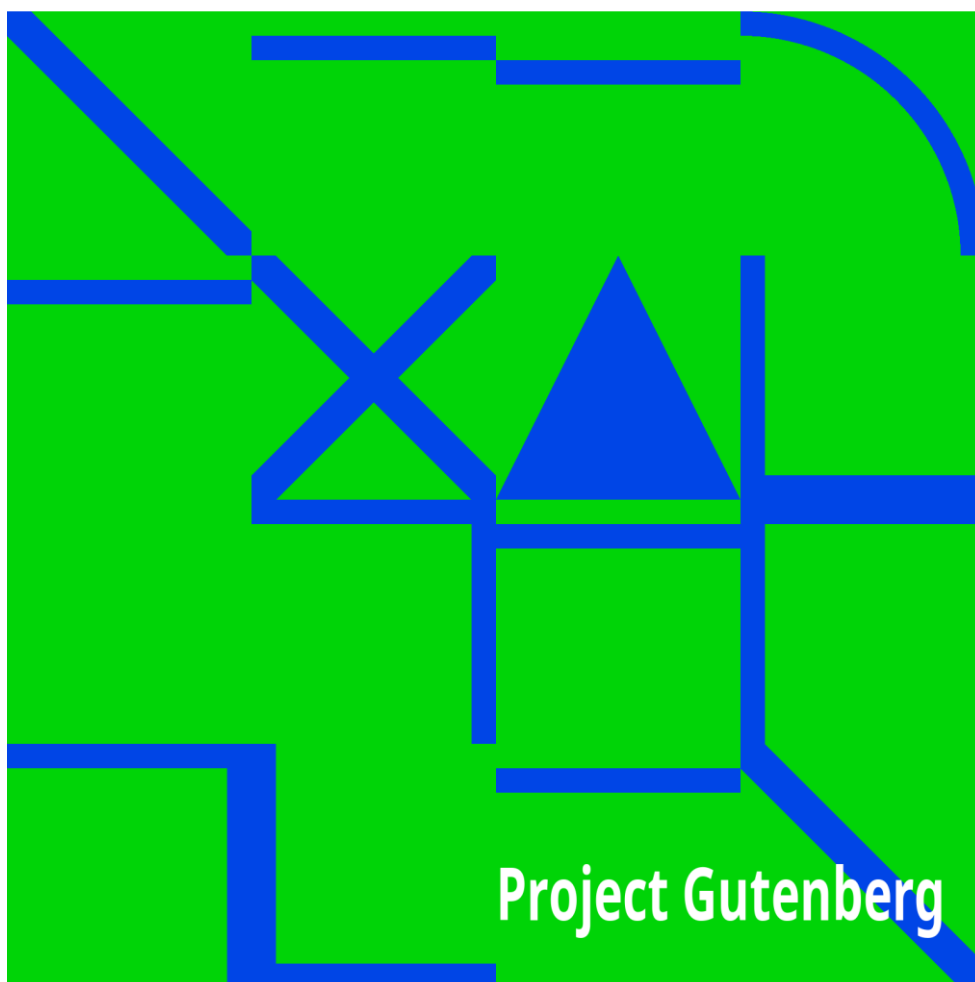

Средневековые люди

Эйлин Пауэр

Medieval People

Eileen Power

The Project Gutenberg eBook of Medieval People.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Средневековые люди

Автор: Eileen Power

Дата выхода: 9 августа 2004 [eBook #13144]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джульет Сазерленд, Чарли Киршнером и командой Online
Команда распределенной корректуры.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛЮДИ ***

Средневековые люди

на

ЭЙЛИН ПАУЭР

М.А., Д.Лит.

*Читатель истории Лондонского университета, а также стипендиат и преподаватель
Гиртонского колледжа, Кембридж.*

"Я советую тебе: не закрывай ни сердца своего, ни библиотеки своей".

ЧАРЛЬЗ ЛЭМБ

Впервые опубликовано в 1924 году

Моим коллегам и студентам Гиртонского колледжа, Кембридж, 1913-20 гг.

Ибо если он будет на этой эрте... и будет с кем-нибудь из людей,
То в заблуждении или в лжи. По многим навыкам я нахожу;
Ибо в злословии никто не приходит ни укорять, ни вразумлять,
Но там все роскошно, и есть боксы, и есть что поделать,
А в scole - scorne. Но если клерк захочет лечить,
И греет любовь и ликинг. Ибо каждый из них любит другого.
-Лангленд, *Пирс Плаумен*

Предисловие автора

Социальная история иногда страдает от упрека в том, что она расплывчата и обобщена, не способна конкурировать с привлекательностью политической истории ни для студента, ни для широкого читателя из-за отсутствия в ней выдающихся личностей. На самом же деле для реконструкции жизни какого-нибудь совершенно обычного человека зачастую есть столько же материала, сколько для написания истории Роберта Нормандского или Филиппы Гайно; а реконструированные таким образом жизни обычных людей если и менее зрелищны, то уж точно не менее интересны. Я считаю, что социальная история особенно хорошо поддается тому, что можно назвать личностным подходом, и что прошлое можно заставить заново жить для широкого читателя, более эффективно персонифицируя его, чем представляя его в виде ученых трактатов о развитии поместья или средневековой торговли, как бы ни были они

важны для специалиста. Ведь история, в конце концов, ценна лишь постольку, поскольку она живет, и крик Метерлинка "Мертвых не бывает" всегда должен быть девизом историка. Именно идея о том, что история - это история мертвых людей или, что еще хуже, движений и условий, которые, как кажется, лишь смутно связаны с трудами и страстями плоти и крови, вытеснила историю с книжных полок, где исторический роман все еще находит желанное место.

В следующей серии зарисовок я попытался одновременно проиллюстрировать различные аспекты социальной жизни в Средние века и различные классы исторического материала. Так, Бодо иллюстрирует крестьянскую жизнь и раннюю фазу типичного средневекового поместья; Марко Поло - венецианскую торговлю с Востоком; мадам Эглентайн - монастырскую жизнь; Жена менестреля - домашнюю жизнь в доме среднего класса и средневековые представления о женщине; Томас Бетсон - торговлю шерстью и деятельность великой английской торговой компании "Купцы штапеля"; Томас Пейкок - суконную промышленность в Восточной Англии. Все они - совершенно обычные люди и неизвестны широкой публике, за исключением Марко Поло. Среди проиллюстрированных типов исторических свидетельств - усадебная книга манориального лорда, хроника и рассказы путешественника, епископский реестр, дидактический трактат по ведению домашнего хозяйства, собрание семейных писем, а также дома, браслеты и завещания. В конце книги я привел библиографию источников, которые послужили сырьем для моих реконструкций, а также несколько дополнительных примечаний и ссылок. Я надеюсь, что эта скромная попытка оживить некоторых из "наших отцов, породивших нас", возможно, заинтересует на час-другой широкого читателя или преподавателя, желающего конкретизировать с помощью персонификации некоторые общие факты средневековой социальной и экономической истории.

Я благодарен своим издателям, господам Метуэн и Ко, за то, что они позволили мне включить в главу VI большую часть главы из моей книги "Пейкоки из Коггешолла", а также издательству Кембриджского университета за то, что оно позволило мне повторить в главе III несколько фраз из моего исследования "Средневековые английские монархини". Я также должен поблагодарить моих друзей мисс М.Г. Джонс и мисс Х.М.Р. Мюррей из Гиртон-колледжа в Кембридже за различные предложения и критику, а также мою сестру мисс Роду Пауэр за составление указателя.

Май 1924 г.

ЭЙЛИН ПАУЭР

*Лондонская школа экономики и политических наук
Лондонский университет*

Предисловие к десятому изданию

В течение многих лет после выхода первого издания "*Средневековых людей*" Эйлин Пауэр собирала заметки и составляла планы нескольких эссе, которые должны были войти в расширенное издание этой книги. Из этих эссе только одно, "Предтечи", было полностью написано до ее смерти; теперь оно добавлено в настоящее издание. В опубликованном виде оно не во всем совпадает с оригинальным текстом автора.

Эссе формировалось по мере того, как приближался и уходил Мюнхен, и по мере того, как приближалась сама война. Ни один историк, писавший в то время о Риме, которому угрожали варвары, - и уж тем более историк, столь чуткий к внеземному миру, какой была Эйлин Пауэр, - не мог не отметить сходства между Римской империей пятого-шестого веков и Европой XIX-XIX веков. В конце концов, закончив работу над эссе, она решила пока воздержаться от публикации и представить его дружеской аудитории в качестве трактата о времени. Это она сделала на заседании Кембриджского исторического клуба зимой 1938 года: по этому случаю она заменила вступительную и заключительную страницы оригинального эссе отрывками, или, скорее, примечаниями к отрывкам, более подходящими для этой цели.

Я уверен, что она никогда не хотела, чтобы эти отрывки были увековечены в ее "*Людях Средневековья*", и поэтому я сделал все возможное, чтобы заменить их реконструированной версией ее первого черновика. Реконструкцию пришлось проводить на основе несколько разрозненных заметок, и поэтому она не может быть верной дословно. Поэтому читатели должны иметь в виду, что первые две и последняя страница эссе - это лишь приблизительное воспроизведение того, что на самом деле написала Эйлин Пауэр.

Апрель, 1963

М.М. ПОСТАН

Питерхаус, Кембридж.

Содержание

- I. ПРЕКУРСОРЫ
 - II. БОДО, ФРАНКСКИЙ КРЕСТЬЯНИН ВО ВРЕМЕНА КАРЛА ВЕЛИКОГО
 - III. МАРКО ПОЛО, ВЕНЕЦИАНСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК XIII ВЕКА
 - IV. МАДАМ ЭГЛЕНТИНА, НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МОНАСТЫРЯ ЧОСЕРА В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
 - V. ЖЕНА МЕНЕСТРЕЛЯ, ПАРИЖСКАЯ ДОМОХОЗЯЙКА XIV ВЕКА
 - VI. ТОМАС БЕТСОН, КУПЕЦ ИЗ ШТАПЕЛЯ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ
 - VII. ТОМАС ПЕЙКОК ИЗ КОГГЕШОЛЛА, ЭССЕКСКИЙ СУКОНЩИК ВО ВРЕМЕНА ГЕНРИХА VII
 - ПРИМЕЧАНИЯ И ИСТОЧНИКИ
 - ПРИМЕЧАНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ
 - ИНДЕКС
-

Список иллюстраций

- I. БОДО ЗА РАБОТОЙ
Из *MS. Tum. B.V., Pt. I*. Британский музей
- II. ВЫСАДКА ПОЛО В ВЕНЕЦИИ
Из *Бодлианской библиотеки MS. 264*. Оксфорд
- III. ЧАСТЬ ПЕЙЗАЖА ЧАО МЭН-ФУ
С оригинала, хранящегося в Британском музее
- IV. МАДАМ ЭГЛЕНТИНА У СЕБЯ ДОМА
Из книги *"MS. Добавить. 39843*. Британский музей
- V. ЖЕНА МЕНАГЕРА УСТРАИВАЕТ ВЕЧЕРИНКУ В САДУ
Из книги *Harl. MS. 4425*. Британский музей
- VI. ЖЕНА ХОЗЯЙСТВЕННИКА ГОТОВИТ ЕМУ УЖИН С ПОМОЩЬЮ ЕГО КНИГИ
Из *MS. Royal, 15 D. i*. Британский музей

VII. КАЛЕ ВРЕМЕН ТОМАСА БЕТСОНА

Из *Komma. MS. Aug. i, Vol. II.* Британский музей

VIII. ДОМ ТОМАСА ПАЙКОКА В КОГГЕШОЛЛЕ

Из книги "*Пейкоки из Коггешолла*" Эйлин Пауэр (Methuen & Co. Ltd.)

КАРТА ПУТЕШЕСТВИЙ ПОЛО

Восславим же знаменитых людей и наших отцов, породивших нас.....

Есть среди них такие, которые оставили после себя имя, чтобы их восхваляли.

А есть и такие, о которых нет памяти; они погибли, как будто их никогда не было, и стали такими, как будто никогда не рождались; и дети их после них.

Но это были милосердные люди, чья праведность не была забыта.

С их семенем постоянно будет оставаться хороший удел, и их дети будут в завете.

Семя их устоит, и дети их за них.

Семя их пребудет вовек, и слава их не изгладится.

Тела их погребены с миром, но имя их живет вовеки".

ECCLESIASTICUS xliv.

ГЛАВА I

I. РИМ В УПАДКЕ

Каждый школьник знает, что Средние века возникли на руинах Римской империи. Упадок Рима предшествовал и в некотором роде подготовил подъем королевств и культур, которые составили средневековую систему. Однако, несмотря на самоочевидную истинность этого исторического предлога, мы мало знаем о жизни и мыслях в переломные годы, когда Европа переставала быть римской, но еще не была средневековой. Мы не знаем, каково было наблюдать за упадком Рима; мы даже не знаем, знали ли те, кто наблюдал за этим, что они видели, хотя мы можем быть совершенно уверены, что никто из них не предвидел, да и не мог предвидеть, какой облик примет мир в последующие века.

Тем не менее трагическая история, ее основные темы и действующие лица были видны всем. Ни один наблюдатель не должен был не заметить, что Римская империя четвертого и пятого веков уже не была Римской империей эпохи великих Антонинов и Августов, что она утратила контроль над своими территориями и экономическую сплоченность, что ей угрожали варвары, которые в конце концов должны были ее одолеть. Территория Римской империи в период ее расцвета простиралась от Северного моря до северных окраин Сахары, от Атлантического побережья Европы до центральных азиатских степей; она включала в себя большую часть регионов бывших Эллинской, Иранской и Финикийской империй, а за ее галльскими и североафриканскими границами она либо управляла, либо сдерживала огромные скопления народов и княжеств. От этих самых дальних рубежей Рим IV века отступил и продолжает отступать.

В пределах его границ великие потоки межрегиональной торговли в прежние века текли по маршрутам, связывавшим все провинции империи с Римом и большинство провинций друг с другом. Но с III века экономическое единство империи стало разрушаться, и к V веку большинство великих потоков межрегиональной торговли прекратились, а провинции и округа были брошены на самих себя и свои собственные ресурсы. А с уменьшением богатства провинций, ограничением их торговли, великие провинциальные города также сокращали свое население, богатство и политическое влияние.

И все же до последних дней империя пыталась защитить свои границы от наступающих варваров. Варварские завоевания, как и все завоевания, грозили не только разрушением и разорением, но и тем образом жизни, который отстаивали варвары, - отрицанием того, чем была римская цивилизация, хотя, увы, постепенно переставала быть.

Однако не в материальных вещах современники находили или должны были находить самый острый конфликт между Римом и открывающимися перед ним варварскими перспективами. Прежде всего римская цивилизация была цивилизацией разума. За ней стояла долгая традиция мысли и интеллектуальных достижений, наследие Греции, в которую она, в свою очередь, внесла свой собственный вклад. Римский мир был миром школ и университетов, писателей и строителей. Мир варваров был миром, в котором разум находился в зачаточном состоянии, и это состояние было долгим. Боевые саги расы, которые почти исчезли или сохранились только в виде легенд, созданных в более позднюю эпоху; несколько грубых

законов, которые были необходимы для регулирования личных отношений, - все это вряд ли было цивилизацией в римском понимании. Король Чилперик, пытавшийся слагать стихи в стиле Седулия, хотя не мог отличить длинную ногу от короткой, и все они ковыляли; сам Карл Великий, ложившийся спать с грифелем под подушкой, чтобы в ночные часы упражняться в искусстве письма, которым он так и не овладел; что общего у них с Юлием Цезарем, Марком Аврелием и великим Юлианом, прозванным Отступником? В их лицах заключена вся широкая пропасть, зиявшая между Германией и Римом.

Рим и варвары были, таким образом, не только действующими лицами, но и двумя разными отношениями к жизни, цивилизацией и варварством. Мы не можем здесь подробно обсуждать вопрос о том, почему в столкновении между ними погибла цивилизация и победило варварство. Но важно помнить, что, пытаясь защитить свои границы от варваров, империя постепенно открывала их для варварских поселенцев.

Такое мирное проникновение варваров, изменившее весь характер общества, в которое они вторглись, было бы, конечно, невозможно, если бы это общество не было поражено болезнью. Болезнь становится достаточно очевидной к третьему веку. Она проявляется в междоусобных гражданских войнах, в которых цивилизация раздирает сама себя, провинция против провинции и армия против армии. Она проявляется в великом инфляционном кризисе примерно с 268 года и в налогообложении, которое постепенно подавляет мелкую буржуазию, в то время как состояния богачей ускользают из ее сетей. Он проявляется в постепенном откате экономики, основанной на свободном обмене, ко все более примитивным условиям, когда каждая провинция стремится к самообеспечению, а бартер заменяет торговлю. Она проявляется в упадке фермерства и в безработном городском населении, которое не дает покоя своими подачками и цирками, чья жизнь так резко, так ужасно контрастирует с жизнью надменных сенаторских семей и крупных землевладельцев в их дворцовых виллах и городских домах. Это проявилось в появлении мистических верований на руинах философии и суеверий (особенно астрологии) на руинах разума. Одна из религий, в частности, выросла в могущественную силу, взяв в руки свою священную книгу и обращаясь со словами надежды к жертвам социальной несправедливости, но, хотя она и смогла принести утешение отдельным людям, она ничего не смогла сделать, да и не пыталась, чтобы придать новые силы или вдохновение сражающейся цивилизации. Верная своему собственному этическому принципу, она была беспристрастна в отношениях между варварами и римлянами или между римлянами, которые процветали и правили, и теми, кто находился за их пределами.

Самым очевидным проявлением упадка римского общества было сокращение числа римских граждан. Империя обезлюдела задолго до окончания периода мира и процветания, который длился от Августа до Марка Аврелия. Разве не сам Август вызывает к себе бедняка из Фьезоле, у которого семья состоит из восьми детей, тридцати шести внуков и восемнадцати правнуков, и устраивает в его честь праздник в Капитолии, сопровождаемый большой рекламой? Разве Тацит, наполовину антрополог, наполовину Руссо, описывая благородного дикаря с оглядкой на сограждан, не замечает, что среди германцев считается постыдным ограничивать число своих детей? Длительность действия закона Августа о повышении рождаемости показательна; успешным он не был, но тот факт, что он был внесен в свод законов и систематически пересматривался и развивался в течение трех столетий, показывает, что он, по крайней мере, считался необходимым. Конечно, смертность в те времена была гораздо более важным фактором, чем в наши дни, а смертность от моровой язвы и гражданской войны, начиная с Марка Аврелия, была исключительной. Кроме того, очевидно, что в Римской империи была высока доля безбрачных, и падение плодovitости

браков продолжалось. Именно бездетные браки, малосемейная система вызывают сожаление у современных авторов. По поразительной фразе Сили: "Человеческий урожай был плох". Он был плох во всех классах, но упадок был наиболее заметен в высших слоях общества, наиболее образованных, наиболее цивилизованных, потенциальных лидерах расы. Говоря ужасными словами Свифта, столкнувшегося с собственным безумием, Римская империя могла бы воскликнуть: "Я умру как дерево - от верхушки вниз".

Почему (настойчиво напрашивается вопрос) эта цивилизация утратила способность к самовоспроизводству? Было ли это, как сказал Полибий, потому, что люди предпочитали развлечения детям или желали воспитывать своих детей в комфорте? Вряд ли, ведь это больше заметно среди богатых, чем среди бедных, а богатые могут иметь лучшее из обоих миров. Было ли это связано с тем, что люди впали в уныние и разочарование, перестали верить в свою цивилизацию и не хотели приводить детей в темноту и катастрофу разрушенного войной мира? Мы не знаем. Но мы видим связь падения численности населения с другими бедами империи - тяжелыми расходами на управление, которые становятся еще тяжелее при низкой плотности населения; пустующими полями, сокращающимися легионами, которых не хватало для охраны границ.

Чтобы вылечить эту демографическую болезнь, римские правители не знали другого способа, кроме как дозировать ее варварской энергией. Для начала небольшая инъекция, а затем все больше и больше, пока в конце концов в жилах не потекла не римская, а варварская кровь. Пришли германцы, чтобы заселять границы, обрабатывать поля, записываться сначала во вспомогательные войска, а затем в легионы, занимать великие государственные посты. Армия варваризирована, и один современный писатель, мистер Мосс, наиболее эффективно процитировал жалобу египетской матери, жаждущей вернуть своего сына, который (как она говорит) ушел с варварами - он имеет в виду, что он записался в римские легионы. Легионы варваризированы, и они варваризируют императора. Для них он больше не величественное воплощение закона, он их вождь, их фюрер, и они поднимают его на свои щиты. А параллельно с варваризацией армии идет варваризация и гражданских нравов. В 397 году Гонорий вынужден издать эдикт, запрещающий носить немецкую одежду в пределах Рима. И в итоге, будучи сами наполовину варварами, они имеют только варваров для защиты от варварства.

Такова была общая картина великого крушения цивилизации, среди которой жили римляне четвертого, пятого и шестого веков. Каково же было жить в то время, когда цивилизация падала перед силами варварства? Осознавали ли люди происходящее? Отбрасывал ли мрак Темных веков свою тень? Так получилось, что мы можем очень четко ответить на эти вопросы, если обратим свой взор на одну конкретную часть Империи - знаменитую и высокоцивилизованную провинцию Галлию. Мы можем уловить упадок в трех точках, потому что в трех последовательных веках галло-римские писатели оставили нам картину своей жизни и времени. В четвертом веке мы имеем Авзония, в пятом Сидония Аполлинария, в шестом Григория Турского и Фортуната, чужестранца из Италии, который сделал свой дом в Пуатье. Они показывают нам Овернь и Борделе в вечернем свете. Четвертый, пятый и шестой века - уходят, уходят, уходят!

2. AUSONIUS

Уходящий! Это мир Авзония, юго-западная Франция второй половины IV века, "бабье лето между эпохами бурь и крушений". Сам Авсоний - ученый и джентльмен, друг и язычника Симмаха, и святого Паулина Нельского. В течение тридцати лет он является профессором риторики в университете в Бордо, некоторое время наставником принца, префектом Галлии, консулом, а в последние годы - просто стариком, довольным жизнью в своих поместьях. Самое известное его стихотворение - описание Мозеля, которое при всей своей литературной аффектации вызывает в памяти волшебные образы улыбающейся сельской местности, которая была фоном его жизни. Высоко над рекой на обоих берегах стоят виллы и загородные дома, с их дворами, лужайками и портиками с колоннами, с горячими ваннами, из которых при желании можно окунуться в поток. Солнечные склоны холмов покрыты виноградниками, и со склона на вершину холма перекликаются между собой крестьяне, а прохожие на буксире или проплывающие мимо баржи выкрикивают свои грубые шутки в адрес бездельничающих виноградарей. Далеко на середине реки рыбак сматывает свою капаящую сеть, а на скале у берега рыболов сматывает удочку. А с наступлением сумерек в воде отражается все более глубокая тень зеленого склона холма, и, глядя вниз, лодочник может почти сосчитать дрожащие лозы и почти увидеть, как набухает виноград.

Столь же спокойной, столь же приятной была жизнь в собственном поместье Авзония в Борделе, его маленькой вотчине (так он ее называет), хотя у него была тысяча акров виноградников, пашни и леса. Мисс Уодделл напомнила нам со слов Сэинтсбери (а кого же еще?), что "и по сей день это поместье гордится Шато-Озоном, одним из двух лучших кларетов Сент-Эмильона". Здесь он ухаживает за своими розами и посылает своего мальчика к соседям, чтобы пригласить их на обед, а сам в это время беседует с поваром. Шесть человек, включая хозяина, - правильное число, если больше, то это не обед, а меле. Затем есть все его родственники, которых нужно помянуть в стихах: дедушка, бабушка, сестры, кузины, тети (особенно тети).

А когда семейный круг затихает, остается общий зал для старших и профессора Бордо, которых можно прославить в свою очередь. Профессора были важными людьми в империи четвертого века; Симмах говорит, что признаком процветающего государства является хорошее жалование профессорам, хотя какой именно вывод мы должны сделать из этого в свете истории, я не решаюсь сказать. Итак, Авсоний пишет сборник стихов о профессорах Бордо. Их тридцать два, и все они прославлены. Это оратор Минервий, который обладал потрясающей памятью и после игры в нарды имел обыкновение проводить вскрытие каждого хода. Грамматик Анастасий, который был настолько глуп, что покинул Бордо ради провинциального университета и в дальнейшем томился в заслуженной безвестности. Это Аттий Тиро Дельфидий, который после завершения юридической карьеры занял профессорскую кафедру, но так и не смог добиться от своих подопечных никаких проблем, к разочарованию их родителей. Есть еще Иокунд Грамматик, который не заслуживал своего звания, но был таким добрым человеком, что мы будем помянуть его среди достойных людей, хотя, строго говоря, он не справлялся с работой. Это Эксупериус, который был очень красив и чье красноречие звучало превосходно, пока вы не исследовали его и не обнаружили, что оно ничего не значит. Есть Динамий, который сошел с пути добродетели с замужней дамой в Бордо и довольно поспешно покинул это место, но, к счастью, встал на ноги в Испании. А еще есть Викториус Ашер, которому нравились только самые заумные исторические проблемы, например, какова была родословная жреца, приносившего жертвы в Курео задолго до времен Нумы, или что Кастор мог сказать обо всех теневых царях, и который так и не добрался до Туллия или Вергилия, хотя мог бы это сделать, если бы

продолжал читать достаточно долго, но смерть оборвала его слишком рано. Они кажутся странно знакомыми фигурами (за исключением, конечно, Динамия), а их летописец умудряется сделать их живыми.

Таким предстает перед нами мир, изображенный Авзонием. Но пока эта приятная жизнь в загородном доме и общей комнате для старшеклассников протекала спокойно, что же происходит в учебниках истории? Авсонию было около пятидесяти лет, когда в 357 году немцы переправились через Рейн, разграбили сорок пять цветущих городов и разбили свои лагеря на берегах Мозеля. Он видел, как великий Юлиан взял в руки оружие ("О Платон, Платон, что за задача для философа") и в ряде блестящих кампаний вновь изгнал их. Десять лет спустя, когда он был воспитателем Грациана, он сам сопровождал императора Валентиниана в другом походе против тех же врагов. Еще через десять лет, когда он нахваливал свой консульский титул, он, должно быть, услышал о катастрофической битве при Адрианополе на востоке, когда готы разбили римскую армию и убили императора. Он умер в 395 году, и в течение двенадцати лет после его смерти войска германцев переправились через Рейн, "вся Галлия представляла собой дымящийся погребальный костер", а готы были у ворот Рима. Что же говорят об этом Авсоний и его корреспонденты? Ни слова. Авсоний, Симмах и их окружение игнорируют варваров так же полностью, как в романах Джейн Остин игнорируются наполеоновские войны.

3. СИДОНИЙ АПОЛЛИНАРИЙ

Иду, иду.... Примерно через тридцать пять лет после смерти Авзония, в середине катастрофического шестого века, родился Сидоний Аполлинарий, галло-римский аристократ, отец тестя императора, некоторое время префект Рима и в конце концов епископ Клермонта. Сидоний Аполлинарий, 431 год (или около того) - 479 год или, возможно, несколько лет спустя. Многое произошло между смертью Авзония и его рождением. По всей Европе гасли огни. В Галлии и Испании возникли варварские королевства, сам Рим был разграблен готами, а при его жизни крах продолжался, причем все более стремительно. Он был двадцатилетним юношей, когда на Запад обрушился последний ужас - нашествие Атилы и гуннов. Это прошло, но когда ему было двадцать четыре года, вандалы разграбили Рим. Он видел, как ужасный германский король-изготовитель Рицимер занял трон и распустил ряд марионеточных императоров, видел, как последний остаток галльской независимости был отброшен, а сам он стал варварским подданным, и за несколько лет до своей смерти увидел падение империи на западе.

Они не могут, Сидоний и его друзья, игнорировать, как это делал Авсоний и его друзья, что с империей что-то происходит. Люди пятого века обеспокоены этими бедствиями и утешают себя, каждый в соответствии со своим родом. Есть и такие, кто считает, что долго это продолжаться не может. В конце концов, говорят они, империя и раньше оказывалась в затруднительном положении и всегда в конце концов выбиралась из него и одерживала верх над своими врагами. Так поступил сам Сидоний в тот же год после того, как они разграбили город; Рим и раньше выдерживал столько же - был Порсенна, был Бреннус, был Ганнибал..... Только в тот раз Рим не пережил этого. Другие пытались использовать бедствия для обличения грехов общества. Так, Сальвиан Марсельский, которого, без сомнения, называли бы мрачным деканом, если бы он не был епископом. Для него все, что нужно упадочной римской цивилизации, - это скопировать некоторые добродетели этих свежих молодых варваров. Здесь есть знакомая фигура Орозия, защищающего варваров аргументом, что

когда Римская империя была основана, она была основана на крови и завоеваниях и не может позволить себе бросать камни в варваров; и в конце концов, варвары не так уж плохи. Если несчастные люди, которых они разорили, будут довольствоваться тем малым, что им осталось, их завоеватели будут беречь их как друзей и братьев". Другие, особенно более вдумчивые церковники, озабочены тем, чтобы объяснить, почему империя, процветавшая при язычестве, должна подвергнуться такой опасности при христианстве. Другие вообще отказываются от империи и (подобно святому Августину) возлагают надежду на нерукотворный город - хотя Амвросий, правда, позволил себе беременное замечание, что воля Божья не в том, чтобы его народ был спасен с помощью логической рубки. Богу не угодно спасать свой народ диалектикой".

И как же они жили? Достаточно прочитать письма, написанные Сидонием в период между 460 и 470 годами, когда он жил в своем поместье в Оверни, чтобы понять, что внешне все происходит точно так же, как и раньше. Галлия, правда, сократилась до небольшого остатка между тремя варварскими королевствами, но если бы не это, мы могли бы вернуться во времена Авзония. Здесь есть роскошная вилла с горячими ваннами и бассейном, с номерами люкс, с видом на озеро; здесь Сидоний приглашает своих друзей погостить у него или рассылает свои сочинения профессорам, епископам и деревенским джентльменам. Спорт и игры очень популярны - Сидоний ездит верхом, плавает, охотится, играет в теннис. В одном из писем он рассказывает своему корреспонденту, что провел несколько дней в деревне со своим кузенком и старым другом, чьи поместья примыкают друг к другу. Они послали разведчиков, чтобы поймать и привезти его на неделю, и по очереди развлекали его. Перед завтраком на лужайке играют в теннис или нарды. Час-другой в библиотеке, после чего мы садимся за отличный обед, за которым следует сиеста. Затем мы отправляемся на прогулку верхом и возвращаемся, чтобы принять горячую ванну и окунуться в реку. Я хотел бы описать наши роскошные званые обеды, - заключает он, - но у меня больше нет бумаги. Однако приезжайте к нам, и вы обо всем узнаете. Понятно, что это не Британия, где в шестом веке полуварвары разбивали лагерь в заброшенных виллах и готовили еду на полах главных комнат.

И все же... со времен Авзония все пошло гораздо хуже, и Сидоний не мог теперь игнорировать само существование варваров. Он действительно оставил их примечательные портреты, особенно короля вестготов и бургундцев, которые правили Лионом, где он родился. Всякий раз, когда он приезжал туда погостить, жалуется он, они стекались вокруг него с постыдным дружелюбием, дышали луком и пореем и мазали волосы прогорклым маслом (похоже, они не были стеснены в выборе между копьями и маслом). Как, спрашивается, он может сочинять шестифутовые метры, когда вокруг него столько семифутовых покровителей, все поют и ждут, что он будет восхищаться их неуклюжим потоком нелатинских слов? Пожимание плечами, гениальное презрение человека, сознающего свое безграничное превосходство, - как все ясно. Вспоминается стихотворение Верлена

Я - империя в конце декаданса.
кто смотрит, как проходят великие барбары.

Но добрый нрав Сидония был грубо поколеблен. Все варвары не были дружелюбными гигантами, и вестготы по соседству, под руководством своего нового короля Эврика, обратили жадные взоры на Овернь. Сидоний не успел и двух лет побыть епископом Клермонта, как ему пришлось организовывать оборону города от их нападения. Аверняне выступили галантно: они будут сражаться, они будут голодать, но они будут защищать этот последний оплот Рима в Галлии. Но они были малочисленным народом; чтобы успешно

сопротивляться, им должна была прийти помощь из самого Рима. Чтобы никто не заподозрил меня в искажении истории, я передаю ее словами редактора Сидония, писавшего двадцать лет назад.

Юлий Непот осознавал опасность того, что Эврих может перейти Рону; но, поскольку его ресурсы были слабы, он мог надеяться добиться мира только путем переговоров. Квестор Лициниан был послан в Галлию, чтобы выяснить, как обстоят дела на споте..... Он вернулся, и вскоре стало ясно, что надежды, основанные на его вмешательстве, не оправдаться. Мы видим, что Сидоний пишет для получения информации..... Он начал опасаться, что что-то происходит за его спиной и что реальная опасность для Оверни исходит уже не от решительных врагов, а от пассионарных друзей. Его подозрения оказались слишком обоснованными. После получения доклада квестора был созван совет, чтобы определить политику империи в отношении вестготского короля..... Империя не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы поддерживать Овернь, и было решено уступить всю территорию Эврику, очевидно, без всяких условий.

Отчаяние Сидония не знало границ, и он пишет благородное возмущенное письмо епископу, принимавшему участие в переговорах:

Состояние нашего несчастного края поистине плачевно. Все утверждают, что во время войны все было лучше, чем сейчас, после заключения мира. Наше порабощение стало ценой безопасности для третьей стороны; порабощение, к стыду своему!, тех авернийцев... которые в наше время в одиночку сдерживали продвижение общего врага..... Это люди, чьи простые солдаты были не хуже капитанов, но никогда не пользовались плодами своих побед: это было передано для вашего утешения, в то время как все сокрушительное бремя поражения они должны были нести сами..... Это должно быть нашей наградой за то, что мы терпели нужду, огонь, меч и мор, за то, что мы обмакивали наши мечи в кровь врага и сами шли в бой голодными. Это и есть тот знаменитый покой, о котором мы мечтали, когда рвали траву из щелей в стенах, чтобы поесть..... За все эти доказательства нашей преданности, казалось бы, нас должны принести в жертву. Если это так, то пусть вы доживете до того времени, когда вам придется краснеть за мир, лишенный ни чести, ни выгоды.

Овернь была принесена в жертву ради спасения Рима. Но Риму недолго суждено было наслаждаться миром с честью. Все это произошло в 475 году, а в 476 году последний император был низложен своим предводителем варваром-медведем, и империи на западе пришел конец. Что касается Сидония, то готы на некоторое время заключили его в тюрьму, и прежде чем он смог вернуть свои владения, ему пришлось написать панегирик королю Эврику (тот написал панегирики трем римским императорам). Очевидно, что жизнь в старом загородном доме продолжалась, хотя люди, обменивавшиеся письмами и эпиграммами, теперь находились под властью варваров. Но в одном письме незадолго до смерти Сидония прорывается одна строчка, в которой он распаковывает свое сердце. *O neccessitas abjecta nascendi, vivendi misera dura moriendi*. "О унижительная необходимость рождения, печальная необходимость жизни, тяжелая необходимость смерти". Вскоре после 479 года он умер, и уже через двадцать лет Хлодвиг начал свою завоевательную карьеру, а Теодорих стал правителем Италии.

4. ФОРТУНАТ И ГРИГОРИЙ ТУРОВ

Уходить, уходить, уходить.... Есть только время и только сердце, чтобы на мгновение взглянуть на франкское королевство, которое когда-то было Галлией, и осмотреть мир Фортуната и Григория Турского, родившихся на столетие позже Сидония, в 530-х годах. На мгновение, глядя на Фортуната, думаешь, что мир шестого века - это тот же мир, в котором Сидоний развлекал своих друзей эпиграммами и теннисом. Фортунат, этот разносторонний, мягкий, любезный, лижущий сапоги гурман, которому каким-то образом удалось написать два самых великолепных гимна христианской церкви, прибыл из Италии с визитом в Галлию в 565 году и больше никогда ее не покидал. Он путешествовал по всем франкским землям, как по той, что была Германией, так и по той, что была Галлией. От Трира до Тулузы он легко добирался по реке и по дороге, и, возможно, это снова Аусоний. Фортунат тоже пишет поэму о Мозеле; здесь та же улыбающаяся сельская местность с террасами виноградников, спускающихся к тихому потоку, и дымом вилл, поднимающимся из леса. Фортунат тоже объезжал загородные дома, особенно роскошные виллы, принадлежавшие Леонтию, епископу Бордо, великому галло-римскому аристократу, чей дед был другом Сидония. Горячие бани, портики с колоннами, лужайки, спускающиеся к реке, - все здесь; пиры еще более пышные (они сильно расстроили пищеварение Фортуната), а разговоры по-прежнему о литературе. Более умные из варварских владык по мере сил подражали этой изысканной и роскошной жизни. Франки, как и галло-римляне, приветствуют маленького нетерпеливого Фортуната; каждый граф хочет получить набор латинских стихов, посвященных себе. Очевидно, что по крайней мере некоторые черты старого деревенского быта сохранились. Аполлинарии по-прежнему наслаждаются горячими ваннами и теннисом; как говорит Дилл, варвар может править страной, но законы вежливого общества будут соблюдаться по-прежнему.

Но если посмотреть еще раз, то понимаешь, что все не так. Трагедия шестого века представляется такой мрачной не только потому, что мы знаем, что даже эти остатки социальной и материальной цивилизации Рима вскоре сами угаснут. Это потому, что, когда мы смотрим под поверхность, мы видим, что жизнь ушла из всего этого, душа, которая воспламеняла его, мертва, и теперь не осталось ничего, кроме пустой оболочки. Эти люди приветствуют Фортуната только потому, что он родом из Италии, где гниль зашла не так далеко, где еще сохранилась репутация образованности и культуры. Они немного утешают свою ностальгию в присутствии этого *отпрыска* утраченной цивилизации.

Ведь это мир Григория Турского, о котором вы можете прочитать в его *"Истории франков"*. Власть, под которой он живет, - это власть ужасных королей Меровингов. Бок о бок с виллами распространяется и процветает варварство, словно заросли джунглей. Учеба умирает - почти не осталось призрака университета, и сам Григорий, происходивший из великой галло-римской семьи и бывший епископом, сокрушается о своем незнании грамматики. Города сжимаются, прячась за своими оборонительными сооружениями. Синагоги пылают, и сделан первый шаг в той трагической истории о проскрипциях и таллаге, таллаге и изгнании, которая (кажется) никогда не закончится. Что касается политики, то у франков правит воля вождя и его дружины, а чистки и кровавые бои отмечают каждый этап соперничества меровингских князей. Худшие из них - дьяволы вроде Чилперика и Фредегонда, лучшие - все еще варвары, как тот король Гунтрам, который заполнил столько снисходительных страниц в *"Григории Турском"*. Это смутная фигура современности, толстый, пузатый человек, то мурлыкающий от веселого добродушия, то раздражающийся взрывами гнева и насилия, странная смесь добродушия и жестокости. Это ироничный комментарий к тому, что случилось с цивилизацией, что Грегори должен относиться к нему с

симпатией, что он должен быть известен как "добрый король Гунтрам" и что церковь должна была фактически канонизировать его после его смерти. Добрый король Гунтрам; Мишле охарактеризовал его фразой "Ce bon roi à qui on ne reprochait que deux ou trois meurtres".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это были люди, пережившие века падения Рима и триумфа варваров, которые в силу своего возвышенного положения, образованности и талантов должны были предвидеть, если не предсказать, ход событий. И все же, созерцая мир Авзония и Сидония (ведь ко времени Григория Турского он был уже мертв), поневоле задаешься вопросом, почему они были так слепы к происходящему. В больших загородных домах продолжаются званые обеды и теннисные вечера, маленькие профессора в университетах читают лекции и пишут книги; игры становятся все более популярными, а театры всегда полны. Авсоний видел, как германцы однажды захватили Галлию, но он никогда не говорит об опасности, которая может повториться. Сидоний живет в мире, уже наполовину состоящем из варваров, но за год до падения Западной империи он все еще мечтает о консульстве для своего сына. Почему они не осознавали масштабов постигшего их бедствия? Это действительно вопрос, почти столь же захватывающий, как и вопрос о причинах падения их цивилизации, ибо это, возможно, один и тот же вопрос. В качестве объяснения можно предложить несколько ответов.

Прежде всего, процесс распада был медленным, так как весь темп жизни был медленным, и то, что в наше время могло бы занять десятилетия, тогда заняло столетия. Лишь того, что мы можем оглянуться назад с точки зрения гораздо более поздней эпохи, мы можем увидеть неумолимую картину, которую формируют события, так что нам хочется взывать к этим мертвым людям по коридору веков, предупреждая их о необходимости выступить, пока не стало слишком поздно, и не слышать ответного эха: "Врач, исцели себя сам! Они страдали от фатальной близорукости современников. Их занимали сиюминутные дела, их занимала опасность, которую нужно было предотвратить, и они не понимали, что каждый компромисс и каждое поражение - это звено в цепи, тянущей их над пропастью.

В какой момент варварство внутри превратилось в болезнь? От первого германца в кожаной одежде, взятого в легион, до великих варваров-патрициев Италии, делающих и не делающих императоров, цепь не прерывается. В какой момент нападение извне стало фатальным? Был ли это уход из Дакии в 270 году - позвольте варварам их сферу влияния на востоке Европы, бросьте им последний рекрутский набор в Румынию, и они насытятся и оставят в покое

запад? Было ли это поселение готов в качестве *foederati* в составе империи в 382 году и началом того компромисса между Римской империей и германцами, который, как говорит Бьюри, скрывал переход от правления одних к правлению других, от федеративных государств в составе империи к независимым государствам, пришедшим им на смену? Была ли эта политика умиротворения роковой ошибкой? Была ли она связана с выводом легионов из Британии, далекого народа (как мог бы сказать римский сенатор), о котором мы ничего не знаем? Или роковое сочетание Испании и Африки, когда к 428 году вандалы закрепились в обеих провинциях, а вандальский флот (с Майоркой и островами в качестве базы) отрезал Рим от поставок кукурузы и сломал хребет античной цивилизации, которым было Средиземное море? Не единожды в истории Европы торжество враждебной власти в Африке и Испании оборачивалось катастрофой для нашей цивилизации.

Но если постепенность этого процесса ввела римлян в заблуждение, то были и другие, не менее веские причины их слепоты. Самая веская из них заключалась в том, что они полностью заблуждались относительно самой природы цивилизации. Все они совершали одну и ту же ошибку. Люди, которые думали, что Рим может проглотить варварство и впитать его в свою жизнь, не разбавляя собственной цивилизации; люди, которые бегали по улицам и говорили, что варвары в конце концов не такие уж плохие ребята, находили в их режиме хорошие моменты, чтобы порицать римлян, и кричали, что, пока вы не станете такими же маленькими варварами, вы не достигнете спасения; люди, которые в 476 году не заметили, что половина *Respublica Romanorum* прекратила свое существование, и питали себя вымыслом, что варварские короли осуществляют власть, делегированную императором. Все эти люди заблуждались в одной и той же ошибке - вере в то, что Рим (цивилизация их эпохи) - это не просто исторический факт с началом и концом, а состояние природы, как воздух, которым они дышат, и земля, по которой они ступают *Ave Roma immortalis*, самое великолепное и самое пагубное из верований!

Дело в том, что римляне были ослеплены тем, что с ними происходило, самим совершенством материальной культуры, которую они создали. Вокруг них царили солидность и комфорт, материальное существование, которое было полной противоположностью варварству. Как они могли предвидеть тот день, когда норманнский летописец будет восхищаться разбитыми гипокаустами Керлеона? Как они могли представить, что что-то столь прочное может исчезнуть? Их дороги становились все лучше, а государственная мудрость все хуже, и центральное отопление торжествовало по мере падения цивилизации.

Но еще большее влияние на их неосведомленность оказала система образования, в которой они воспитывались. Авсоний, Сидоний и их друзья были высокообразованными людьми, а Галлия славилась своими школами и университетами. Образование, которое они получали, заключалось в изучении грамматики и риторики, необходимых как для гражданской службы, так и для вежливого общества; трудно представить себе образование, более оторванное от современной жизни или менее подходящее для привития качеств, которые могли бы помочь людям справиться с ней. Роковое изучение риторики, связь которой с реальностью давно прервалась, концентрировало все внимание умных людей на форме, а не на сути. То, чему их учили в школах, не имело никакого отношения к происходящему в окружающем мире и породило в них роковую иллюзию, что завтра будет так же, как вчера, что все будет по-прежнему, тогда как все было иначе.

Поэтому мы уходим от них. Уходим... уходим... уходим! Совсем ушли? Возможно, нет. Должны были пройти сотни лет варварства, прежде чем возникло новое общество, способное сравняться или даже превзойти Рим в материальном богатстве, в искусствах, в науках и в

более мягких способах существования - в *douceur de la vie*. Мы не можем сказать, какая дата ознаменовала момент окончательного восстановления, и кто были те люди, которые должны были представлять развивающуюся цивилизацию так же полно, как Авзоний или Григорий Турский представляли цивилизацию в отступлении: Данте, Шекспир, Каперник, Ньютон? Но на протяжении многих веков, возможно, целого тысячелетия, прежде чем Западная Европа поднялась на те высоты, на которых сейчас стояли эти люди, она постепенно поднималась из глубин постримского упадка. Восхождение было не только медленным, но и прерывистым, однако его хватило, чтобы в течение нескольких столетий после Григория Турского установить общественный строй, отличный от Рима и менее славный, чем тысячелетняя история, но тем не менее достаточно возвышенный, чтобы вызвать интерес и даже восхищение других, еще более поздних эпох. В этой культуре и в этом общественном строе многое из того, что представляли Авзоний, Сидоний и даже Фортунат, вновь ожило, хотя и в той форме, которую они не всегда признавали своей собственной. По крайней мере, в этом смысле они были не только эпигонами Рима, но и настоящими предшественниками Средневековья.

ГЛАВА II

КРЕСТЬЯНИН БОДО

ЖИЗНЬ В СЕЛЬСКОМ ПОМЕСТЬЕ ВО ВРЕМЕНА КАРЛА ВЕЛИКОГО

Три тонких вещи, которые лучше всего поддерживают мир: тонкая струйка молока из коровьего выдоя в ведро; тонкое лезвие зеленой кукурузы на земле; тонкая нить на руке искусной женщины.

Три звука увеличения: мычание коровы в молоке; грохот кузницы; свист плуга".

--Из "Триады Ирландии" (IX век)

Экономическая история, как мы ее знаем, - самая новая из всех отраслей истории. До середины прошлого века главный интерес историков и общественности лежал в политической и конституционной истории, в политических событиях, войнах, династиях, политических институтах и их развитии. Таким образом, в основном история касалась правящих классов. "Давайте теперь восхвалим знаменитых людей", - таков был девиз историка. Он забывал добавить "и наших отцов, которые нас породили". Он не заботился о том, чтобы исследовать неясные жизни и деятельность огромной массы человечества, на чьем медленном труде было построено процветание мира и кто был скрытым фундаментом политического и конституционного здания, воздвигнутого знаменитыми людьми, которых он восхвалял. Говорить о простых людях было бы ниже достоинства истории. Карлайл внес значительную ноту бунта: "Я хочу видеть, - сказал он, - не списки Красной книги, судебные календари и парламентские реестры, а жизнь человека в Англии: что люди делали, думали, страдали, наслаждались..... Скорбно, по правде говоря, смотреть на то, чем все еще остается дело, называемое "историей", в наши столь просвещенные и озаренные времена. Можете ли вы извлечь из нее, читая до тех пор, пока ваши глаза не погаснут, хоть малейшую тень ответа на этот великий вопрос: Как люди жили и имели свое существование, только ли экономически, как, какую зарплату они получали и что на нее покупали? К несчастью, вы не можете История в том виде, в каком она предстает перед нами в золоченых томах, ничуть не более поучительна, чем деревянные тома доски для игры в нарды".

Карлайл был гласом вопиющего в пустыне. Сегодня новая история, путь которой он подготовил, пришла. Нынешняя эпоха отличается от предшествующих ей веков ярким осознанием того, что человек на улице, или (как это чаще бывало в ранние века) человек с мотыгой, - это тот, кем многие пренебрегают. Сегодня историк интересуется социальной жизнью прошлого, а не только войнами и интригами князей. Для современного писателя XIV век, например, - это не только век Столетней войны, Черного принца и Эдуарда III; гораздо важнее для него эпоха медленного разложения холопства в Англии, факт более эпохальный, в конечном счете, чем борьба за наши французские провинции. Мы по-прежнему восхваляем знаменитых людей, ибо плох был бы тот историк, который обошел бы вниманием одну из великих фигур, проливших славу или романтику на страницы истории; но мы восхваляем их с должным признанием того факта, что не только великие личности, но и народ в целом, безымянные и ничем не примечательные массы людей, ныне спящие в безвестных могилах, также были причастны к этой истории. Наши отцы, породившие нас, наконец-то пришли к своей цели. Как сказал Актон, "великий историк теперь обедает на кухне".

Эта книга посвящена главным образом кухням истории, и первая из них, которую мы посетим, - это загородное поместье начала девятого века. Так получилось, что мы знаем о таком поместье удивительно много, отчасти потому, что сам Карл Великий издал ряд приказов, в которых инструктировал королевских управляющих, как управлять его собственными землями, рассказывая им обо всем, что необходимо знать, вплоть до овощей, которые они должны были посадить в саду. Но наш главный источник знаний - это замечательная книга владений, которую Ирминон, аббат Сен-Жермен-де-Пре под Парижем, составил для того, чтобы аббатство могло точно знать, какие земли ему принадлежат и кто на них живет, подобно тому, как Вильгельм I составил книгу владений всего своего королевства и назвал ее *Domesday Book*. В этой книге было записано название каждого небольшого поместья (или *фиска*, как его называли), принадлежащего аббатству, с описанием земли, которая обрабатывалась под руководством управляющего для собственной выгоды, и земли, которая принадлежала арендаторам, и имена этих арендаторов, их жен и детей, а также точные услуги и арендная плата, вплоть до доски и яйца, которые они должны были делать за

свою землю. Сегодня мы знаем имя почти каждого мужчины, женщины и ребенка, жившего на этих маленьких *рыбках* во времена Карла Великого, и многое об их повседневной жизни.

Задумайтесь на минуту, как было устроено поместье, в котором они жили. Земли аббатства Сен-Жермен были разделены на множество владений, называемых *фисками*, каждое из которых было удобного размера и управлялось управляющим. В каждом из этих *фисков* земля делилась на сеньориальные и приписные земли; первые управлялись монахами через управляющего или другого чиновника, а вторые принадлежали различным арендаторам, которые получали их от аббатства и владели ими. Эти приписные земли были разделены на множество маленьких ферм, называемых мансами, каждая из которых была занята одной или несколькими семьями. Если бы вы посетили главную или сеньориальную усадьбу, которую монахи держали в своих руках, то увидели бы небольшой дом с тремя или четырьмя комнатами, вероятно, построенный из камня, выходящий во внутренний двор, а по одну сторону от него - особую группу домов, обнесенных изгородью, где жили и выполняли свою работу крепостные женщины, принадлежавшие к этому дому; Повсюду виднелись маленькие деревянные домики, где жили домашние крепостные, рабочие комнаты, кухня, пекарня, амбары, конюшни и другие хозяйственные постройки, а вокруг всего этого - живая изгородь, тщательно засаженная деревьями, чтобы создать своего рода ограду или двор. К этой центральной усадьбе примыкало значительное количество земли - пашни, луга, виноградники, фруктовые сады и почти все леса или перелески в поместье. Очевидно, что для обработки всех этих земель требовалось много труда. Часть этого труда обеспечивалась подневольными работниками, которые были прикреплены к главной усадьбе и жили во дворе. Но этих крепостных было недостаточно для выполнения всей работы на землях монахов, и гораздо большую часть ее приходилось выполнять за счет услуг, оплачиваемых другими землевладельцами поместья.

January—Ploughing

March—Breaking Clods

August—Reaping

December—Threshing and Winnowing

I. БОДО ЗА РАБОТОЙ.

виноградника, прикрепленным к ней. В обмен на эти надельные владения владелец или совладельцы каждой усадьбы должны были выполнять работу на земле главной усадьбы около трех дней в неделю. Главным делом управляющего было следить за тем, чтобы они выполняли свою работу должным образом, и от каждого он имел право требовать два вида труда. Первый - это *полевые работы*: каждый человек был обязан ежегодно выполнять определенное количество пахоты на земле домена (как это называлось впоследствии), а также давать то, что называлось *corvée*, то есть нефиксированное количество пахоты, которое управляющий мог требовать каждую неделю, когда это было необходимо; это различие соответствует различию между *недельной* и *бонитарной работой* в позднее Средневековье. Второй вид труда, который должен был выполнять каждый владелец фермы на земле монахов, назывался ручной работой, то есть он должен был помогать ремонтировать здания, или рубить деревья, или собирать фрукты, или варить эль, или носить грузы - в общем, все, что требовалось сделать, и что управляющий велел ему сделать. Именно за счет этих услуг монахи возделывали свою собственную ферму сеньории. Во все остальные дни недели эти трудолюбивые арендаторы были вольны возделывать свои собственные маленькие фермы, и мы можем быть уверены, что они вкладывали в это дело вдвое больше локтевого жира.

Но на этом их обязанности не заканчивались, ведь они должны были не только оплачивать услуги, но и вносить определенную ренту в большой дом. В те времена не существовало государственных налогов, но каждый человек должен был выплачивать войсковую подать, которую Карл Великий взимал с аббатства, а аббатство - со своих арендаторов; эта подать выражалась в виде вола и определенного количества овец или эквивалента в деньгах: "Он платит хозяину два шиллинга серебра" стоит на первом месте в списке обязанностей каждого свободного человека. Крестьяне также должны были платить за особые привилегии, предоставленные им монахами; они должны были нести груз дров в большой дом в обмен на разрешение собирать хворост в лесу, который ревностно оберегался для использования аббатством; они должны были заплатить несколько бочонков вина за право пасти своих свиней в том же драгоценном лесу; каждый третий год они должны были отдавать одну из своих овец за право пастись на полях главной усадьбы; они должны были платить своего рода налог на опрос в размере 4 ден. за голову. Помимо этой особой ренты, каждый крестьянин должен был платить и другие ренты продуктами; каждый год он должен был отдать большому дому трех кур и пятнадцать яиц, а также большое количество досок для ремонта его построек; часто он должен был отдать ему пару свиней; иногда кукурузу, вино, мед, воск, мыло или масло. Если крестьянин был еще и ремесленником и изготавливал вещи, он должен был оплачивать продукцию своего ремесла; кузнец должен был делать копы для контингента аббатства в армии, плотник - бочки, обручи и подпорки для лозы, колесный мастер - телегу. Даже жены крестьян были заняты, если они были крепостными; ведь подневольные женщины обязаны были прясть ткань или каждый год шить одежду для большого дома.

Все это требовал и собирал управляющий, которого называли *Villicus*, или *Major* (Mayor). Это был очень трудолюбивый человек, и, читая семьдесят отдельных и конкретных предписаний, которые Карл Великий адресовал своим управляющим, нельзя не пожалеть его. Он должен был добиваться от арендаторов всех необходимых услуг, указывать им, что делать каждую неделю, и следить за тем, чтобы они это делали; он должен был следить за тем, чтобы они приносили в дом нужное количество яиц и свиней и не подбрасывали ему деформированные или плохо строганные доски. Он также должен был присматривать за домашними крепостными и заставлять их работать. Он должен был следить за тем, чтобы хранить, продавать или отсылать в монастырь продукцию поместья и ренту арендаторов; и каждый год он должен был представлять аббату полный и подробный отчет о своем управлении. У

него была своя усадьба, с которой причитались службы и рента, и Карл Великий увещевал своих управляющих быть своевременными в выплатах, чтобы показать хороший пример. Вероятно, его служебные обязанности оставляли ему мало времени для работы на собственной ферме, и ему пришлось бы нанять человека, который бы обрабатывал ее за него, как велел Карл Великий своим управляющим. Часто, однако, у него в подчинении были чиновники, называемые *деканами*, а иногда работу по приему и уходу за запасами в большом доме выполнял специальный погребальщик.

Таков, в нескольких словах, способ, которым монахи Сен-Жермена и другие франкские землевладельцы времен Карла Великого управляли своими поместьями. Давайте попробуем взглянуть на эти поместья с более человеческой точки зрения и узнать, какова была жизнь крестьянина, жившего в них. Аббатству принадлежало небольшое поместье под названием Вилларис, расположенное недалеко от Парижа, на месте, которое сейчас занимает парк Сен-Клу. Когда мы перелистаем страницы книги имений, посвященные Вилларису, то обнаружим, что там жил человек по имени Бодо.^[1] У него была жена Эрментруда и трое детей - Видо, Герберт и Хильдегард; он владел небольшой фермой с пахотными и луговыми землями и несколькими виноградниками. И мы знаем о работе Бодо почти столько же, сколько сегодня о работе мелкого фермера во Франции. Давайте попробуем представить себе один день из его жизни. Прекрасным весенним утром в конце правления Карла Великого Бодо встает рано, потому что сегодня его день, и он не смеет опаздывать, опасаясь управляющего. Конечно, за неделю до этого он, возможно, подарил управляющему яйца и овощи, чтобы тот был в хорошем настроении; но монахи не позволяют своим управляющим брать большие взятки (как это иногда делается в других поместьях), и Бодо знает, что ему не позволят опоздать на работу. Сегодня его день - пахать, поэтому он берет с собой своего большого вола и маленького Видо, чтобы тот бегал рядом с ним с козлом, и присоединяется к своим друзьям с соседних ферм, которые тоже собираются работать в большом доме. Все они собираются, одни с лошадьми и волами, другие с мотыгами, тяпками, лопатами, топорами и косами, и отправляются бригадами работать на полях, лугах и в лесах сеньориальной усадьбы, как прикажет им управляющий. Усадьбой по соседству с Бодо владеет группа семей: Фрамберт, Эрмуан и Рагенольд с женами и детьми. Проходя мимо, Бодо желает им доброго утра. Фрамберт собирается сделать изгородь вокруг леса, чтобы кролики не выходили и не поедали молодые посевы; Эрмоин велено везти в дом большой воз дров, а Рагенольд заделывает дыру в крыше сарая. Бодо уходит, посвистывая на холоде, со своими волами и маленьким мальчиком; идти за ним дальше бесполезно, потому что он пашет весь день и ест под деревом вместе с другими пахарями, и это очень однообразно.

Давайте вернемся и посмотрим, чем занимается жена Бодо, Эрментруда. Она тоже занята: сегодня день, когда нужно платить за цыплят - жирный пульман и пять яиц в общей сложности. Она оставляет своего второго сына, девяти лет, присматривать за малышкой Хильдегард и зовет одного из соседей, которому тоже нужно подняться в большой дом. Соседка - крепостная, и она должна отнести управляющему кусок шерстяной ткани, который будет отправлен в Сен-Жермен для изготовления монашеского одеяния. Ее муж весь день работает на виноградниках господина, ведь в этом поместье крепостные обычно ухаживают за лозами, а вольноотпущенники выполняют большую часть работы по вспашке. Эрментруда и жена крепостного вместе поднимаются в дом. Там все заняты. В мужской мастерской работают несколько толковых мастеров - сапожник, плотник, кузнец и два серебряных дел мастера; больше их нет, потому что лучшие ремесленники в поместьях Сен-Жермена живут у стен аббатства, чтобы работать для монахов на месте и экономить труд на перевозках. Но в каждом поместье всегда было несколько ремесленников, либо прикрепленных в качестве крепостных к большому дому, либо живущих в собственных усадьбах, и хорошие

землевладельцы старались иметь как можно больше толковых ремесленников. Карл Великий приказал своим управляющим иметь в своем округе "хороших рабочих, а именно: кузнецов, золотых дел мастеров, серебряных дел мастеров, сапожников, токарей, плотников, меченосцев, рыбаков, рапиристов, мыловаров, людей, умеющих делать пиво, сидр, перри и все другие виды напитков, пекарей, чтобы делать пастилу для нашего стола, неводов, умеющих делать сети для охоты, рыбалки и стрельбы, и других, слишком многих, чтобы назвать их".[2] И некоторых из этих работников можно найти работающими на монахов в поместье Вилларис.

Но Эрментруда не останавливается на мужской мастерской. Она находит управляющего, делает ему реверанс, отдает свою птицу и яйца, а затем спешит в женскую часть дома, чтобы посплетничать там с крепостными. Франки в это время держали женщин в отдельном квартале, где они выполняли работу, которая считалась подходящей для женщин, как это делали древние греки. Если бы франкский дворянин жил в большом доме, за их работой присматривала бы его жена, но поскольку в каменном доме в Вилларисе никто не жил, за женщинами должен был присматривать управляющий. Их квартал состоял из небольшой группы домов с рабочей комнатой, окруженной густой изгородью с крепкими воротами на засовах, как в гареме, чтобы никто не мог войти без разрешения. Их рабочие комнаты были удобными, отапливались печами, и там Эрментруда (которой, как женщине, разрешили войти) нашла около дюжины подневольных женщин, прядущих и красящих ткани и шьющих одежду. Каждую неделю измученный управляющий приносил им сырье для работы и забирал то, что они производили. Карл Великий дает своим управляющим несколько указаний относительно женщин, прикрепленных к его поместьям, и мы можем быть уверены, что монахи Сен-Жермена делали то же самое в своих образцовых поместьях. "Для работы наших женщин, - говорит Карл Великий, - они должны давать в нужное время материалы, то есть лен, шерсть, вату, вермилльон, мадеру, шерстяные гребни, кисточки, мыло, жир, сосуды и другие необходимые предметы. И пусть наши женские кварталы будут хорошо ухожены, обставлены домами и комнатами с печами и погребями, и пусть они будут окружены хорошей изгородью, и пусть двери будут крепкими, чтобы женщины могли выполнять нашу работу должным образом"[3] Эрментруда, однако, должна спешить прочь после своих сплетен, как и мы. Она возвращается на свою ферму и начинает работать в маленьком винограднике; затем через час-другой возвращается за едой для детей и проводит остаток дня в плетении для них теплой шерстяной одежды. Все ее подруги либо работают в поле на фермах своих мужей, либо ухаживают за домашней птицей, овощами или шьют дома; ведь женщинам приходится работать так же тяжело, как и мужчинам на сельской ферме. Во времена Карла Великого, например, они почти все время стригли овец. Наконец Бодо возвращается за ужином, и, как только солнце заходит за горизонт, они ложатся спать, ведь их самодельная свеча дает лишь слабый свет, а им обоим приходится вставать рано утром. Де Квинси однажды в своей неподражаемой манере отметил, что древние повсюду ложились спать, "как хорошие мальчики, с семи до девяти часов". "Человек ложился спать рано в те века просто потому, что его достойная мать-земля не могла позволить ему свечи. Она, добрая старушка... наверняка содрогнулась бы, услышав, что кто-то из ее народа просит свечи. "Свечи!" - сказала бы она; "Кто вообще слышал о такой вещи? И это при том, что столько прекрасного дневного света пропадает зря, а я предоставляю его *безвозмездно*! Чего же еще захотят эти несчастные?"[4] Нечто подобное преобладало и во времена Бодо.

Так Бодо и Эрментруда обычно проводили свой рабочий день. Но, можно возразить, что все это очень хорошо. Мы знаем о поместьях, в которых жили эти крестьяне, о ренте, которую

они должны были платить, и об услугах, которые они должны были выполнять. Но как они чувствовали, думали и развлекались, когда не работали? Арендная плата и услуги - это лишь внешние вещи; в помещичьей книге описывается только рутина. Было бы глупо пытаться представить себе жизнь университета, изучая список его лекций, и так же глупо пытаться описать жизнь Бодо по книге имущества его хозяев. Не стоит принимать пищу на кухне, если вы никогда не разговариваете со слугами. Это правда, и чтобы узнать о мыслях, чувствах и развлечениях Бодо, мы должны распрощаться с книгой аббата Ирминона и заглянуть в очень темные углы, ибо, хотя с помощью Чосера, Лэнгленда и нескольких Корт Роллов можно многое узнать о чувствах крестьянина шесть веков спустя, в девятом веке материал скуден, и тем более необходимо помнить о секрете невидимых чернил.

У Бодо, безусловно, было много чувств, и очень сильных. Когда он вставал холодным утром на мороз, чтобы прогнать плуг по аббатским акрам, когда его самого звали на работу, он часто дрожал, стряхивал с бороды налет и желал, чтобы большой дом и все его земли лежали на дне моря (которого, собственно говоря, он никогда не видел и не мог себе представить). А еще ему хотелось быть егерем аббата, охотящимся в лесу, или монахом Сен-Жермена, сладко поющим в аббатской церкви, или купцом, везущим тюки с плащами и подпругами по высокой дороге в Париж; в общем, кем угодно, только не бедным пахарем, пахущим чужую землю. Англосаксонский писатель представил себе диалог с ним:

"Ну, пахарь, как ты делаешь свою работу?" "О, сэр, я работаю очень усердно. Я выхожу на рассвете, загоняю волов в поле и запрягаю их в плуг. Если бы зима не была такой суровой, я не смел бы оставаться дома из страха перед моим господином; но каждый день я должен вспахать целый акр или больше, после того как запряг волов и прикрепил к плугу сошник!" "У тебя есть помощник?" "У меня есть мальчик, который водит волов козлом, который сейчас охрип от холода и криков" (бедный маленький Видо!) "Так, так, это очень тяжелая работа?" "Да, действительно, это очень тяжелая работа"[5].

Тем не менее, как ни тяжела была работа, Бодо пел, чтобы подбодрить себя и Видо; ведь не рассказывают, что однажды, когда клерк пел "Аллилуиа" в присутствии императора, Карл обратился к одному из епископов: "Мой клерк поет очень хорошо", на что грубый епископ ответил: "Любой клоун в нашей деревне так же хорошо поет своим волам во время пахоты"?[6] Несомненно также, что Бодо согласился с названиями, которые великий Карл дал месяцам года на своем франкском языке; он называл январь "зимним месяцем", февраль "грязным месяцем", март "весенним месяцем", апрель "пасхальным месяцем", май "месяцем радости", июнь "плужным месяцем", июль "сенокосным месяцем", август "месяцем урожая", сентябрь "месяцем ветра", октябрь "месяцем винограда", ноябрь "осенним месяцем" и декабрь "святым месяцем".[7]

А Бодо был суеверным существом. Франки уже много лет были христианами, но крестьяне, несмотря на то что они были христианами, цеплялись за старые верования и суеверия. В поместьях святых монахов Сен-Жермена можно было встретить деревенских жителей, произносящих заклинания, отжившие свой век, части заговоров, которые франкский пахарь пел над своей заколдованной землей задолго до похода на юг Римской империи, или части заклинаний, которые произносил пчеловод, когда роил своих пчел на берегу Балтийского моря. Христианство окрасило эти чары, но не стерло их языческого происхождения; а поскольку обработка земли - самое древнее и неизменное занятие человека, за нее цепляются старые верования и суеверия, и старые боги ходят по коричневым бороздам, когда они уже давно исчезли с домов и дорог. Так и в поместьях аббата Ирминона крестьяне-фермеры читали заклинания над больным скотом (и над больными детьми тоже) и

произносили заклинания над полями, чтобы сделать их плодородными. Если бы вы шли за Бодо, когда он прокладывал свою первую борозду, то наверняка увидели бы, как он достает из своего плаща маленький пирожок, испеченный для него Эрментрудой из разных сортов муки, опускается, кладет его под борозду и поет:

Земля, Земля, Земля! О Земля, мать наша!
Пусть Вседержитель, Вечный Владыка дарует тебе
Акры вощеные, ввысь растущие,
Беременных кукурузой и богатых силой;
Обилие зерновых валов и блестящих растений!
Широкий ячмень цветет,
И белых пшеничных колосьев воск,
По всей земле урожай....

Акры, сытые, приносят корм людям!
Цветет ярко, благословенна стала!
И Бог, сотворивший землю, дарует нам дар расти
Чтоб каждый из всех кукуруз нам на потребу шел"[8].

Затем он проезжал своим плугом по акрам.

Церковь благоразумно не вмешивалась в эти старые обряды. Она научила Бодо молиться Вечному Владыке вместо Отца Неба и Деве Марии вместо Матери Земли, и при этих изменениях старые заклинания, которым он научился у предков, по-прежнему служили ему. Так, например, он научился призывать Христа и Марию в своих заклинаниях для пчел. Когда Эрментруда слышала, что у нее роятся пчелы, она вставала возле своего домика и произносила над ними такое заклинание:

Христос, на улице рой пчел,
Летите сюда, мои маленькие пчелки,
В блаженном покое, под Божьей защитой,
Возвращайтесь домой целыми и невредимыми.
Садись, садись, пчелка,
Святая Мария приказала тебе.

Ты не должна улетать,
Ты не должна улетать в лес.
От меня не убежишь,
И от меня не уйдешь.
Сиди очень тихо,
Ждите Божьей воли![9]

А если Бодо по дороге домой видел одну из своих пчел, зацепившуюся за куст кустарника, он тут же замирал и загадывал желание - как некоторые люди сегодня загадывают желания,

проходя под лестницей. Именно церковь научила Бодо добавлять "Да будет так, Господи" в конце своих заклинаний против боли. Его предки из поколения в поколение верили, что если у вас что-то болит в боку или где-либо еще, то это происходит от червя в костном мозге, который пожирает вас, и что единственный способ избавиться от этого червя - приложить к больному месту нож, наконечник стрелы или какой-нибудь другой кусок металла, а затем выманить червя на лезвие, произнеся заклинание. И вот какое заклинание всегда произносили языческие предки Бодо, которое Бодо повторял, когда у маленького Видо что-то болело: "Выходи, червь, с девятью маленькими червячками, из костного мозга в кость, из кости в плоть, из плоти в кожу, из кожи в эту стрелу". А затем (в знак послушания Церкви) он добавлял: "Да будет так, Господи".[10] Но иногда в поступках Бодо невозможно было прочесть христианский смысл. Иногда он наносил визиты человеку, который, как считалось, обладал способностями волшебника, или суеверно почитал какое-то скрюченное дерево, о котором ходили старые истории, никогда не забывавшиеся. Церковь была сурова. Когда он шел на исповедь, священник спрашивал его: "Советовался ли ты с магами и чародеями, давал ли ты обеты деревьям и фонтанам, пил ли ты какой-нибудь волшебный филтр?"[11] И он должен был признаться, что он сделал в последний раз, когда заболела его корова. Но Церковь была как добра, так и сурова. "Когда к вам приходят крепостные, - говорит один епископ своим священникам, - вы не должны давать им столько постов, сколько богатым людям. Наложите на них только половину епитимьи"[12] Церковь прекрасно понимала, что Бодо не может целый день вести свой плуг на голодный желудок. Охотящиеся, пьющие, пирующие франкские вельможи могли позволить себе лишиться еды.

Именно от этой суровой и в то же время доброй церкви Бодо получал свои праздники. Ведь церковь заставила благочестивого императора издать указ о том, что по воскресеньям и в дни святых не следует выполнять никакой подневольной или иной работы. Сын Карла Великого повторил этот указ в 827 году. Он гласит следующее:

Мы постановляем, согласно закону Божьему и повелению нашего отца блаженной памяти в его эдиктах, чтобы по воскресеньям не производилось никаких подневольных работ, чтобы люди не занимались своим деревенским трудом, не ухаживали за виноградниками, не пахали поля, не жали кукурузу и не косили сено, не ставили изгородей и не огораживали леса, не рубили деревьев, не работали в каменоломнях и не строили домов; не работали в саду, не приходили в суды и не ездили в погоню. Но три работы по переноске разрешается совершать в воскресенье, а именно: переноска для армии, переноска пищи или переноска (если нужно) тела господина в могилу. И еще: женщины не должны заниматься ткацкими работами, ни кроить одежды, ни сшивать их иглой, ни чесать шерсть, ни валять пеньку, ни стирать одежду на людях, ни стричь овец, чтобы был покой в день Господень. Но пусть они со всех сторон собираются на мессу в церкви и славят Бога за все хорошее, что Он сделал для нас в этот день![13]

Однако, к сожалению, Бодо, Эрментруда и их друзья не довольствовались тем, что спокойно ходили в церковь в дни святых и спокойно возвращались домой. Они проводили свои праздники в танцах, пении и шутовстве, как это всегда делали деревенские жители до нашего более мрачного и застенчивого века. Они были очень веселы и совсем не изысканны, а местом для танцев всегда выбирали церковный двор; и, к несчастью, песни, которые они пели, сбившись в кольцо, были старыми языческими песнями их предков, оставшимися со старых первомайских праздников, которые они не могли забыть, или же грубыми любовными песнями, которые не нравились церкви. Снова и снова церковные

соборы жаловались на то, что крестьяне (а иногда и священники) поют "нечестивые песни с хором танцующих женщин" или устраивают "баллады и пляски, злые и развратные песни и подобные дьявольские приманки";[14] снова и снова епископы запрещали эти песни и танцы, но тщетно. Во всех странах Европы, на протяжении всего Средневековья, вплоть до Реформации и после нее, сельские жители продолжали петь и танцевать на церковном дворе. Через двести лет после смерти Карла Великого возникла легенда о танцорах из Кёльбигка, которые в канун Рождества танцевали в церковном дворе, несмотря на предупреждение священника, и все они были прикованы к месту на целый год, пока архиепископ Кёльна не освободил их. Некоторые говорят, что они не были прикованы к месту, а продолжали танцевать целый год; и прежде чем их освободили, они затанцевали по пояс в земле. Люди повторяли маленький латинский куплет, который они пели:

Equitabat Bovo per silvam frondosam
Ducebat sibi Merswindem formosam.
Quid stamus? Cur non imus?[15]

Через лиственный лес Бово поехал верхом.
А рядом с ним рысила его красавица Мерсвинд...
Почему мы стоим на месте? Почему мы не можем уехать?

Еще более позднюю историю рассказывают о священнике из Вустершира, которому всю ночь не давали спать люди, танцевавшие в его церковном дворе и певшие песню с припевом "Сладкоежка, сжался", так что он не мог выбросить ее из головы, и на следующее утро на мессе вместо "Dominus vobiscum" он сказал "Сладкоежка, сжался", и разразился страшный скандал, попавший в хронику[16].

Иногда наш Бодо не танцевал сам, а слушал песни бродячих менестрелей. Священники не одобряли этих менестрелей, которые, по их словам, непременно попадут в ад за то, что вместо христианских гимнов поют светские песни, посвященные великим деяниям языческих героев франкского рода. Но Бодо любил их, и ставленники Бодо тоже; церковным советам иногда приходилось даже упрекать аббатов и аббатис за то, что они слушали их песни. А хуже всего было то, что их любил и сам великий император, добрый Карл Великий. Он всегда слушал менестрелей, а его биограф Эйнхард рассказывает, что "он выписывал варварские и древние песни, в которых воспевались деяния королей и их войны, и запоминал их";[17] а одна, по крайней мере, из тех старых саг, которые он любил записывать, сохранилась на обложке латинской рукописи, где монах переписал ее в свободное время. Его сын, Людовик Благочестивый, был совсем другим; он отверг национальные поэмы, которые выучил в юности, и не хотел, чтобы их читали, декламировали или учили; он не позволял менестрелям вершить правосудие в судах, запретил праздные танцы, песни и сказки в общественных местах по воскресеньям; но и он довел королевство своего отца до позора и разорения. Менестрели отплатили Карлу Великому за его доброту к ним. Они подарили ему вечную славу; на протяжении всего Средневековья легенда о Карле Великом росла, и он поделил с нашим королем Артуром честь быть героем одного из величайших романтических циклов Средневековья. Каждый век заново одевал его в свои одежды и пел о нем новые песни. То, что никогда не могли сделать для Карла Великого монахи-летописцы в своих кельях, сделали для него эти презируемые и проклятые менестрели: они дали ему то,

что, возможно, более желанно и более прочно, чем место в истории, - они дали ему место в легенде. Не каждый император правит в золотых королевствах, о которых говорил Китс, так же как и в королевствах мира; а в золотых королевствах Карл Великий царствует вместе с королем Артуром, а его пэры сражаются с рыцарями Круглого стола. Бодо, во всяком случае, пользовался любовью Карла к менестрелям, и вполне вероятно, что еще при жизни самого императора он услышал первые зачатки тех легенд, которые впоследствии приклеились к имени Карла Великого. Можно представить его круглолицым на церковном дворе, слушающим сказочные истории о железном марше Карла в Павию, которые сплетничающий старый монах из Сен-Галла впоследствии записал в свою хронику[18].

Вполне вероятно, что эти легенды были самым близким знакомством Бодо с императором, которым гордились даже бедные крепостные, не следовавшие за ним ни во двор, ни в лагерь. Но Карл был великим путешественником: как и все монархи раннего Средневековья, он проводил время, когда не воевал, в походах по своему королевству, останавливаясь в одном из своих поместий, пока он и его домочадцы буквально не проедали его, а затем переезжал в другое. А иногда он варьировал эту процедуру, нанося визиты в поместья своих епископов или вельмож, которые развлекали его с королевским размахом. Возможно, однажды он приехал с визитом к хозяевам Бодо и остановился в большом доме по пути в Париж, и тогда Бодо увидел его в простом виде; ведь Карл Великий ехал по дороге в своей шкуре из шкуры выдры и простом синем плаще (Эйнхард рассказывает, что он ненавидел пышные одежды и в обычные дни одевался как простой народ);[19] а за ним шли три его сына и телохранитель, а потом пять дочерей. Эйнхард также рассказал нам, что:

Он так заботился о воспитании своих сыновей и дочерей, что никогда не ужинал без них дома и никогда не путешествовал без них. Его сыновья ехали вместе с ним, а дочери следовали сзади. Некоторые из его стражников, выбранные именно для этой цели, следили за концом походной линии, в которой ехали его дочери. Они были очень красивы и любимы своим отцом, и поэтому странно, что он не отдал их замуж ни за кого, ни из своего народа, ни из чужого государства. Но до самой смерти он держал их всех дома, говоря, что не может отказаться от их общества[20].

И тогда, если повезет, Бодо, дрожа коленями, может даже увидеть новое для себя предзнаменование - императорского слона. Харун Эль Рашид, великий султан из "Арабских ночей", прислал его Карлу, и он сопровождал его во всех походах. Его звали Абу-Любаба, что в переводе с арабского означает "отец разведки [A]", и он погиб геройской смертью в экспедиции против датчан в 810 году.[21] Наверняка с тех пор Эрментруда усмиряла маленького Герберта, когда он капризничал, угрозой: "Абу-Любаба придет со своим длинным носом и унесет тебя". Но Видо, которому было восемь лет и который был кормильцем, признался, что не испытывал страха, когда столкнулся со слоном; однако, когда на него надавили, он признался, что ему больше понравился другой подарок Харуна Эль Рашида императору - дружелюбный пес, которого звали Бекерильо.

[A] Абу-Лубаба... Примечательно, что это имя не подверглось искажению в хрониках.

Приезд всех этих великих людей должен был стать для Бодо напряженным временем, ведь к их приезду нужно было все убрать, созвать кондитеров и колбасников и приготовить большой пир; и хотя большую часть работы выполняли домашние крепостные, вполне вероятно, что ему приходилось помогать. Старый монах-сплетник из Сен-Галла дал нам несколько забавных картин того, как Карл внезапно навестил своих подданных:

Было некое епископство, которое полностью лежало на пути Карла, когда он путешествовал, и которое он действительно едва ли мог избежать: и епископ этого места, всегда стремящийся дать удовлетворение, предоставил все, что у него было, в распоряжение Карла. Но однажды император приехал совершенно неожиданно, и епископ в великой тревоге должен был летать туда-сюда, как ласточка, и заставлять подметать и чистить не только дворцы и дома, но и дворы и площади, а затем, усталый и раздраженный, вышел ему навстречу. Благочестивейший Карл заметил это и, осмотрев всевозможные детали, сказал епископу: "Мой добрый хозяин, у вас всегда все великолепно убрано к моему приезду". Тогда епископ, словно по божественному вдохновению, склонил голову, схватил никогда не покорявшуюся правую руку короля и, скрывая раздражение, поцеловал ее и сказал: "Это правильно, мой господин, что, куда бы вы ни приехали, все должно быть тщательно вычищено". Тогда Карл, мудрейший из всех королей, понимая положение дел, сказал ему: "Если я опустошаю, то могу и наполнить". И добавил: "Ты можешь получить то поместье, которое находится рядом с твоим епископством, и все твои преемники могут владеть им до скончания времен". В том же путешествии он пришел к одному епископу, жившему в месте, через которое он должен был проходить. В тот день, шестой день недели, он не хотел есть плоть зверя или птицы; и епископ, не имея возможности по причине природы места достать рыбу, приказал поставить перед ним отличный сыр, сочный и сливочный. И сдержанный Карл, с готовностью, которую он проявлял везде и во всех случаях, пощадил румяна епископа и не потребовал лучшего угощения, но, взяв нож, срезал кожу, которая показалась ему невкусной и упала на белый сыр. Тогда епископ, стоявший рядом, как слуга, подошел ближе и сказал: "Зачем ты это делаешь, господин император? Вы выбрасываете самую лучшую часть". Тогда Карл, который никого не обманывал и не верил, что кто-то может его обмануть, по убеждению епископа положил кусок кожи в рот, медленно съел его и проглотил, как масло. Затем, одобрив совет епископа, он сказал: "Очень верно, мой добрый хозяин", - и добавил: "Непременно присылай мне каждый год в Экс две телеги именно таких сыров". Епископ был встревожен невыполнимостью задачи и, боясь потерять и свой сан, и должность, ответил: "Милорд, я могу достать сыры, но не могу сказать, какие из них такого качества, а какие - другого. Я очень боюсь, как бы не попасть под ваше порицание". Тогда Карл, от проницательности и мастерства которого не могло ускользнуть ничто, каким бы новым или странным оно ни было, обратился к епископу, который с детства знал такие сыры, но не мог их проверить: "Разрежьте их на две части, - сказал он, - скрепите шпажкой те, которые покажутся вам подходящими по качеству, и поддержите их некоторое время в своем погребе, а затем пришлите мне. Остальное вы можете оставить себе, духовенству и своей семье". Так делалось в течение двух лет, и король приказал принять подарок сыров без замечаний: на третий год епископ лично привез свои кропотливо собранные сыры. Но справедливейший Карл сжалился над его трудами и заботами и добавил к епископству прекрасное поместье, откуда он и его наследники могли обеспечивать себя кукурузой и вином[22].

Мы можем посочувствовать бедному взволнованному епископу, собирающему две телеги сыров; но возможно, что наше настоящее сочувствие должно быть обращено к Бодо, которому, вероятно, пришлось платить дополнительную ренту сырами, чтобы удовлетворить вкус императора, и не получить в награду прекрасного поместья.

Однако визит императора стал бы редким событием в его жизни, о котором можно было бы говорить годами и рассказывать внукам. Но было еще одно событие, которое происходило ежегодно и которого Бодо и его друзья ждали с нетерпением. Раз в год приезжали странствующие королевские судьи, *Missi Dominici*, чтобы провести свой суд и проверить, насколько справедливо поступают местные графы. Их приезжало двое, епископ и граф, и они, возможно, оставались на ночь в большом доме в качестве гостей аббата, а на следующий день отправлялись в Париж, где на открытой площади перед церковью вершили правосудие, и со всей округи большие и маленькие люди, дворяне, свободные и *колони*, приносили свои жалобы и требовали их возмещения. Бодо тоже приходил, если кто-нибудь обижал или грабил его, и излагал судьям свою жалобу. Но если он был хитрым, то не шел к ним с пустыми руками, уповая только на правосудие. Карл Великий был очень строг, но если *мисси* не были исключительно честны и благочестивы, они не гнушались брать взятки. Теодульф, епископ Орлеанский, который был одним из *миссионеров* императора, оставил нам занимательную латинскую поэму, в которой описывает попытки духовенства и мирян, стекавшихся к его двору, купить правосудие[23] Каждый в зависимости от своих средств приносил подарок; богатые предлагали деньги, драгоценные камни, тонкие материалы, восточные ковры, оружие, лошадей, старинные вазы из золота или серебра с изображениями трудов Геракла. Бедные приносили шкуры кордовской кожи, дубленые и недубленые, отличные куски ткани и льна (бедная Эрментруда, должно быть, усердно трудилась в течение месяца до прихода судей!), коробки и воск. "Этим тараном, - плачет потрясенный епископ Теодульф, - они надеются разрушить стену моей души. Но они не думали бы, что смогут поколебать меня, если бы до этого не поколебали других судей". И действительно, если его картина правдива, то за королевскими судьями должен был следовать целый караван телег и лошадей, чтобы везти их подарки. Даже Теодульф вынужден признать, что, чтобы не ранить чувства людей, он был вынужден принимать некоторые необдуманные мелочи в виде яиц, хлеба, вина, цыплят и маленьких птичек, "чьи тела" (говорит он, чмокая губами) "маленькие, но очень вкусные для еды". Кажется, что за этими яйцами и птичками скрывается встревоженное лицо Бодо.

Еще одно развлечение Бодо случалось раз в год; регулярно девятого октября начиналась большая ярмарка Сен-Дени, которая продолжалась целый месяц за воротами Парижа.[24] За неделю до ярмарки появлялись маленькие лавки и навесы с открытыми фасадами, в которых купцы могли выставить свои товары, а аббатство Святого Дениса, имевшее право брать пошлину со всех купцов, приезжавших туда торговать, следило за тем, чтобы ярмарка была хорошо огорожена, и чтобы все входили через ворота и платили деньги, потому что хитрые купцы иногда норовили пролезть под оградами или перелезть через них, чтобы избежать пошлины. Тогда улицы Парижа заполнялись купцами, привозившими свои товары, запряженные в телеги, на лошадях и волах; в день открытия вся обычная торговля в Париже прекращалась на месяц, и каждый парижский лавочник сидел где-нибудь в будке на ярмарке, обменивая кукурузу, вино и мед своей округи на более редкие товары из чужих краев. Вероятно, аббатство Бодо имело свой прилавок на ярмарке и продавало куски ткани, сотканые крепостными в женском квартале, или сыры и соленое мясо, приготовленные в поместьях, или вино, за которое Бодо и его односельчане платили ренту. Бодо непременно брал отпуск и отправлялся на ярмарку. На самом деле управляющему, вероятно, было бы очень трудно удержать своих людей на работе в течение месяца; Карлу Великому пришлось отдать специальное распоряжение своим управляющим, чтобы они "следили за тем, чтобы наши люди правильно выполняли работу, которую от них законно требовать, и чтобы они не тратили свое время на беготню по рынкам и ярмаркам". Бодо, Эрментруда и трое детей, одетые во все лучшее, не сочли за труд сходить на ярмарку даже два или три раза. Они притворялись, что хотят купить соль, чтобы засолить мясо на зиму, или киноварь, чтобы

покрасить платье для ребенка. На самом же деле они хотели просто побродить вдоль рядов лотков и посмотреть на все эти диковинные вещи, собранные там; Ведь купцы приезжали в Сен-Дени, чтобы продать ставленникам Бодо свои богатые товары с далекого Востока, а богатые франкские вельможи торговались там за пурпурные и шелковые одеяния с оранжевой каймой, кожаные плащи с клеймом, павлиньи перья и алое оперение фламинго (которое они называли "шкурой феникса"), ароматы, жемчуг и пряности, миндаль и изюм, а также обезьянок для своих жен, чтобы те играли с ними.[25] Иногда эти купцы были венецианцами, но чаще - сирийцами или хитрыми евреями, и Бодо и его товарищи громко смеялись над историей о том, как еврейский купец обманул некоего епископа, жаждавшего всех последних новинок, набив мышью пряностями и предложив ее ему на продажу, сказав, что "привез это ценнейшее невиданное животное из Иудеи", и отказавшись взять за нее меньше целой меры серебра.[26] В обмен на свои роскошные вещи эти купцы увозили с собой фризские ткани, которые очень ценились, кукурузу и охотничьих собак, а иногда и изделие тонкой ювелирной работы, сделанное в монастырской мастерской. И Бодо слышал сотни наречий и языков, потому что на маленьких улочках толкались между собой люди из Саксонии и Фризии, Испании и Прованса, Руана и Ломбардии, а может быть, и англичанин или два; время от времени приходил и ирландский ученый с рукописью на продажу и странными, сладкими песнями Ирландии на устах:

Меня окружает живая изгородь из деревьев,
Мне поет черный дрозд;
Над моим линованным буклетом
Трепетные птицы мне подпевают.

В серой мантии с верхушек кустов
Кукушка поет:
Воистину, да защитит меня Господь!
Хорошо мне писать под зеленым лесом"[27].

Затем всегда находились жонглеры и кукловоды, люди с медведями, выступающие на сцене, и менестрели, чтобы выудить из кармана Бодо несколько пенсов. И домой в повозке на ночлег отправлялась очень усталая и счастливая семья. Ведь на кухне, в конце концов, не так уж скучно, и когда мы закончим с императором, Карлом Великим и всеми его пэрами, стоит провести несколько минут с Бодо в его маленькой усадьбе. История во многом состоит из Бодо.

ГЛАВА III

Марко Поло

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА

Et por ce, veul ie que un et autre sachent a tos iors mais les euvres des Veneciens, et qui il furent, et dont il vindrent, et qui il sont, et comment il firent la noble Cite que l'en apele Venise, qui est orendroit la plus bele dou siecle.... La place de Monseignor Saint Marc est orendroit la plus bele place qui soit en tot li monde; que de vers li soleil levant est la plus bele yglise qui soit el monde, c'est l'Yglise de Monseignor Saint Marc. Et de les cele Yglise est li paleis de Monseignor li Dus, grant e biaux a mervoilles.

-МАРТИНО ДА КАНАЛЕ

А Кинсай [Ханчжоу] - величайший город во всем мире, столь великий, что я едва ли осмелюсь рассказать о нем, но я встречал в Венеции множество людей, побывавших там..... И если бы кто-нибудь захотел рассказать обо всей обширности и великих чудесах этого города, то, как я полагаю, хорошая четверть бумаги не выдержала бы этого. Ибо это величайший и благороднейший город, и самый лучший для торговли, какой только есть в мире.

-ОДОРИК ПОРДЕНОНСКИЙ

Давайте мысленно вернемся в 1268 год - как если бы мы могли вернуться в тело. Этот год не вызывает особого ажиотажа в книгах по истории, но он сослужит нам хорошую службу. В те времена, как и в наши, Венеция лежала в своих лагунах, город (как видел его Кассиодур [B]), похожий на гнездо морской птицы на мелких волнах, город, похожий на корабль, пришвартованный к земле, но чувствующий себя дома только на море, самый гордый город во всем западном мире. Ведь только подумайте о его положении. Лежащая в верховьях Адриатики, на полпути между Востоком и Западом, на одной великой морской магистрали средневековой торговли, средиземноморский морской порт, но расположенная так далеко на севере, что находилась почти в самом сердце Европы, Венеция собирала в своей гавани все торговые пути, сухопутные и заморские, по которым могли передвигаться вьючные лошади или плавать корабли. Купцы, привозившие шелк и пряности, камфару и слоновую кость, жемчуг и ароматы, ковры из Леванта и жарких стран за его пределами, - все они приходили в порт Венеции. Прибывали ли они из Египта, плывя между низкими берегами Нила и трясясь на верблюдах в Александрию, или через богатые и приятные земли Персии и Сирийскую пустыню в Антиохию и Тир, или медленно прокладывали свой путь в длинном, тонком караване через высокогорья Центральной Азии и юг Каспийского моря в Трапезунд, а затем плыли через Черное море и Дарданеллы, Венеция была их естественным центром. Только Константинополь мог соперничать с ней, и Константинополь она завоевала. Поэтому в Венецию, как магнитом, притягивало восточные трофеи, а из Венеции они отправлялись на лошадях через Альпы по перевалам Бреннер и Сен-Готард в Германию и Францию или на галерах через Гибралтарский пролив в Англию и Фландрию;[1] а галеры и вьючные лошади снова возвращались в Венецию, груженные металлами Германии, мехами Скандинавии, тонкой шерстью Англии, тканями Фландрии и вином Франции.

[B] 'Hic vobis, aquatiliū avium more, domus est.'

Но если география подарила Венеции непревзойденное место, то все остальное сделали сами венецианцы. На протяжении всех первых лет своей истории они бросали вызов Константинополю на востоке от них, папе и императору Священной Римской империи на западе; иногда переходили то к одному, то к другому, но все время упорно держались за независимость, отвечая, когда им предлагали стать подданными: "Бог, который является нашей помощью и защитником, сохранил нас, чтобы мы жили на этих водах. Эта Венеция, которую мы возвели в лагунах, - наша могущественная обитель, и никакая власть императора или князя не может нас тронуть"; в случае угрозы они были склонны удалиться на свои острова и с насмешкой обстреливать из пушек хлебом материковые войска, которые пытались их уморить голодом[2]. Они всегда сознавали, что их будущее лежит на водах и на том Востоке, цвет которого проник в их цивилизацию и согрел их кровь. Они были одновременно восточными и западными венецианцами: горячие сердца для любви и завоеваний, ледяные головы для интриг и управления. Постепенно они закрепили за собой материковое кольцо, сдерживая сарацинских и славянских морских разбойников, чьи корабли были ужасом Средиземноморья. Затем они обрушились на пиратов Далмации, которые таким образом досаждали их торговым судам, и захватили все далматинское побережье. Дож Венеции стал герцогом Далмации. "Правда, - говорится в их хрониках, - что Адриатическое море находится в Венецианском герцогстве"[3], и они называли его "Венецианским заливом". Именно там впервые была учреждена великолепная символическая церемония венчания с морем с гордыми словами "Desponsamus te mare in signum veri perpetuique domini!"[4].

Она была девичьим городом, светлым и свободным,
Ни коварство не соблазняло, ни сила не нарушала,
И когда она взяла себе суженого.
Она должна была стать супругой вечного моря.

И действительно, казалось, что само море поклялось чтить и повиноваться ей.

Затем начались крестовые походы, когда Европа забыла о своих разногласиях и бросилась на пайнимов, державших святыни ее веры, когда люди из всех стран шли под крестным знаменем, а башни Иерусалима были реальнее Вавилонской башни. Теперь, наконец, Венеция увидела свою мечту в своей руке. Именно Венеция предоставила галеры, Венеция обеспечила конвои, комиссариат и солдат за хорошую круглую сумму; а когда пришло время делить добычу, Венеция потребовала в каждом захваченном городе Палестины и Сирии церковь, счетную палату и право торговать без пошлин. Великий шанс выпал ей в Четвертом крестовом походе, когда старый слепой дож Энрико Дандоло (слепота которого была нельсоновской) под предлогом того, что крестоносцы не могут заплатить оговоренную плату за провоз, обратил весь крестовый поход в пользу Венеции и завоевал сначала осмелившуюся восстать Зару, а затем и ее древнюю - единственную - соперницу, бессмертную Византию. Правда, папа отлучил венецианцев от церкви, когда они впервые направили войска против Зары, но какое это имело значение? Они разграбили Константинополь и вернули четырех огромных позолоченных коней в собор Святого Марка - собор Святого Марка, который сравнивали с пещерой разбойников, переполненной добычей Леванта, и в котором хранилось священное тело святого, украденное венецианцами из Александрии почти четыре века назад, спрятанное в кадке с маринованной свининой, чтобы ускользнуть от мусульман. Теперь венецианский патриарх совершал мессу в Святой Софии. Венеция получила гордый титул "Правитель половины и четверти Римской империи" ("quartæ partis et dimidiæ totius imperii Romanicæ" - слова звучат как трубный звон), а дож, облаченный в алое, как древние римские императоры, теперь

верховодил на четырех морях - Адриатическом, Эгейском, Мраморном и Черном. Венецианские мануфактуры усеяли все левантийские побережья, в Триполи и Тире, Салониках, Адрианополе и Константинополе, в Трапезунде на Черном море, даже в Каффе в далеком Крыму, откуда вела таинственная дорога в Россию. Крит, Родос и Кипр принадлежали ей; ее галеры вытесняли пиратов из морей и не терпели соперников; вся торговля с Востоком должна была идти через Венецию и только через нее. Другие торговые города Италии боролись с ней, и Генуя почти сравнялась с ней, но в 1258 году, а затем в 1284 году она полностью разгромила генуэзский флот. Не для города "моря без рыбы, гор без леса, мужчин без веры и женщин без стыда" было укунить лошадей на площади Святого Марка.[5] В 1268 году Венеция казалась верховной. Византия была ее помойным горшком, а на Левант она бросила свой башмак. Поистине, ее летописец мог бы написать о ней:

Далмация, Албания, Румания, Греция, Трапезунд, Сирия, Армения, Египет, Кипр, Кандия, Апулия, Сицилия и другие страны, королевства и острова были плодотворными садами, гордыми замками нашего народа, где он снова находил удовольствие, прибыль и безопасность..... Венецианцы ходили по морю, здесь и там, и через море, и во всех местах, где течет вода, и покупали товары и привозили их в Венецию со всех сторон. Тогда в Венецию приходили немцы и баварцы, французы и лангобарды, тосканцы и венгры, и все народы, живущие торговлей, и увозили ее в свои страны.

Неудивительно, что (как заметил один из путешественников) венецианцы гордились своим великим правлением и, когда у венецианца рождался сын, говорили между собой: "Синьор родился на свет".

Не правда ли, Венеция была самым гордым городом на земле, *la noble cite que l'en apele Venise, qui est orendroit la plus bele dou siecle?*[6] Жизнь была справедливой и великолепной для тех купеческих князей, которые владели великолепным Востоком в год милости 1268. В тот год торговцы в огромных каменных счетных домах, омываемых водами каналов, проверяли, держа в руках книгу, свои мешки с гвоздикой, булавой и мускатным орехом, корицей и имбирем из Индий, шахматами из черного дерева из Индокитая, амброй с Мадагаскара и мускусом из Тибета. В тот год торговцы драгоценностями назначали цены на бриллианты из Голконды, рубины и лазурит из Бадахшана, жемчуг с промыслов Цейлона, а торговцы шелком складывали тюки с шелком, муслином и парчой из Багдада, Йезда, Малабара и Китая. В тот год молодые галанты на Риальто (надушенные галанты, но каждый, как шекспировский Антонио, с кораблем, заходящим в порт где-то в Леванте) терлись локтями с людьми всех наций, слушали рассказы путешественников обо всех странах, а на рассвете проносились по каналам в гондолах (в те времена они были не черными, а раскрашенными и увешанными шелком), приветствуя утро песнями; А рыжеволосые дамы Венеции, которых спустя столетия любил рисовать Тициан, поднимались и спускались по мраморным ступеням своих дворцов со всеми парчами Персии на спине и всеми духами Аравии, чтобы усладить свои маленькие руки.

Именно в тот год некий Мартино да Канале, служащий таможни, начал заниматься (как и Чосер после него) не столько счетами, сколько написанием на восхитительном французском языке ("por ce que langue franceise cort parmi le monde, et est la plus delitable a lire et a oir than nule autre") хроники Венеции. Это хроника воды, воды, хроника Канале, как дирг Ариэля; у него действительно есть "та интенсивность чувства, которая, кажется, растворяется в стихии, которую он созерцает". Здесь нет ничего от "бури и грома Одиссея", но прекрасные слова сверкают, как солнце на водах Средиземного моря, и, как рефрен, поющий сам по себе, то и дело повторяется фраза: "Li tens estoit clers et biaux..... et lors quant il furent en mer, li mariniers drecerent les voiles au vent, et lesserent core a ploine voiles les mes parmi la mer a la

force dou vent";[7] ибо большая часть истории Венеции разворачивалась на палубе. Это еще и мимолетная гордая хроника, ведь Канале был, и он это прекрасно знал, гражданином не самого лучшего города.

"Я хотел бы, - говорит он, - чтобы все и каждый навсегда узнали о делах венецианцев, о том, кем они были, откуда пришли и кто они такие, и как они создали благородный город, который называется Венеция и который сегодня является самым прекрасным в мире. И я хотел бы, чтобы все ныне живущие и грядущие знали, как строится этот благородный город и как изобилуют в нем все блага, и как силен государь венецианцев, благородный дож, и какое в нем благородство и доблесть венецианского народа, и как все они совершенны в вере Иисуса Христа и послушны святой церкви, и как они никогда не ослушиваются заповедей святой церкви. В этой благородной Венеции не смеет поселиться ни еретик, ни ростовщик, ни убийца, ни вор, ни разбойник. И я назову вам имена всех дож, которые были в Венеции, одного за другим, и что они сделали с честью святой церкви и своего благородного города. И я назову вам имена благородных капитанов, которых благородные дожи посылали в свое время усмирять врагов, а о победах, которые они одержали, я вам сообщу, ибо это подходит..... В год воплощения Господа нашего Иисуса Христа MCCXLVII лет, во времена милорда Ренье Зено, верховного дожа Венеции, я трудился и старался, пока не нашел древнюю историю венецианцев, откуда они пришли и как построили благородный город под названием Венеция, который сегодня является самым прекрасным и самым приятным в мире, полным красоты и всех благ. Товары текут через этот благородный город, как вода течет из фонтанов, и соленая вода течет через него и вокруг него и во всех местах, кроме домов и улиц; и когда горожане отправляются за границу, они могут вернуться в свои дома по суше или по воде, как им угодно. Со всех сторон сюда приезжают торговцы и купцы, которые покупают товары, какие хотят, и увозят их в свои страны. В этом городе можно найти пищу в большом изобилии, хлеб и вино, сухопутную и речную птицу, свежее мясо и соль, морскую и речную рыбу..... В этом прекрасном городе вы можете найти много людей благородного происхождения, как стариков, так и молодых дамуазов в изобилии, и купцов с ними, которые покупают и продают, и менял, и граждан всех ремесел, и при них мореплавателей всех видов, и корабли, чтобы возить их во все земли, и галеры, чтобы укладывать врагов своих. А еще в этом прекрасном городе великое множество дам, девиц и девиц, очень богато одетых"[8].

Случилось так, что в тот год, наш 1268-й, был новый дож, Лоренцо Тьеполо по имени, и перед дворцом на площади Святого Марка состоялась большая процессия гильдий, чтобы приветствовать его вступление в должность. Мартино да Канале наблюдал за этим и записал все это в своей хронике. Сначала в гавани проплыл флот, пятьдесят галер и других кораблей, их команды ликовали и кричали на палубе. Затем шли пешие гильдии: сначала мастера-кузнецы с гирляндами на головах, знаменами и трубами; затем меховщики, одетые в сафит и алый шелк, с мантиями из горностая и вайры; затем ткачи, богато одетые, и десять мастеров-портных в белом с малиновыми звездами. Затем прошли мастера-суконщики, неся ветви оливы и надевая на головы оливковые короны; затем фустиановые мастера в меховых халатах собственного плетения и стегальщики с гирляндами золоченых бус и белыми плащами, шитыми флер-де-лис, шедшие по двое, а перед ними маленькие дети пели *шансонетки* и *коблы*. Затем шли изготовители золотых тканей, все в золотых тканях, и их слуги в золотых

или пурпурных тканях, за ними - торговцы шелком и мясники в алом, продавцы рыбы, одетые в меха и украшенные гирляндами, и мастера-цирюльники, с ними два всадника, одетые как рыцари-отступники, и четыре пленные девицы, диковинно одетые. Затем шли стекольщики в алых одеждах, подбитых варом, с золотыми капюшонами и богатыми гирляндами из жемчуга, неся перед собой колбы и кубки из знаменитого венецианского стекла, и мастера по изготовлению гребней и фонарей, с фонарем, полным птиц, чтобы выпустить их на волю в присутствии дожа, и ювелиры в венках и ожерельях из золотых и серебряных бус и сапфиров, изумрудов, бриллиантов, топазов, яцинтов, аметистов, рубинов, яшмы и карбункулов. И хозяин, и слуги были роскошно одеты, и почти все носили золотую бахрому на капюшонах и гирлянды позолоченных бус. Каждое ремесло сопровождалось своим оркестром с разнообразными инструментами и несло серебряные кубки и флаконы с вином, и все шли в полном порядке, распевая баллады и песни приветствия, и поочередно приветствовали дожа и догарессу, восклицая "Да здравствует наш господин, благородный дож Лоренцо Тьеполо!". Гильдия за гильдией шли они в своем великолепии, прекрасные как для слуха, так и для глаза; и прошла неделя, прежде чем ликование закончилось и все прошли в процессии. Канале превзошел самого себя, ибо он любил государственные церемонии; он отводит целый абзац на продвижение каждой гильдии, ее приветствие и выход, и совокупный эффект всех абзацев завораживает, как прозаическая баллада, с повторяющимся рефреном в конце каждого стиха[9].

Так жили когда-то в Венеции, где купцы были королями,
Где собор Святого Марка, где дожи венчали море кольцами?

Слушая пышное приветствие дожа священниками собора Святого Марка: "Criste, vince, Criste regne, Criste inpere. Наш синьор Лоренс Тейплс, милостивый, инклюзивный дож Вениза, Далмаса и Гроаса, и господин четвертой части и демидесяти частей Романии, с уважением, честью, жизнью и победой. Saint Marc, tu le aie", [10] кто, услышав, мог усомниться в том, что Венеция, победительница Рима и завоевательница Константинополя, была самым прекрасным, богатым, красивым и могущественным городом в мире?

Но была ли она таковой? Слушайте и судите. За тысячи миль от Венеции, через земли и моря Азии, немного южнее реки Янцзы и недалеко от моря стоял город Кинсай или Ханьчжоу, столица сунских императоров, правивших Южным Китаем, еще не завоеванным (в 1268 году) татарами. [11] Как и Венеция, Кинсай стоял на водных лагунах и был пересечен бесчисленными каналами. Его окружность составляла сто миль, не считая пригородов, которые тянулись вокруг него, и не было ни одного участка земли, который не был бы хорошо заселен. У него было двенадцать больших ворот, и каждый из двенадцати кварталов, которые находились внутри ворот, был больше, чем вся Венеция. Его главная улица была шириной в двести футов и проходила из конца в конец города, разбитая через каждые четыре мили большой площадью, усаженной домами, садами, дворцами и лавками ремесленников, которыми управляли двенадцать больших ремесленных гильдий. Параллельно главной улице проходил главный канал, рядом с которым стояли каменные склады купцов, торговавших с Индией. Двенадцать тысяч каменных мостов перекинуты через водные пути, а те, что перекинуты через главные каналы, были достаточно высокими, чтобы корабли с их сужающимися мачтами могли проходить внизу, а повозки и лошади проезжали над головой. На его рынках люди торговались за дичь и персики, морскую рыбу и вино из риса и пряностей; в нижней части окружающих домов располагались лавки, где продавались пряности, лекарства, шелк, жемчуг и всевозможные промышленные товары. Вверх и вниз по улицам Кинсая двигались лорды и купцы, одетые в шелка, а самые

прекрасные в мире дамы томно покачивались в вышитых литаврах, с нефритовыми булавками в черных волосах и драгоценными серьгами, покачивающимися на гладких щеках[12].

С одной стороны города лежало прекрасное озеро (знаменитое в истории Китая и до сих пор являющееся одним из самых прекрасных на земле), усыпанное лесистыми островами, на которых стояли павильоны с очаровательными названиями: "Озерный проспект", "Бамбуковые палаты", "Дом восьми гениев" и "Чистое наслаждение". Сюда, как и венецианцы, жители Кинсяя приезжали на увеселительные вечеринки на баржах, богато обставленных и украшенных, кабинки были расписаны цветами и горными пейзажами, а с одной стороны виднелись просторы города с его дворцами, храмами, монастырями и садами, а с другой - чистая вода, заполненная разноцветными лодками, над которой разносились высокие голоса и звонкие инструменты веселящихся. Нет места рассказывать о дворце короля с его садами и огородами, расписными павильонами и рощами, где дворцовые дамы выслеживали дичь с собаками, а устав от этого занятия, сбрасывали свои одеяния и бежали к озеру, где расплывались, как косяк серебряных рыб. Но нельзя не сказать и о джонках, которые заходили в гавань за четыре и двадцать миль и поднимались по реке до города, а также о большом количестве кораблей, приходивших в Зайтон (возможно, это современный Амой), порт провинции. Сюда ежегодно прибывало в сто раз больше перца, чем во все христианство через левантийские порты. Сюда из Индокитая и Индии прибывали пряности, алоэ и сандаловое дерево, мускатные орехи, шпик, черное дерево и богатства, не поддающиеся описанию. Большие джонки грузили все это, вместе с мускусом из Тибета и тюками шелка из всех городов Манси [C], и уплывали прочь из Ост-Индского архипелага, с его бризами, наполненными специями, раздувающими паруса, на Цейлон. Там купцы из Малабара и крупных торговых городов Южной Индии принимали на борт свои грузы и продавали их арабским купцам, которые, в свою очередь, продавали их венецианцам в том или ином левантийском порту. Европейцы, видевшие Зайтон и другие китайские порты в последующие годы, говорили, что никто, даже венецианец, не может представить себе то множество торговых судов, которые плавали по восточным морям и заходили в китайские гавани. Они также в один голос утверждали, что Кинсай, без сомнения, самый прекрасный, самый богатый и самый благородный город в мире. Для людей Кинсяя Венеция была бы маленьким пригородом, а Левант - задним двором. Весь Восток был полем их торговли, а их богатство и цивилизация были уже тогда, когда Венеция представляла собой горстку глинобитных хижин, населенных рыбаками.

[C] Маньси или Маньцзи был южным Китаем, а Катай - северным, граница между ними проходила по реке Хоанхо на востоке и по южной границе Шэньси на западе.

Кинсай также не был единственным и непревзойденным во всех своих чудесах и красотах, потому что в трех днях пути от него находился Сугуи, который сегодня мы называем Сухоу, лежащий также на великом канале, с его окружностью в двадцать миль, его непомерными толпами, кишущими на улицах, его врачами, философами и магами; Сугуй, с имбирем, который был настолько распространен, что сорок фунтов его можно было купить по цене венецианской серебряной крупы, с шелком, который производился в таких огромных количествах, что все жители были одеты в него, и все еще корабли, нагруженные им, уплывали; Сугуй, под юрисдикцией которого находилось шестнадцать богатых городов, где процветали торговля и искусства. Если бы вы не видели Ханчжоу, то сказали бы, что в мире нет ни одного города, ни Венеции, ни Константинополя, ни другого, достойного называться в одном ряду с Сугуем. Китайцы, видя богатство и красоту этих двух городов, сомневались, что

даже приятные небесные дворы могут показать им равных, и с гордостью цитировали пословицу:

*Shang yeu t'ien t'ang,
Hia yeu Su Hang.*

(Наверху - рай, это правда,
Но здесь, внизу, есть Ханг и Су.)[13]

Кинсай, казалось бы, по совести говоря, достаточно далек от Венеции 1268 года, и в Венеции все не подозревали о его существовании, далеко за пределами восхода солнца. Однако в тот год в городе лагун, наблюдая за той же процессией гильдий, что и Канале, жил мальчик, которому суждено было навсегда связать их в сознании людей, - худенький парнишка лет четырнадцати, Марко Поло по имени, который вечно отбивал пятки на набережной и приставал к иностранным морякам с рассказами о далеких землях. Он охотно слушал все, что они ему рассказывали, накапливая это в своем деятельном мозгу, ибо любопытство его было ненасытным; но всегда самые охотные рассказы он слышал о татарах.

В это время татары находились на пике своего могущества на Западе и Востоке. Тартары правили в Пекине всем Северным Китаем, Кореей, Монголией, Маньчжурией и Тибетом, брали дань с Индо-Китая и Явы. Тартары были распространены в Центральной Азии, властвовали в Туркестане и Афганистане. Золотая Орда владела Кавказом, значительной частью России и частью Сибири. Татары властвовали в Персии, Грузии, Армении и части Малой Азии. Когда великий Мангу-хан умер в 1259 году, одна империя раскинулась по всей Азии и Европе, от Желтой реки до Дуная. Ничего подобного в мире до этого не было, и ничего подобного не было больше, вплоть до Российской империи нового времени. К 1268 году она начала дробиться на четыре царства - Китай, Центральную Азию, Россию и Персию, но все равно это был один народ. Отношение Запада к татарам в это время было очень интересным. Сначала он боялся их как нового бича Божьего, как Аттилу и его гуннов; они разорили Польшу, опустошили Венгрию и, казалось, вот-вот обрушатся на Запад, как великий потоп, и полностью его захлестнут. Затем прилив отступил. Постепенно Запад утратил свое первое оцепенение и ужас и стал с надеждой смотреть на татар как на возможного союзника против своего извечного врага - мусульман. Христиане Запада знали, что татары смирили мусульманскую власть на всей территории Азии, знали они и то, что татары не имеют четко выраженной веры и с любопытством относятся ко всем верованиям, которые попадают им на пути. Постепенно Запад убедился, что татар можно обратить в христианство и сражаться бок о бок под Крестом против ненавистного Полумесяца. Возникла странная легенда о Престере Иоанне, христианском царе-священнике, правящем где-то в сердце Азии; и действительно, в это время в восточной Азии еще сохранялись небольшие группы христиан-несториан.[14] Между татарскими ханами и западными монархами начали отправляться посольства, а также началась большая серия миссий францисканских монахов в Тартарию, людей, которые в душе были этнологами и географами, а также миссионерами, и оставили нам бесценные рассказы о землях, которые они посетили. В благодатном 1268 году о Центральной Азии было известно многое, ведь в 1245 году Папа Римский отправил туда итальянского монаха Иоанна из Плано Карпини, а в 1251 году другой монах, Вильгельм из Рубрука, французский Флеминг, был послан Людовиком Святым, королем Франции. Оба они дошли до Каракорума, татарского лагеря на границах северного Китая, но в сам Китай не попали. Они привезли с собой бесчисленные истории о кочевниках-завоевателях, которые перевозили свои палатки на телегах и пили перебродившее кобылье молоко, о величии хана и его гостеприимстве по отношению к пришельцам с Запада, о том, с каким интересом он

слушал их проповеди^[15]. Эти истории были теперь общим достоянием, и Марко Поло наверняка их слушал.

Марко Поло всегда говорил о татарах, всегда спрашивал о них. Действительно, у него были причины интересоваться ими. Это (как мы уже говорили) был 1268 год, а за восемь лет до этого (некоторые, правда, говорят, что за пятнадцать) его отец, Николо Поло, и его дядя Маффео исчезли в Тартарии. Они были богатыми купцами, торговали на собственном корабле до Константинополя, а там решили отправиться в торговое предприятие в земли Золотой Орды, лежавшие к северу от Черного моря. Так они доплыли до Крыма, где у них была счетная палата в Солдае, и, взяв с собой запас дорогих драгоценностей, поскольку они были торговцами драгоценностями, отправились на лошадях в гости к хану западных татар. Венецианцы знали об этом, так как из Солдаи пришло известие об их затее, но они так и не вернулись. И вот Марко, стуча каблуками по набережной, ловил моряков за рукав и расспрашивал их об этих диких всадниках с их кобыльим молоком, их магах и их стадах скота; а расспрашивая, он думал о своем отце и дяде, не погибли ли они и не затерялись ли навсегда в диких землях Тартарии. Но даже когда он спрашивал и гадал и пинал пятки на набережной, пока дож Тьеполо наблюдал за процессией гильдий, а клерк Канале складывал таможенные пошлины или писал древнюю историю венецианцев, в этот самый момент два Поло медленно и устало пробирались через высоты Центральной Азии с караваном мулов и верблюдов, приближаясь к золотому Самарканду с его кишашими базарами, все ближе и ближе к Западу; И в следующем, 1269 году, они достигли Акко, сели на корабль и отправились в Венецию, и вот, наконец, вернулись домой.

У них была странная история, которая превосходила все, что тощий и любознательный мальчик слышал на набережных. Вскоре они избавились от своих драгоценностей и целый год провели в стане золотоордынского хана Кипчака на могучей реке Волге. Потом началась война между этим правителем и ханом, правившим Персидским ханством, и это отрезало им путь назад. Но любопытство Марко было наследственным, а ни один венецианец никогда не отказывался повидать чужие земли и найти новые возможности для торговли, поэтому Поло решили отправиться дальше и посетить хана Центральной Азии или Чагатая, а затем, возможно, вернуться в Константинополь каким-нибудь малоизвестным путем. Они пробирались по равнинам, населенным лишь татарами, живущими в палатках, и их стадами, пока наконец не достигли благородного города Бохара. Они должны были следовать по линии реки Оксус, и если мы обратимся к чудесному описанию течения этой реки, которое Мэтью Арнольд написал в книге *"Сохраб и Рустум"*, то получим картину путешествия Полоса:

Но величественная река плыла дальше,
Из тумана и шума той низкой земли,
В морозный звездный свет, и там двигалась,
Ликуя, через тихие хорасмийские пустоши
Под одинокой луной; он течет
Прямо к Полярной звезде, мимо Оргунье,
И яркий, и большой, и яркий: потом пески стали
Смыкать его водный марш, запружать его потоки,
и разделять его течения; что на протяжении многих лиг
Шершавый и парцеллированный Оксус тянется
Через песчаные русла и камышовые острова...
Оксус, забыв о своей стремительной скорости
В своей высокогорной колыбели в Памере,
Растерянный странник, - пока наконец

Долгожданный плеск волн раздается, и широко
Его светлый дом вод открывается, яркий
И безмятежный, чье дно покрыто звездами.
Появляются и сияют на Аральском море.

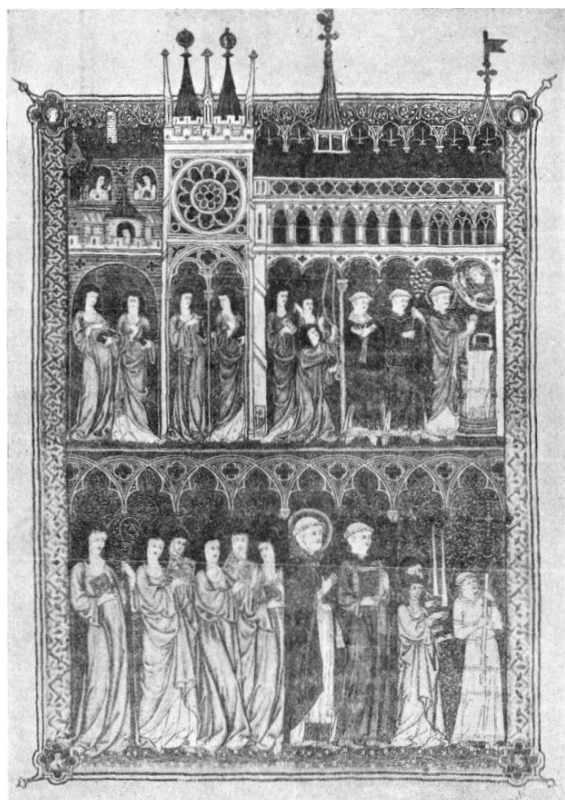
Три года Полосы оставались в Бохаре, пока однажды не случилось так, что в город прибыло посольство, возвращавшееся от хана в Персии к великому хану Хубилаю, правившему в далеком Китае, и которому все татарские правители были обязаны верностью. Главный посол был поражен талантами и обаянием братьев, которые к тому времени уже знали татарский язык, и уговорил их сопровождать его в путешествии к великому хану, который еще никогда не видел человека с Запада и, как он заверил их, примет их с почетом. Они не были бы венецианцами, если бы отказались от такой возможности, и, взяв с собой венецианских слуг, они в течение года путешествовали с татарским посольством через сердце Азии и таким образом добрались до великого хана Хубилая. Спустя много лет Марко сам описал свой прием, как они ему его рассказали:

Когда путешественников ввели в присутствие великого хана Хубилая, он принял их со снисходительностью и приветливостью, свойственными его характеру, а поскольку они были первыми латинянами, появившимися в этой стране, их стали угощать пирами и оказывать другие знаки отличия. Любезно вступив с ними в беседу, он серьезно расспрашивал их о западных частях света, об императоре римлян и других христианских королях и князьях... и прежде всего он задавал им вопросы о папе, о делах церкви, о религиозном культе и учении христиан. Будучи хорошо образованными и благоразумными людьми, они давали соответствующие ответы по всем этим вопросам, а поскольку они были прекрасно знакомы с татарским языком, то всегда выражались в подходящих выражениях; настолько, что Великий Хан, высоко ценя их, часто приказывал им присутствовать[16].

III. ЧАСТЬ ПЕЙЗАЖА ЧАО МЭН-ФУ.

В конце концов Великий хан решил отправить этих двух умных чужеземцев обратно в их собственную страну с миссией от себя к Папе Римскому, прося прислать сто человек ученых для обучения и проповеди его татар, а также немного святого масла из лампы, которая горела над гробом Христа в Иерусалиме. Он снабдил их золотой почетной скрижалю, которая служила паспортом и гарантировала, что их будут развлекать и облегчать их путешествие из города в город во всех его владениях, и вот они снова отправились в обратный путь, но их задержали опасности и трудности путешествия, "сильный холод, снег, Прошло три года, прежде чем в апреле 1269 года они наконец добрались до Акры. Узнав, что папа умер за год до этого, а выборы еще не состоялись, так что они не могли сразу выполнить свою миссию, они решили снова посетить свой дом и вернулись в Венецию. Там Николо обнаружил, что его жена, которая была беременна во время его отъезда, умерла, оставив после себя сына Марко, нашего юного обитателя набережных.

IV. МАДАМ ЭГЛЕНТИНА У СЕБЯ ДОМА.

Такова была чудесная история, которую Марко выслушал из уст своих новообретенных отца и дяди. Но впереди его ждали еще большие чудеса. Два года венецианцы оставались дома, ожидая избрания папы, чтобы доставить письма Великого хана; но избрание не состоялось, и наконец, опасаясь, что Хубилай заподозрит их в обмане, они решили вернуться на Восток и на этот раз взяли с собой Марко, уже вполне взрослого юношу шестнадцати-семнадцати лет с ярким взглядом, который смотрел повсюду и воспринимал все, наблюдательного и рассудительного не по годам. Но когда они добрались до Айяса на берегу Скандеронского залива, им принесли весть об избрании Тебальдо ди Пьяченца папой Григорием X, и поскольку Тебальдо уже заинтересовался их миссией, они со всей скоростью вернулись в Акко, получили от него письма к хану (они уже побывали в Иерусалиме и снабдили себя частью святого масла) и двух доминиканских монахов, "людей грамотных и ученых, а также глубоких теологов", хотя и не тех ста ученых людей, о которых просил хан; И вот в ноябре 1271 года они снова отправились из Акко. Может, доминиканцы и были глубокими богословами, но они были несколько трусливыми авантюристами, и когда до них дошли слухи о войнах в районе Армении, через который им предстояло пройти, они поспешно передали свои письма венецианцам, взяли себя под защиту рыцарей-тамплиеров и устремились обратно к побережью и безопасности так быстро, как только могли, оставив полосцев, "не ошеломленных опасностями и трудностями, к которым они давно привыкли", идти в одиночку. Наверняка святой Франциск воркует над святым Домиником где-то во дворах Небес; его монахи не боялись за свои шкуры, беспечно путешествуя в жару Индии и холод Центральной Азии; и легко представить себе комментарии толстяка Вильгельма Рубрукского по поводу бегства глубоких богословов.

Рассказ об этом втором путешествии Поло можно прочесть в замечательной книге, которую Марко впоследствии написал для описания чудес света. Они отправились из Ладжаццо

через Туркоманию, мимо горы Арарат, где Марко слышал рассказы о том, что там покоился Ноев ковчег, и где он впервые услышал о нефтяных скважинах Баку и великом внутреннем море Каспийском. Мимо Мосула и Багдада они прошли через Персию, где ткнут парчу и купцы везут караван за караваном сокровища, к Ормузу на берегу Персидского залива, в порт которого заходили корабли из Индии, груженные пряностями, лекарствами, душистыми лесами, а также драгоценностями, золотыми тканями и слоновьими зубами. Здесь они намеревались сесть на корабль, но отказались, возможно, потому, что боялись доверить себя хлипким безмоторным судам, на которых арабы отваживались на опасность в Индийском океане. Тогда они снова повернули на север и приготовились к путешествию по суше. Через соляную пустыню Керман, Балк и Хорасан они добрались до Бадахшана, где водятся лошади, выведенные от Буцефала - жеребца Александра Македонского, рубиновые копи и лазурит. Это страна прекрасных гор и широких равнин, форелевых ручьев и хорошей охоты, и здесь братья прожили почти год, так как юный Марко заболел на жарких равнинах: дыхание горного воздуха обдувает страницу, на которой он описывает, как среди чистых ветров к нему вернулось здоровье. Когда он поправился, они снова отправились в путь и поднялись вверх по Оксусу к высокогорью Памира, "крыше мира", как ее называют в наше время, стране ледяного холода, где Марко увидел и описал огромного рогатого барана, которого охотники и натуралисты до сих пор называют *Ovis Poli*,^[17] землю, которую никто из путешественников (кроме Бенедикта Гозса, около 1604 года) больше не описывал, пока лейтенант Джон Вуд из индийского флота не отправился туда в 1838 году. Затем они направились в Кашгар, Яркенд и Хотан, где добывают нефрит, - регионы, которые никто не посещал до 1860 года. Из Хотана они двинулись в окрестности озера Лоб, до которого никто больше не добирался, пока в 1871 году туда не добрался русский исследователь. Там они остановились, чтобы нагрузить ослов и верблюдов провизией, а затем с замиранием сердца отправились в страшное тридцатидневное путешествие по пустыне Гоби. Марко дает яркое описание ее ужасов, голосов, которые, кажется, зовут путника по имени, марша призрачных кавалькад, сбивающих с дороги по ночам, духов, наполняющих воздух звуками музыки, барабанов и гонгов, лязга оружия - всех тех иллюзий, которые люди слышали, видели и боялись в каждой пустыне и в каждую эпоху.

Что это может быть? Тысяча фантазий
начинают тесниться в моей памяти,
О зовущих формах и манящих тенях,
И воздушные языки, произносящие имена людей.
На песках, берегах и в пустынных дебрях.

Наконец они благополучно добрались до Тангута на крайнем северо-западе Китая и, обогнув границу через великие степи Монголии, были встречены людьми хана, которые были высланы вперед, чтобы встретить их на расстоянии сорока дней пути, и так, наконец, они достигли его присутствия в мае 1275 года, проделав путь в три года с половиной.

Великий хан принял полосцев любезно, внимательно выслушал их рассказ о своей миссии, похвалил их за усердие и верность, с благоговением принял святое масло и дары папы. Затем он заметил мальчика Марко, уже "юного галанта" и, несомненно, достаточно привлекательного, и поинтересовался, кто он такой, а Николо ответил: "Сир, это ваш слуга и мой сын", на что хан ответил: "Не за что, и мне это очень приятно", и зачислил Марко в число своих сопровождающих. Это стало началом долгого и тесного сотрудничества, так как вскоре Кублай-хан убедился, что Марко Поло осмотрителен и умен, и стал нанимать его для выполнения различных миссий. Кроме того, Марко, со своей стороны, обнаружил, что Великий хан всегда стремился узнать нравы и обычаи многочисленных племен, над

которыми он правил. Хубилай в полной мере обладал тем благородным любопытством, которое является началом мудрости, и его очень раздражало, что его посланники, добросовестные люди, шли по его делам носом, не глядя ни вправо, ни влево, и как будто даже не замечали, что среди аборигенов внутренних горных племен, называемых Мяотцу, преобладает своеобразный и занимательный обычай *кувад*, в котором

Китайцы ложатся спать
И ложатся вместо своих дам[18].

Вследствие этого принц, - рассказывает Марко, - считал их не более чем дураками и болванами и говорил: "Мне гораздо приятнее слушать о странностях и нравах разных стран, которые вы видели, чем просто рассказывать о делах, которыми вы занимались".

Совсем иными были привычки венецианца, который еще мальчишкой так охотно слушал смуглых моряков на Риальто. Он быстро освоил несколько языков, бытовавших в империи Великого хана, и вот его рассказ о том, как он действовал, отправляясь с миссией в чужие края:

Понимая, что Великому хану доставляет удовольствие слушать рассказы обо всем новом для него, что касается обычаев и нравов людей, а также особенностей дальних стран, он старался, где бы он ни был, получить верные сведения по этим вопросам и делал записи всего, что видел и слышал, чтобы удовлетворить любопытство своего господина. В общем, за семнадцать лет службы он принес столько пользы, что его стали направлять с конфиденциальными миссиями во все уголки империи и ее зависимых территорий; иногда он путешествовал и по собственным делам, но всегда с согласия и с санкции Великого хана. В таких обстоятельствах Марко Поло имел возможность получить знания, либо путем собственных наблюдений, либо собранные от других, о многих вещах, до его времени неизвестных, касающихся восточных частей света, и он старательно и регулярно записывал их на сайте..... И этим он добился такого почета, что вызвал ревность других придворных чиновников[19].

Неудивительно, что, когда юноша впервые вернулся со своими отчетами, Великий хан и его придворные изумились и воскликнули: "Если этот молодой человек выживет, он, несомненно, станет человеком великих достоинств и способностей".

Именно во время выполнения этих различных государственных миссий Марко Поло путешествовал по провинциям Шанси, Шенси и Сечжуэн, и обогнул край Тибета до Юньнани, а также проник в Северную Бирму - земли, неизвестные Западу до 1860 года. В течение трех лет он сам был губернатором великого города Янчоу, под юрисдикцией которого находилось двадцать четыре города, полных торговцев и изготовителей оружия и военной амуниции.[20] Он посетил Каракорум в Монголии, старую столицу татар, и вместе со своим дядей Маффео провел три года в Тангуте. В другой раз он отправился с миссией в китайский Кочин и морем в южные штаты Индии, оставив яркое изображение великих торговых городов Малабара. Он мог бы размышлять вместе с Улиссом,

Я стал именем
За то, что вечно брожу с голодным сердцем,
Многое видел я и знал, города людей,
И нравы, и климат, и страны, и правительства,
Себя не меньше, но почетнее всех.

Он описывает великую столицу Камбалук (Пекин) на севере и прекрасный Кинсай (Хангчоу) на юге. Он описывает летний дворец хана в Шанду с его лесами и садами, мраморный дворец, бамбуковый павильон, свитый, как шатер, из двухсот шелковых шнуров, жеребца с белыми кобылами и чудотворных магов. Описание летнего дворца действительно известно англичанам лучше, чем любая другая часть его произведения, ведь Шанду - это Ксанаду, который Кольридж увидел во сне после прочтения книги Марко и вплел в чудесные стихи:

В Ксанаду Кубла-хан

Величественный купол для наслаждений воздвиг,

Где протекала священная река Альф,

Мимо пещер, безмерных для человека,

Вниз к бессолнечному морю.

И были сады яркие с извилистыми ручьями.

Где цвело множество благовонных деревьев,

А здесь были леса, древние, как холмы.

Окутанные солнечной зеленью.

Марко Поло описывает не только дворцы, он рассказывает о великой торговле Китая по каналам и внутренним рекам, об экспорте и импорте в его гаванях, о бумажных деньгах, системе постов и караван-сараев, которые связывали его воедино. Он дает непревзойденную картину этой огромной, богатой, мирной империи, полной богатства и торговли, ученых людей и прекрасных вещей, и ее правителя Кублай-хана, одного из самых благородных монархов, когда-либо восседавших на троне, который, Поскольку "Китай - это море, которое солит все реки, впадающие в него"[21], он был не просто варварским монгольским ханом, а по истине китайским императором, чей дом, называемый китайцами "династией Юань", занимает место среди великих династий Китая.

Даже больше, чем рассказывает Марко Поло, он, должно быть, действительно видел. Безличность большей части книги - ее единственный недостаток, ведь мы хотели бы знать больше о том, как он жил в Китае. Есть некоторые свидетельства того, что он общался с монгольскими завоевателями, а не с китайцами, и что китайский не был одним из языков, которые он выучил. Он не упоминает о некоторых характерных китайских обычаях, таких как сжатые ноги женщин и ловля бакланов (оба эти обычая описаны Ордориком Порденонским после него); он путешествовал по чайным районам Фо-Киен, но никогда не упоминает о чаепитии, и у него нет ни слова даже о Великой стене.[22] И как типичен он в некоторых отношениях для европейца, при всем его интересе к новым и странным вещам. "Они, - говорит он о мирных купцах и ученых Сухоу, - пассивная раса и заняты исключительно своей торговлей и производством. В них они проявляют немалые способности, и если бы они были столь же предприимчивы, мужественны и воинственны, как и изобретательны, их число было бы столь велико, что они могли бы не только подчинить себе всю провинцию, но и распространить свое господство еще дальше"[23] Почти пятьсот лет спустя мы находим то же самое суждение, выраженное другими словами: "Лучше пятьдесят лет Европы, чем один цикл Китая". Ответ - это вопрос: Кем бы вы предпочли быть - пассивным китайцем, написавшим пейзажный ролл, часть которого воспроизведена на странице 52, или предприимчивым, мужественным и воинственным европейцем того же периода, высшим достижением которого в изобразительном искусстве является картина "Высадка Марко Поло", воспроизведенная на странице 21? Что такое цивилизация и что такое прогресс? И все же Марко Поло на протяжении всей своей книги показывает, что он отнюдь не неспособен оценить другие стандарты, кроме тех, что приняты в его собственной стране и

религии, ведь о Будде Сакья-муни он говорит, что "если бы он был христианином, то стал бы великим святым Господа нашего Иисуса Христа", и он мог почитать Хубилая так, как заслуживал этот великий хан.

Тем не менее, хотя Марко Поло демонстрирует меньшее знание китайцев, чем можно было бы ожидать, исходя из необычайной детальности и точности его наблюдений в других направлениях, он наверняка знал многих из этих очаровательных и культурных людей в Кинсae или Камбалукe, или в городе, которым он управлял. Среди прочих, он должен был знать великого художника, написавшего упомянутый выше валик, Чао Мэн-фу, которого китайцы называли "*Сун ксюэх Тао жэнь*" или "Апостол сосновых деревьев и снега". Он был прямым потомком основателя династии Сун и наследственным чиновником. Когда эта династия пала перед татарами, он и его друг Чэнь Сюань, "Человек нефритового бассейна и ревающего потока", ушли в частную жизнь. Но в 1286 году Чао Мэн-фу был вызван ко двору ханом Хубилаем и, к негодованию своего друга, вернулся и стал секретарем военного совета, занимая на этом посту время (что о нем думал Марко Поло!) написанием своих чудесных картин. Он стал большим любимцем хана и постоянно находился при дворе, и Марко Поло, должно быть, хорошо его знал и, возможно, наблюдал за его работой, рисуя те бесподобные пейзажи и те изображения лошадей и людей, которыми он прославился. Марко любил лошадей, как, впрочем, и все виды спорта (которых у него было предостаточно, ведь хан был большим охотником и лоточником), и он оставил словесное изображение белых выводковых кобыл в Шанси, которое можно поставить рядом с картиной Чао Мэн-фу "Восемь лошадей в парке хана Хубилая".[24] Он также знал, возможно, жену Чао Мэн-фу, госпожу Куань, которая очень изысканно рисовала изящный бамбук и пион, столь любимые китайскими художниками, и о которой рассказывают, что "она наблюдала за движущимися тенями от брызг, отбрасываемых луной на бумажные окна, и несколькими движениями своей гибкой кисти переносила ускользающие контуры на бумагу, так что каждый мельчайший клочок ее работы был вложен в альбомы как модель для других, чтобы копировать".[25] У Чао Мэн-фу и госпожи Куань был сын Чао Юн, который представляет для нас особый интерес, поскольку он написал картину тангутского охотника, а Марко Поло также дал описание татарских всадников и провинции Тангут, где он видел и описал мускусного оленя и яка.

Но мы должны вернуться к истории Поло в Китае. Время от времени в книге Марко мы слышим о том, как его отец и дядя, путешествуя по империи, разбогатели на торговле и накопили множество драгоценностей, в стоимости которых они были так искусны, даже помогли хану ослабить мятежный город, построив для него осадные машины по европейскому образцу, удобные венецианцы, которые могли приложить руку к чему угодно.[27] Без сомнения, они гордились своим Марко, который из любознательного мальчишки вырос в такого мудрого и наблюдательного человека и занял столь высокое положение. Так в течение семнадцати лет трое Поло находились на службе у хана в Китае. Тянулись долгие месяцы, и наконец они почувствовали, как их охватывает желание снова увидеть Венецию и лагуны, а перед смертью еще раз услышать мессу под величественной крышей собора Святого Марка. Кроме того, сам Кублай-хан старел, и его благосклонность, которую он всегда проявлял к ним, вызвала некоторую ревность среди его собственных людей, и они боялись, что может случиться, когда он умрет. Но старый хан был непреклонен ко всем их мольбам; богатство и почести доставались им по желанию, но он не отпускал их. Возможно, они так и умерли бы в Китае, и мы на Западе никогда бы не услышали ни о Марко Поло, ни о Кублай-хане, если бы не случайность, удар судьбы, который дал им шанс. В 1286 году Аргун, хан Персии, потерял из-за смерти свою любимую жену Болган, и, согласно ее предсмертному желанию, отправил послов ко двору Пекина, чтобы попросить другую невесту из ее собственного монгольского племени. Их сухопутный путь домой снова оказался

под угрозой из-за войны, поэтому они предложили вернуться морем. Как раз в этот момент Марко Поло вернулся из путешествия, в которое его отправили, и с такой уверенностью рассказал о том, как легко оно было совершено, что у трех послов возникло сильное желание взять с собой всех троих этих изобретательных венецианцев, которые, казалось, так много знали о кораблях. Так и получилось, что великого хана уговорили, очень неохотно, отпустить их.

В начале 1292 года они отплыли из оживленного порта Зайтон на четырнадцать больших китайских джонках (о которых Марко, писавший о судоходстве в Индийском и Китайском морях, оставил превосходное описание)[28] с тремя посланниками, принцессой, красивой девушкой семнадцати лет, "moult bèle dame at avenant", - говорит Марко, у которого был глаз на хорошеньких дам, и большой свитой сопровождающих. В одной из версий книги Марко говорится, что они взяли с собой также дочь короля Манси, одну из тех сунских принцесс, которые в более счастливые дни бродили у озера в Ханчжоу и, несомненно, воспитывались в Камбалуке под присмотром любимой королевы Хубилая Хана, госпожи Джамуи. Путешествие было долгим и трудным; они долго задерживались на Суматре, Цейлоне и в Южной Индии, где Марко изучал морские карты побережья Индии, которые ему показывали арабские лоцманы, и пополнял свои знания об этих местах, которые он уже посетил. Таким образом, прошло более двух лет, прежде чем джонки достигли Персии, а двое из трех посланников и большая часть их свиты умерли в пути. Когда они наконец высадились на берег, оказалось, что Аргун, предполагаемый жених, тоже умер, оставив свой трон регенту для своего юного сына. Но по совету регента было найдено удобное решение проблемы - передать принцессу этому принцу, и Марко с дядями должным образом проводили ее к нему в провинцию Тимохайн, где, как заметил Марко Поло, женщины были "по моему мнению, самыми красивыми в мире", где стояла знаменитая и одинокая *беседка Секко* и где люди все еще рассказывали истории о великих Александре и Дарии. Там они расстались со своей принцессой, которая, по словам Марко, отправилась в долгое путешествие, чтобы полюбить их как отцов, и очень плакали при расставании. Еще находясь в Персии, где они пробыли девять месяцев после передачи принцессы, Полосы получили известие о смерти Великого хана, которому они так верно служили столько лет. Он умер в зрелом возрасте восьмидесяти лет, и с его смертью тень упала на центральную Азию, омрачив сияющие желтые крыши Камбалука,

бесплодные равнины
Серикана, где китайцы управляют
С парусами и ветром их легкие повозки,

минареты Персии и шатры диких кипчакских татар, скачущих по русским степям. Так широко простиралась власть хана Хубилая. Тень упала и на сердце Марко Поло. Как будто за ним захлопнулась дверь, чтобы больше никогда не открываться. Во время своего путешествия, - рассказывает он, - наши путешественники получили известие о том, что Великий Хан покинул эту жизнь, что полностью положило конец всем перспективам вернуться в те края". Так он и его старшие отправились через Тебриз, Трапезунд и Константинополь в Венецию, и наконец в конце 1295 года приплыли в город лагун.

О возвращении полозов до нас дошла странная сказочная легенда. Когда они прибыли туда, - рассказывает Рамузио, редактировавший книгу Марко в XV веке, - их постигла та же участь, что и Улисса, которого, когда он вернулся после двадцатилетних скитаний на родную Итаку, никто не узнал". Когда трое Поло, одетые в безвкусную татарскую одежду, постучались в

двери Ка' Поло, их никто не узнал, и им с огромным трудом удалось убедить своих родственников и венецианцев, что они действительно те самые Поло, которых столько лет считали мертвыми. Рассказывают, что они удовлетворительно установили свою личность, пригласив всех своих родственников на большой банкет, для каждого блюда которого они надевали одежду, более великолепную, чем предыдущая, и, наконец, принесли свои грубые татарские плащи, они распорол их швы и подкладку, "на которую высыпалось огромное количество драгоценных камней, рубинов, сапфиров, карбункулов, алмазов и изумрудов, которые были зашиты в каждый плащ с большой тщательностью, так что никто не мог заподозрить, что там что-то было..... Показ столь необычайных и безграничных сокровищ драгоценностей и камней, покрывавших стол, вновь привел всех присутствующих в такое изумление, что они онемели и едва не лишились чувств от удивления: они сразу узнали в Ка' Поло этих почтенных и уважаемых господ, в которых сначала сомневались, и приняли их с величайшим почетом и благоговением.[29] Человеческая природа мало изменилась с тринадцатого века. О драгоценных камнях ходят легенды, но, несомненно, Поло привезли с собой немало, ведь по профессии они были торговцами драгоценностями; у них были широкие возможности для бизнеса в Китае, и Великий хан нагрузил их "рубинами и другими красивыми драгоценностями большой ценности" в придачу. Драгоценности были самой удобной формой, в которой они могли привезти домой свое богатство. Но пытливый Марко привез и другие вещи, чтобы пощекотать любопытство венецианцев, о чем он время от времени упоминает в своей книге. Он привез, например, образцы шелковистой шерсти тангутского яка, которой очень восхищались его соотечественники, высушенные голову и ноги мускусного оленя, семена красивого растения (вероятно, индиго) с Суматры, которые он посеял в Венеции, но которые так и не взошли, потому что климат был недостаточно теплым.[30] Он привез подарки и для дожа; в описи вещей, найденных во дворце Марино Фальеро в 1351 году, среди прочих значатся кольцо, подаренное ханом Хубилаем, татарский ошейник, трехлезвийный меч, индийская парча и книга, "написанная рукой вышеупомянутого Марко", под названием *De locis mirabilibus Tartarorum*.[31]

О дальнейшей жизни Марко Поло рассказывается быстро. По легенде, вся молодежь Венеции прибегала к Ка' Поло, чтобы послушать его рассказы, ибо даже среди иностранных моряков на набережных, где однажды бродил мальчик Марко и расспрашивал о татарах, не было таких историй, как его. А поскольку он постоянно рассказывал о величии владений хана Хубилая, о миллионах доходов, миллионах джонок, миллионах всадников, миллионах городов, ему дали прозвище и в шутку называли Марко *Мильоне* или *Иль Мильоне*, что в переводе означает "Миллион Марко"; это имя даже проникло в государственные документы Республики, а двор его дома стал называться *Корте Мильоне*. Если вернуться от легенды к истории, то во время отсутствия Марко Поло древнее соперничество между Венецией и Генуей только усиливалось, и Венеция не всегда одерживала верх. Часто ее галеры уходили в плавание,

погружаясь на глубину
К Фамагусте и скрытому солнцу.
что окольцовывает черный Кипр огненным озером, ...
В поисках коричневых рабов или сирийских апельсинов,
пираты-генуэзцы
В аду сгребали их, пока они не скатывались
Кровь, вода, фрукты и трупы в трюм.

Наконец в 1298 году, через три года после возвращения Марко, генуэзский флот под командованием Ламбы Дориа отплыл в Адриатику, чтобы сразить гордость Венеции в ее

собственном море. Венецианцы снарядили для этого большой флот, и Марко Поло, умелец, знавший толк в навигации, хотя и более опытный в китайских джонках, чем в западных кораблях, отправился с ним в качестве джентльмена, командующего галерой. Результатом столкновения стала сокрушительная победа генуэзцев у Курцолы. Шестьдесят восемь венецианских галер были сожжены, а семь тысяч пленных увезли в Геную, среди них был и Марко Поло, который теперь мог оценить результаты той предприимчивости, мужественности и воинственности, отсутствие которых он так осуждал в людях Сухова.

Но вскоре по улицам и дворам Генуи поползли слухи, что в тюрьме сидит некий венецианский капитан, рассказывающий такие чудесные истории, что никто не устал их слушать; и вскоре галанты и мудрецы и смелые дамы Генуи, как и мужчины Риаальто, стали стекаться, чтобы послушать его рассказы о хане Хубилае.

Повелитель плодов Тартарии
Ее реки серебристо-бледные,
Повелитель холмов Тартарии,
Глен, чаща, лес и долина,
Ее мигающих звезд, ее ароматного бриза,
Ее трепетные озера, как беспенное море,
Ее восхитительные для птиц цитроновые деревья
В каждой пурпурной долине.

Мессер Марко, - так рассказывает Рамузио о традициях, бытовавших в Венеции в его время, - оказавшись в таком положении и видя всеобщее желание услышать все о Катае и Великом хане, которое, правда, заставляло его ежедневно повторять свой рассказ, пока он не устал, посоветовал изложить дело письменно, и он нашел средства, чтобы написать письмо своему отцу в Венецию, в котором просил последнего прислать те записи и заметки, которые он привез с собой домой.

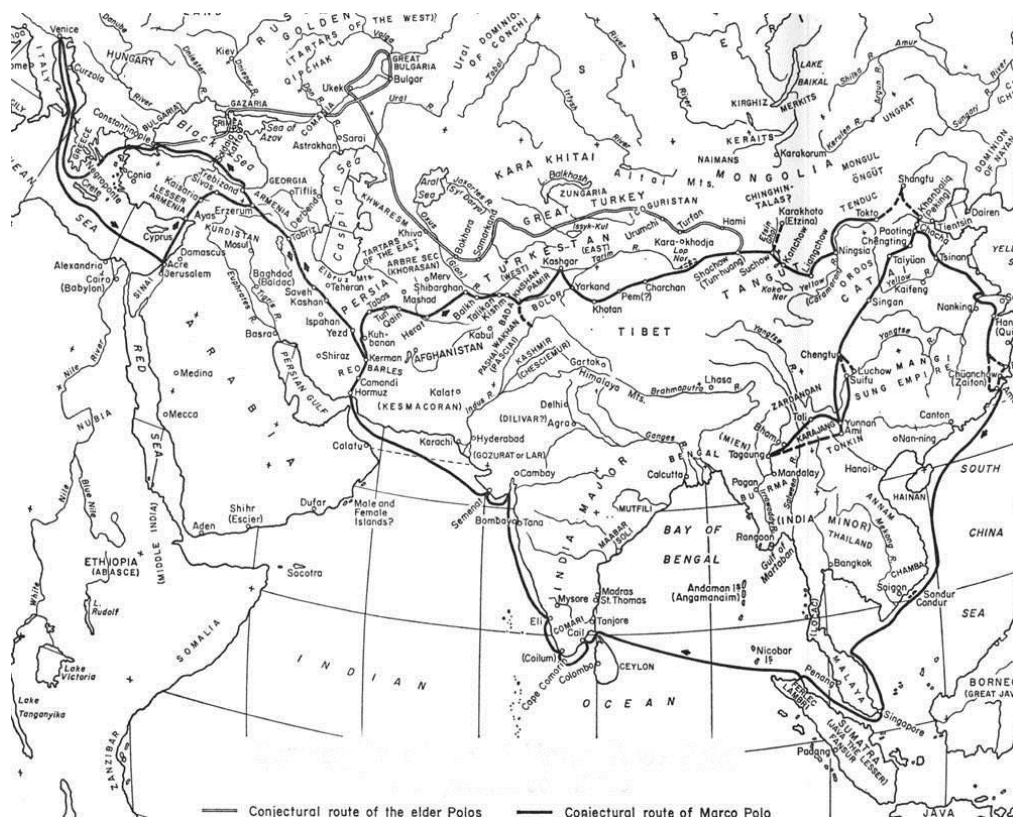
Случилось так, что в тюрьме вместе с Марко Поло сидел некий пизанский сочинитель романов, Рустичиано по имени Рустичиано,^[32] который, вероятно, был взят в плен в битве при Меларии (1284), когда столько пизанских пленников было доставлено в Геную, что возникла поговорка: "Кто хочет увидеть Пизу, пусть едет в Геную". Рустичиано был искусен в написании французского языка, языка *par excellence* романов, на котором он написал версии "Сказок Круглого стола", и в нем Марко Поло нашел готового писца, который записывал истории по мере того, как он их рассказывал, посреди толпы венецианских пленников и генуэзских джентльменов, восторженно внимавших всем чудесам Хубилай-хана. По какому-то инстинкту, когда все было написано, Рустичиано приложил к рассказу то самое обращение к владыкам и господам мира, призывающее их внимать и слушать, которое он имел обыкновение помещать в начале своих рассказов о Тристане, Ланселоте и короле Артуре: "Господа, императоры и короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и бургеzy и все те, кто желает знать о различных расах людей и о разнообразии различных областей мира, возьмите эту книгу и заставьте ее прочесть, и здесь вы найдете величайшие чудеса." Но он добавляет: "Марко Поло, мудрый и ученый гражданин Венеции, ясно излагает, что он видел и что слышал от других, и эта книга будет правдивой". Правдивые чудеса Марко Поло были более удивительными, чем подвиги рыцарей Артура, и, возможно, лучше подходили для пера уважаемого Рустичиано, поскольку единственной его претензией на отличие в глазах потомков, похоже, является то, что в своем сокращении "Романа о Ланселоте" он полностью опустил эпизод (если это можно назвать эпизодом) о любви Ланселота и Гвиневры. Увы, - замечает его французский редактор, - копия "Ланселота", попавшая в руки бедной Франчески из Римини, не была одной из тех, что выпустил Рустичиано!"^[33]

Марко Поло был освобожден из тюрьмы (должно быть, во дворцах Генуи был траур) и в конце года вернулся в Венецию. В дальнейшем его имя иногда встречается в записях Венеции, поскольку он передвигается по своим законным делам.^[34] В 1305 году мы видим "Nobilis Marchus Polo Milioni", выступающего поручителем за контрабандиста вина; в 1311 году он судится с нечестным агентом, задолжавшим ему деньги за продажу мускуса (он, Марко, видел мускусного оленя в его логове); в 1323 году он участвует в споре по поводу стены. Из его завещания мы также знаем, что у него была жена Доната и три дочери - Фантина, Беллела и Морета. Любил ли он прежде, под чужими небесами, где прошла его юность, какую-нибудь томную, изысканную даму из Китая или выносливую татарскую девицу? Извлекал ли он пользу из странных брачных обычаев Тибета, о которых он замечает (с одним из своих редких отблесков юмора): "En cele contree aurent bien aler les jeume de seize anz en vingt quatre"? Были ли Фантина, Беллела и Морета сводными братьями, летали ли они соколами на перепелов у берегов "Белого озера", где охотился хан, и рассказывали ли сказки о полуполюгендарном отце, который уплыл навсегда, когда они были мальчиками во времена Кублай-хана? Этого мы знать не можем, как не можем и предположить, сожалел ли он о том, что в городе лагун от его чресл родились только дочери, а венецианского сына не нашлось, чтобы вновь отправиться в далекую страну, где он, несомненно, оставил добрую половину своего сердца. Возможно, он иногда говорил об этом Петру, своему слуге-татарину, которого он освободил после своей смерти "от всех уз так же полно, как я молю Бога освободить мою собственную душу от всех грехов и вины". Некоторые считают, что он привез Петра-татарина с собой с Востока, и эта мысль приятна; но более вероятно, что он купил его в Италии, поскольку венецианцы были заядлыми рабовладельцами, а пленные татары считались самыми сильными и лучшими из всех рабов. Так прошла его жизнь, и в 1324 году Марко Поло умер, пользуясь большим уважением своих сограждан, составив завещание, которое до сих пор хранится в библиотеке собора Святого Марка.

Характерный рассказ о его смертном одре рассказывает доминиканский монах Якопо из Акви, написавший некоторое время спустя. "То, что он рассказал в книге, - говорит Якопо, - было не так много, как он видел на самом деле, из-за языка клеветников, которые, будучи готовы навязать другим свою ложь, слишком поспешно выдают за ложь то, во что они в своем извращении не верят или не понимают. И поскольку в этой книге много великих и странных вещей, которые считаются недостоверными, друзья на смертном одре попросили его исправить книгу, убрав из нее все, что выходит за рамки фактов. На что он ответил, что не рассказал *и половины* того, что видел на самом деле"^[35]. Как хорошо видна эта последняя вспышка негодования умирающего наблюдателя, который в долгие годы своей юности записывал странные племена и обычаи для мудрого и милостивого хана Хубилая, и в котором теперь мало кто осмеливался сомневаться. Действительно, современные открытия полностью подтвердили точность наблюдений Марко Поло. Правда, иногда он повторял рассказываемые ему небылицы о собачьих мордах на Андаманских островах и об "островах мужчин и женщин", столь любимых средневековыми географами. Это были выдумки моряков, и там, где Марко Поло сообщает о том, что он видел своими глазами, он сообщает с полной точностью, и никогда не делает вид, что видел место, которое не посещал. Исследователи наших дней, Аурел Штайн, Эллсворт Хантингтон и Свен Хедин, путешествующие по Центральной Азии, с триумфом подтвердили его слова. "Это, - говорит выдающийся французский историк, - как если бы оригиналы очень старых фотографий были внезапно открыты заново: старые описания неизменных вещей могут быть идеально наложены на современную реальность"^[36], а Хантингтон и Аурел Штайн взяли с собой в недоступные районы Центральной Азии в качестве путеводителей книгу китайского паломника Хивен Тсанга (седьмой век) и книгу Марко Поло, и снова и снова убеждались, насколько точными были их описания.

Действительно, почти невозможно преувеличить масштабы достижений Марко Поло. Лучше всего оценить его в часто цитируемых словах сэра Генри Юла, чье издание его книги является одним из величайших произведений английской науки:

Он был первым путешественником, проложившим маршрут через всю долготу Азии, называя и описывая царство за царством, которые он видел своими глазами, пустыню Персии, цветущие плато и дикие ущелья Бадахшана, нефритовые реки Хотана, монгольские степи, колыбель державы, которая так недавно угрожала поглотить христианство, новый и блестящий двор, который был основан в Камбалук: Первые путешественники, открывшие нам Китай во всем его богатстве и обширности, его могучие реки, его огромные города, его богатые мануфактуры, его кишачье население, невообразимо огромные флоты, которые бороздили его моря и внутренние воды; рассказавшие нам о народах на его границах со всеми их странностями нравов и культа; о Тибете с его гнусными приверженцами; о Бирме с ее золотыми пагодами и их звенящими коронами; о Лаосе, Сиаме, Кочинском Китае, Японии, восточной Туле с ее розовыми жемчужинами и дворцами с золотыми крышами; первым заговорил об этом музее красоты и чудес, еще так несовершенно исследованном, об Индийском архипелаге, источнике ароматических веществ, которые тогда так высоко ценились и происхождение которых было столь мрачным; о Яве, жемчужине островов; о Суматре с ее многочисленными королями, ее странными дорогими товарами и ее расами каннибалов; о голых дикарях Никобара и Андамана; о Цейлоне, Острове драгоценных камней, с его Священной горой и гробницей Адама; об Индии Великой, не как о стране грез из александрийских басен, а как о стране, которую видели и частично исследовали, с ее добродетельными брахманами и непристойными аскетами, ее алмазами и странными историями их приобретения, ее жемчужными морями и ее могучим солнцем; первым в новейшее время дал отчетливый рассказ об уединенной христианской империи Абиссинии, рассказал, хотя и очень смутно, о Занзибаре с его неграми и слоновой костью, об огромном и далеком Мадагаскаре, граничащем с Темным океаном Юга, с его руками и другими чудовищами; а в отдаленном противоположном регионе - о Сибири и Ледовитом океане, о собачьих упряжках, белых медведях и оленеводах-тунгусах.[37]

КАРТА ПУТЕШЕСТВИЙ ПОЛО.

Знания, которые Марко Поло принес в Европу, общение между Востоком и Западом, которое, как показал его опыт, было так необходимо, продолжали развиваться и после него. Купцы и миссионеры отправлялись по суше и по морю на восток, в Китай.^[38] Другой из этих неукротимых францисканских монахов, Иоанн из Монте-Корвино, отправился в путь в возрасте пятидесяти лет и стал архиепископом Пекина. В некоторых китайских городах были основаны церкви и дома монахов. Одорик из Порденоне, другой монах и тоже очень хороший наблюдатель, отправился в 1316 году в плавание вокруг Индии и через Острова пряностей тем же морским путем, по которому полторы привезли свою татарскую принцессу в Персию, и достиг Кантона, "города размером с три Венеции... и вся Италия не имеет такого количества ремесел, как этот один город". Он оставил замечательный отчет о своих путешествиях по Китаю, включая описания Пекина и Ханчжоу, и закончил свои рассказы словами: "Что касается меня, то со дня на день я готовлюсь вернуться в те страны, в которых я доволен умереть, если это угодно Тому, от Кого исходят все блага" - несомненно, где он оставил свое сердце, но умер он в Удине в Италии. Позже вышел еще один монах, Иоанн Мариньолли, который был папским легатом в Пекине с 1342 по 1346 год.

В Китай отправлялись не только миссионеры. Одорик, рассказывая о чудесах Ханчжоу, ссылается для подтверждения на венецианских торговцев, посетивших его: "Это величайший город во всем мире, настолько великий, что я едва ли осмелюсь рассказать о нем, но я встречал в Венеции множество людей, которые были там"; Иоанна из Монте-Корвино сопровождал мастер Петр из Луколонго, "великий купец", а Иоанн Мариньолли упоминает о *фондаке* для христианских купцов, который был прикреплен к одному из францисканских монастырей в Зайтоне. Прежде всего, это Франциск Бальдуччи Пеголотти,

тот бесстрашный фактор, который служил великому торговому дому Барди во Флоренции и который написал бесценное руководство для использования купцами около 1340 года. В нем он дает подробные инструкции для купца, который хочет отправиться из Таны на Черном море сухопутным путем через Азию в Китай и обратно с караваном шелка стоимостью 12 000 фунтов стерлингов, и мимоходом замечает: "Дорога, по которой вы поедете из Таны в Китай, совершенно безопасна, как днем, так и ночью, если верить словам купцов, которые ею пользовались" - "il chanmino dandare dana Tana al Ghattajo è *sichurissimo*!"^[39] Подумайте только, что все это значит. Марко Поло путешествует там, где до двадцатого века не ступала нога человека. Колокола христианской церкви сладко звенят в ушах Великого Хана в Пекине. Длинный путь через Центральную Азию совершенно безопасен для купцов. Множество людей из Венеции", которые ходили по улицам Хангчоу. Это конец XIII - начало XIV века, презируемое и скрытое Средневековье. È *sichurissimo*! Это снимает некоторую позолоту с Колумба и Васко да Гамы и эпохи "открытий".

Но в середине четырнадцатого века все изменилось. Снова наступила тьма, поглотившая Пекин и Хангчоу, великие порты, переполненные джонки, благородную цивилизацию. Больше не было великого торгового пути *сичуруссимо*, и христианские монахи больше не пели мессы в Зайтоне. Династия татар пала, и новые правители Китая вернулись к прежней антииностранный политике; кроме того, ислам распространил свои завоевания по всей Центральной Азии и встал, как вал, между дальним Востоком и Западом, великая стена нетерпимости и ненависти, гораздо более прочная, чем каменная стена, которую китайцы когда-то построили, чтобы отгородиться от татар. Все чудеса Марко Поло стали не более чем легендой, сказкой путешественника.

Но с великим искателем приключений еще не было покончено. Спустя почти полтора века после смерти Марко один генуэзский морской капитан сидел и перелистывал одну из новых печатных книг, которые люди начали покупать и передавать друг другу. Книга, которую он читал, была латинской версией путешествий Марко Поло. Он читал ее со вниманием и даже с увлечением. По мере чтения он делал пометки на полях; более чем на семидесяти страницах он делал свои записи.^[40] Время от времени он хмурился, возвращался назад и снова перечитывал рассказ о великих портах Китая и дворцах с золотыми крышами Чипангу; и всегда он задавался вопросом, как можно достичь этих земель, теперь, когда стена тьмы покрыла Центральную Азию, а анархия преградила путь к Персидскому заливу. Однажды (может, мы его не видим?) он поднял голову и ударил рукой по столу. "Я поплыву на запад", - сказал он. Может быть, я найду в западном океане затерянный остров Антилья, а может быть, на его дальнем краю я действительно приплыву в Чипангу, ведь мир круглый, и где-то в этих великих морях за берегами Европы должен лежать богатый Китай Марко Поло. Я буду просить королей Англии и Испании о корабле и корабельной компании, и шелк, и пряности, и богатства будут принадлежать им. Я поплыву на запад, - сказал генуэзский морской капитан и ударил себя по бедру. "Я поплыву на запад, на запад, на запад! И это было последнее из чудес мессера Марко; в тринадцатом веке, когда он был жив, он открыл Китай, а в пятнадцатом, когда он умер, он открыл Америку!

ГЛАВА IV

Мадам Эглентина

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МОНАСТЫРЯ ЧОСЕРА В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Была также Нонна, настоятельница,
Которая в своих умствованиях была полностью проста и коварна;
Его самые красивые слова были сделаны не иначе, как с помощью Сейнта Лоя;
И была она прозвана мадам Эглентиной.
Она пела на службе дивную песню,
И в нос ей вставляла полуслова;
И Френш она говорила, как заведённая,
После насмешек Стратфорда над Боу,
Ибо Френш из Парижа был ей неведом.
At mete wel y-taught was she with-alle;
She leet no morsel from hir lippes falle,
Ни пальцев своих в соусе не держала.
Wel coude she carie a morsel and wel kepe,
Чтоб ни капли не упало на ее грудь.
In curteisye was set ful muche hir lest.
Hir over lippe wyped she so clene,
Что в ее коппе не было ни капли
Of grece, whan she dronken haddie hir draughte
Ful semely after hir mete she raughte,
And sikerly she was of greet disport,
И в портвейне была полна сил и приятна,
And peyned hir to countrefete chere
И при дворе, и при дворе, и при дворе,
И чтобы ее держали в почтении.
Но, говоря о ее совести,
Она была так милосердна и так жалостлива,
Она бы плакала, если бы знала, что человек
Пойманного в капкан, будь то поступок или кровь.
У нее были маленькие гончие, которых она кормила
И жареной плотью, и молоком, и пустой породой.
Но горько плакала она, если один из них был делом,
Или если люди сметут его злобным взглядом:
И была совесть и нежность ее
Ful semely hir wimpel pinched was:

Hir nose tretys; her eyen greye as glas;
Рот у нее был маленький, и он был похож на софу и тростник;
Но в целом у нее была прекрасная фигура;
Это был почти шпанский выводок, как я погляжу;
Ибо, как ни тяжело, она была не в форме.
Ful fetis was hir clock, as I was war.
Из мелких кораллов на руке она завязала
И пайетку из белев, украшенную греной;
А на руке - брошь из золота,
На которой сначала была написана коронованная буква А,
А после - "*Amor vincit omnia*"!

--ДЖЕФФРИ ЧОСЕР

Пролог к "Кентерберийским рассказам"

Всем известно описание Чосером настоятельницы монастыря, мадам Эглентайн, которая ехала с той самой пестрой и болтливой компанией по дороге в Кентербери. В его галерее нет портрета, который вызвал бы более разнообразные комментарии критиков. Один интерпретирует его как резкую атаку на мирскую сущность церкви; другой считает, что Чосер хотел нарисовать очаровательную и сочувственную картину женской мягкости; один говорит, что это карикатура, другой - идеал; а один американский профессор даже находит в нем психологическое исследование нарушенного материнского инстинкта, очевидно, потому что мадам Эглентайн любила маленьких собачек и рассказала историю о школьнице. Простому историку можно не следить за этими причудами. Для него настоятельница Чосера, как и монах Чосера, и монах Чосера, будет просто еще одним примером почти фотографической точности наблюдательности поэта. Сатира всегда присутствует, но это особая сатира Чосера - мягкая, веселая, неодобрительная, самая тонкая, не зависящая от преувеличения. У литературного критика есть только слова Чосера и его собственное сердце, а иногда (как ни прискорбно это говорить) и его собственное желание быть оригинальным, которыми он может руководствоваться в своих суждениях. Но историк знает; у него есть всевозможные исторические источники для изучения женских монастырей, и там он встречает настоятельницу Чосера на каждом шагу. Кроме того, у него есть епископские реестры.

Долгое время историки по глупости полагали, что короли и войны, парламенты и система присяжных - это и есть история; им нравились хроники и парламентские акты, и им не приходило в голову заглянуть в пыльные епископские архивы за большими книгами, в которых средневековые епископы записывали письма, которые они писали, и все сложные дела по управлению своими епархиями. Но когда историкам все же пришлось в голову заглянуть туда, они обнаружили бесценный клад информации практически обо всех сторонах общественной и церковной жизни. Конечно, для этого им пришлось покопаться, ведь почти все, что стоит знать, нужно добывать, как драгоценные металлы из скалы; и ради одного самородка старателю часто приходится несколько дней копать под землей в массе скуки; а когда он его добыл, ему приходится копать в собственном сердце, иначе он его не поймет. Историки нашли золото в регистрах епископов, когда однажды убедили себя, что копать в них не ниже их достоинства. Они находили описания викариев со всей их мебелью и садами; они находили брачные споры; они находили завещания, полные занимательных наследств людям, умершим сотни лет назад; они находили отлучения от церкви; они находили индульгенции людям за помощь бедным, ремонт дорог и строительство мостов, задолго до того, как появился закон о бедных или совет графства; они

находили суды над ересью и колдовством; Они нашли отчеты о чудесах, сотворенных у гробниц святых и даже некоторых совсем не святых людей, таких как Томас Ланкастерский, Эдуард II и Симон де Монфорт; они нашли списки дорожных расходов, когда епископы объезжали свои епархии; в одном из них они даже нашли подробный отчет о внешнем виде королевы Филиппы, тогда еще маленькой девочки при дворе ее отца в Хайно, которую епископ Эксетера был послан осмотреть, чтобы убедиться, что она достаточно красива и хороша, чтобы выйти замуж за Эдуарда III: Ей было девять лет, и епископ сказал, что ее вторые зубы белее первых и что нос у нее широкий, но не курносый, что обнадежило Эдуарда.^[1] И наконец, что не менее важно, историки нашли множество документов о монастырях, а среди этих документов - записи о посещениях, а среди записей о посещениях - настоятельницу Чосера, улыбающуюся просто и жеманно, со светлым лбом, хорошо подколотым париком, ожерельем, маленькими собачками и всем остальным, как будто она по ошибке зашла в душную регистратуру за *"Кентерберийскими рассказами"* и жаждет выбраться обратно.

Именно по этой причине мадам Эглентина попала в кассу. В средние века все женские монастыри Англии и многие монастыри с определенной периодичностью посещались епископом епархии - или кем-то, посланным им, - чтобы проверить, как они себя ведут. Это было похоже на периодическое посещение школы одним из инспекторов Ее Величества, только происходило это совсем по-другому. Когда приезжает инспектор Ее Величества, он не садится в торжественной обстановке в холле и не вызывает к себе всех учеников по очереди, от старшей хозяйки до самого маленького ребенка в первом классе, и не предлагает им рассказать, как, по их мнению, школа управляется неправильно, и какие жалобы они могут подать на своих хозяек, и кто из девочек постоянно нарушает правила - все это тихо и уединенно дышит ему на ухо, и никто не может их подслушать. Но когда епископ приехал навестить женский монастырь, именно это и произошло. Прежде всего он отправил письмо, в котором сообщил о своем приезде и попросил монахинь подготовиться к нему. Затем он приезжал со своими клерками и одним-двумя учеными чиновниками, его торжественно встречали настоятельница и все монахини, он читал проповедь в их церкви и, возможно, был приглашен на обед. А потом он приготовился их допрашивать, и один за другим они предстали перед ним, в порядке ранжира, начиная с настоятельницы, и что они должны были сделать, так это рассказать друг о друге истории. Он хотел выяснить, хорошо ли настоятельница управляет, правильно ли совершаются службы, в порядке ли финансы, поддерживается ли дисциплина; и если у какой-нибудь монахини есть жалоба, самое время ее высказать.

И монахини были полны жалоб. Современная школьница побледнела бы от ужаса перед их способностью рассказывать небылицы. Если одна из монахинь затыкала уши сестре, если другая резала церковь, если третья слишком много развлекалась с друзьями, если третья выходила на улицу без разрешения, если другая сбегала с бродячим флейтистом, епископ непременно узнавал об этом, если только весь монастырь не находился в беспорядке и монахини не заключали договор подмигивать друг другу и не выдавать их епископу, что иногда случалось. И если настоятельница была непопулярна, он непременно слышал о ней все. "Она прекрасно живет в своей комнате и никогда не приглашает нас", - говорит одна монахиня; "У нее есть любимчики, - говорит другая, - и когда она вносит исправления, то легко обходит тех, кто ей нравится, и быстро наказывает тех, кто ей не нравится"; "Она страшно ругается", - говорит третья; "Она одевается скорее как светский человек, чем как монахиня, и носит кольца и ожерелья", - говорит четвертая; "Она слишком часто ездит

верхом к своим друзьям", - говорит пятый; "Она - очень плохая бизнес-леди, и из-за нее дом влез в долги, и церковь падает на наши уши, и мы не получаем достаточно еды, и она не давала нам никакой одежды в течение двух лет, и она продавала леса и фермы без вашей лицензии, и она заложила наш лучший набор ложек"; И неудивительно, ведь она никогда не советуется с нами ни в каких делах, как ей следовало бы.' Они продолжают в том же духе на протяжении нескольких страниц, и епископу, должно быть, часто хочется заткнуть пальцами уши и крикнуть им, чтобы они прекратили; тем более что настоятельница, вероятно, потратила полчаса на то, чтобы рассказать ему, как непослушны, плохо себя ведут монахини.

Все эти рассказы секретарь епископа торжественно записал в большую книгу, а когда экзамен закончился, епископ снова созвал всех монахинь. И если они отвечали "Все хорошо", как это иногда бывало, или упоминали лишь о незначительных недостатках, он хвалил их и шел своей дорогой; если же они показывали, что дела действительно плохи, он разбирал конкретные обвинения, ругал виновных и приказывал им исправиться, а вернувшись в свой дворец или поместье, где он остановился, писал ряд предписаний, основанных на жалобах и точно указывающих, как все должно быть улучшено; Один экземпляр этих предписаний заносился в его реестр, а другой посылался от руки монахиням, которые должны были читать их вслух через определенные промежутки времени и исполнять все, что в них написано. Во многих епископских регистрах мы имеем эти списки предписаний, переписанные епископскими клерками, а в некоторых, в частности в великолепном регистре Линкольна XV века, принадлежавшем доброму епископу Алнвику, мы имеем также свидетельства монахинь, как они были записаны из их болтливых уст, и это самые человечные и забавные из всех средневековых записей. Легко понять, насколько важными историческими документами являются отчеты о посещениях, особенно в такой епархии, как Линкольнская, которая обладает почти непрерывной серией реестров, охватывающих три столетия до Расторжения брака, так что по последовательным посещениям можно проследить всю историю некоторых женских монастырей.

Посмотрим, какой свет бросят эти записи на мадам Эглентину до того, как Чосер увидел ее, садящуюся на лошадь у гостиницы "Табард". Несомненно, она впервые попала в монастырь, когда была еще совсем маленькой девочкой, ведь в Средние века девочки считались взрослыми в пятнадцать лет; в двенадцать их могли выдать замуж, а в четырнадцать они могли навсегда стать монахинями. Вероятно, у отца Эглентайна было еще три дочери, которых нужно было выдать замуж, каждая с приданным, и молодой искрящийся сын, который тратил кучу денег на модные костюмы.

Вышитый... как медаль

Весь в цветах белых и красных.

И вот он решил, что лучше сразу уладить дело с младшей; он собрал приданое (без него редко можно было попасть в женский монастырь, хотя церковный закон действительно запрещал что-либо, кроме добровольных подношений) и, взяв Эглентину за руку одним летним днем, проводил ее в женский монастырь в нескольких милях отсюда, который был основан его предками. Мы даже можем знать, чего ему это стоило: это был довольно избранный, аристократический дом, и ему пришлось заплатить вступительный взнос в 200 фунтов стерлингов на современные деньги; затем он должен был дать Эглентине ее новую обрядность, кровать и другую мебель; и он должен был устроить пир в день, когда она стала монахиней, и пригласить всех монахинь и всех своих друзей; и он должен был дать чаевые монаху, который произнес проповедь; в общем, это было большое дело.[2] Но праздник не наступил сразу, потому что Эглентине предстояло еще несколько лет оставаться послушницей, пока она не станет достаточно взрослой, чтобы принять обеты. Поэтому ей

предстояло остаться в монастыре и вместе с другими послушницами учиться пению и чтению, а также французскому языку в школе Стратфорда-атте-Боу. Возможно, она была самой младшей, ведь девочек часто не брали в монастырь, пока они не становились достаточно взрослыми, чтобы решить для себя, хотят ли они быть монахинями; но, несомненно, там было и несколько других совсем крошечных послушниц, получавших свои уроки; И иногда появлялась девочка, подобная той, чья печальная судьба записана в скучной книге законов: ее закрыл в женском монастыре злой отчим, который хотел получить ее наследство (монахиня не могла унаследовать землю, поскольку считалось, что она мертва для мира), и монахини сказали ей, что дьявол улетит с ней, если она попытается выйти за порог.[3] Однако Эглентина обладала солнечным нравом, ей нравилась жизнь в монастыре, у нее была природная склонность к красивым манерам за столом, которым она научилась там, а также к французскому языку, и хотя она вовсе не была чопорной и ей нравились яркие одежды и домашние собаки, которых она видела дома, в беседке своей матери, но в пятнадцать лет она без колебаний приняла постриг, и ей очень понравилось, что вокруг нее поднялась шумиха и ее стали называть *мадам* или *дамой* - так всегда называли монахинь.

Шли годы, и жизнь Эглентайны протекала достаточно мирно за стенами монастыря. Великая цель, ради которой существовали женские монастыри и которую большинство из них выполняли небезупречно, - прославление Бога. Эглентина много времени проводила в монастырской церкви за пением и молитвой, и, как мы знаем,

Ful wel she song the service divyne,
Entuned in hir nose ful semely.

Каждый день монахини должны были произносить семь монашеских постов. Около двух часов ночи совершался ночной чин; все вставали с постели, когда звонил колокол, спускались в холод и темноту на церковные хоры и читали заутреню, за которой сразу следовали лауды. Затем они возвращались в постель, как раз когда на небе забрезжил рассвет, и снова спали три часа, а затем вставали в шесть часов и произносили Prime. После этого следовали Tierce, Sext, None, Vespers и Compline, которые совершались через определенные промежутки времени в течение дня. Последняя служба, комплин, зимой совершалась в семь часов вечера, а летом - в восемь, после чего монахини должны были сразу ложиться спать в дортерее, в связи с чем одно из монашеских правил предписывает: "Никто не должен толкаться с другим умышленно, не должен плевать на лестницу, поднимаясь и спускаясь, но если они наступают на нее, то немедленно убираются!"[4] В общей сложности они спали около восьми часов, прерываясь на ночную службу. У них было три приема пищи: легкая трапеза из хлеба и пива после утренней обедни, плотный ужин под чтение вслух в середине дня и короткий ужин сразу после вечерни в 5-6 часов вечера.

С 12 до 17 часов зимой и с 13 до 18 часов летом Эглентина и ее сестры должны были посвящать себя ручной или умственной работе, перемежая ее с некоторым количеством трезвого и благочестивого отдыха. Она пряла, или вышивала облачения с венчающим вензелем М Пресвятой Девы в голубых и золотых нитях, или делала маленькие шелковые сумочки для своих подруг и тонко сшитые ленты для обвязывания рук после кровопускания. Она также читала в своем псалтыре или в житиях святых, которыми располагал монастырь, написанных на французском или английском языках, поскольку латынь ее была слаба, хотя она могла истолковать "*Amor vincit omnia*". Возможно, в ее монастыре было несколько маленьких школьниц, которые учились грамоте и хорошим манерам у монахинь, а когда она

подросла, то помогала учить их читать и петь, ибо, хотя они и были счастливы, но не получили от добрых сестер широкого образования. Летом Эглентине иногда разрешалось работать в монастырском саду или даже выходить на сенокос с другими монахинями; она возвращалась с круглыми глазами, чтобы признаться своему духовнику, что видела, как кельнерша возвращалась оттуда, сидя позади капеллана на его кляче[5], и думала, как весело было бы бежать трусцой за крепким Дэном Джоном.

За исключением определенных периодов отдыха, в монастыре большую часть дня должна была соблюдаться строгая тишина, и если Эглентина желала общаться с сестрами, ее убеждали делать это с помощью знаков. Однако люди, составлявшие списки знаков, которые использовались в средневековых монастырских домах, обладали сверхъестественной изобретательностью и крайне скупым чувством юмора, и немое столпотворение, которое происходило за обеденным столом Эглентины, должно быть, зачастую вызывало больше смеха, чем речи. Сестра, желавшая рыбы, "размахивала руками, выставленными по бокам, на манер рыбьего хвоста"; желающая молока - "вытягивала левый мизинец на манер дойки"; для горчицы одна "зажимала нос верхней частью правого кулака и растирала его"; Другая, желающая соли, "зажимала большим и указательным пальцами правой руки большой палец левой руки"; другая, желающая вина, "проводила указательным пальцем вверх и вниз по кончику большого пальца перед глазом"; а провинившаяся прихожанка, пораженная мыслью, что не обеспечила ладан для мессы, "вставляла два пальца в ноздри". В одной из таких таблиц, составленной для монахинь, насчитывается не менее 106 знаков, и в целом неудивительно, что правило тех же монахинь предписывает "никогда не употреблять их без причины и выгодной необходимости, ибо часто больше вреда приносит злое слово, и больше оскорбления оно может нанести Богу"[6].

Монахини, конечно, не были бы людьми, если бы иногда не уставали от всех этих служб и тишины; ведь религиозная жизнь не была, да и не предполагалась, легкой. Она не была простым средством ухода от работы и ответственности. В начале золотого века монашества в монастыри попадали только мужчины и женщины с призванием, то есть с настоящим гением к монашеской жизни. Более того, находясь там, они очень усердно работали и руками, и мозгами, и душой, и таким образом получали разнообразие занятий, которое не уступает отдыху. В основе мудрых правил святого Бенедикта лежало хорошо выверенное сочетание разнообразия с регулярностью, ведь он знал человеческую природу. Поэтому монахи и монахини не находили службы однообразными и даже считали их лучшей частью дня. Но в позднее Средневековье, когда жил Чосер, молодые люди стали поступать в монашеские дома скорее как профессия, чем как призвание. Многие по-настоящему духовные мужчины и женщины по-прежнему принимали обеты, но вместе с ними приходили и те, кто мало подходил для монашеской жизни, кто снижал ее стандарты, потому что она была для них тяжелой и некомфортной. Эглентина стала монахиней, потому что ее отец не хотел тратить на поиски мужа и потому что монашество было единственной карьерой для родовитой дамы, не вышедшей замуж. Кроме того, к этому времени монахи и монахини стали более ленивыми, они мало работали руками и еще меньше головой, особенно в женских монастырях, где ранние традиции обучения угасли, а многие монахини с трудом понимали латынь, на которой писались их службы. В результате монастырская жизнь стала терять то существенное разнообразие, которое задумывал святой Бенедикт, и в результате регулярность иногда становилась утомительной, а череда служб превращалась в рутину своеобразного однообразия, которую многие певчие уже не могли поддерживать духовным пылом. Таким образом, иногда (не следует думать, что это происходило во всех или даже в большинстве домов) службы становились пустыми формами, которые нужно было торопливо со скудной

преданностью, а иногда и со скандальной непочтительностью. Это была почти неизбежная реакция на слишком много рутины.

Небрежность в исполнении монастырских часов была очень распространенным недостатком в позднее Средневековье, хотя монахи всегда были хуже, чем монахини. Иногда они "сокращали" службы. Иногда они вели себя крайне легкомысленно, как, например, в Эксетере в 1330 году, где каноники хихикали, шутили и ссорились во время службы и роняли горячий свечной воск с верхних столов на бритые головы певчих в столах внизу[7]. Иногда они приходили на утреню поздно, через несколько часов после полуночи. Этот недостаток был распространен в женских монастырях, поскольку монахини всегда настаивали на уединенных посиделках и сплетнях вечером после утрени, вместо того чтобы сразу ложиться спать, как того требовало правило, - привычка, которая не способствовала бодрствованию в час ночи. Поэтому они были несколько сонными на утрени и находили почти джонсоновский труд в том, чтобы встать рано. Мудрый святой Бенедикт предвидел эту трудность, когда написал в своем правиле: "Когда они встают для богослужения, пусть мягко подбадривают друг друга, потому что те, кто сонный, оправдываются".[8] В женском монастыре Стейнфилд в 1519 году епископ обнаружил, что между последним ударом колокола и началом службы иногда проходит полчаса, и что некоторые монахини не поют, а дремлют, отчасти потому, что у них недостаточно свечей, но главным образом потому, что они поздно ложатся спать;[9] и кто среди нас без греха, пусть первым бросит камень! Как среди монахов, так и среди монахинь существовала тенденция ускользать до конца службы под любым благовидным или неблагоприятным предлогом: им нужно было позаботиться об обеде или о гостевом доме, их сады нуждались в прополке, или они плохо себя чувствовали. Но самый распространенный проступок - болтать во время службы как можно быстрее, чтобы поскорее ее закончить. Они опускали слоги в начале и конце слов, пропускали дипсальму или паузу между двумя стихами, так что одна часть хора начинала вторую половину, прежде чем другая заканчивала первую; они пропускали предложения, бормотали и невнятно произносили то, что должно было быть "entuned in their nose ful semely", и в целом вносили ужасный беспорядок в величественное пение равнины. Болтливость была настолько распространена, что Отец Зла был вынужден завести специального дьявола по имени Титтивилус, единственным занятием которого было собирать все эти выпавшие слоги и нести их обратно своему хозяину в большом мешке. Так или иначе, мы имеем о нем много информации, поскольку он постоянно давал о себе знать святым людям, которые, как правило, зорко следили за дьяволами. Одна латинская рифма тщательно различает содержимое его мешка: "Вот те, кто нечестиво портит святыне псалмы: болтун, гаспер, прыгун, галопер, волокита, бормотун, передний лыжник, передний бегун и передний прыгун: Tittivillus собирает обрывки слов этих людей."[10] Действительно, святой цистерцианский аббат однажды сам беседовал с бедным маленьким дьяволом и услышал о его тревожной промышленности; вот история, рассказанная в *"Мироустройстве Оур Леди"*, написанном для удовольствия монахинь Сайона в пятнадцатом веке: "Мы читаем о святом аббате ордена Сито, что когда он стоял в хоре на утрени, то увидел изверга, у которого на шее висела длинная и большая тычка, и он ходил по хору от одного к другому и деловито выслеживал все буквы, слоги, слова и промахи, которые кто-либо делал; и он старательно собирал их и складывал в свою тычку. И когда он предстал перед аббатом, ожидая, не ускользнет ли от него что-либо, что он мог бы достать и положить в свой мешок, аббат удивился и испугался его нечистоты и неправильной формы и сказал ему: Кто ты? И он ответил и сказал: я нищий дьявол, и зовут меня Титтивилус, и я исполняю порученное мне дело. А каково твое дело? спросил аббат. Он ответил: Я должен каждый день, сказал он, приносить моему господину тысячу тычков, полных промахов и небрежностей, слогов и слов, которые делаются по вашему приказу в чтении и пении, а иначе я должен быть жестоко избит"[11]. Но нет оснований полагать, что он часто получал

свои удары, хотя можно быть уверенным, что мадам Эглентина, деловито напевавшая через нос, никогда не оказывала ему ни малейшей помощи. В свободные минуты, когда он не был занят подборанием необдуманных мелочей, которые монахи позволяли себе выпалить из псалмов, Титтивилус заполнял странные уголки своего мешка пустой болтовней людей, сплетничавших в церкви; а еще он сидел наверху и собирал все высокие ноты тщеславных теноров, которые пели во славу себе, а не во славу Богу, и возносили песнопения на три ноты выше, чем могли поднять надтреснутые голоса их старших.

Но монотонность монастырской жизни иногда делала больше, чем просто невольное участие монахинь в разграблении Титтивилла. Иногда она портила им настроение. Монахини были выбраны для монастырской жизни не потому, что они были святыми. Они были не более застрахованы от истерик, чем Жена Бани, которая была вне всякого милосердия, когда другие деревенские жены шли в церковь раньше нее; и иногда они ужасно действовали друг другу на нервы. Читатели *"Пирса Паумена"* помнят, что, когда речь заходит о семи смертных грехах, Гнев рассказывает, как он был поваром у настоятельницы монастыря и, по его словам,

Of wycked wordes I, Wrath... here wordes imade,
До "тоу ликсте" и "тоу ликсте"... открываются у одних,
И один ударил другого... под чеку;
Hadde thei had knyves, by Cryst ... her eyther had killed other.

Конечно, нечасто мы слышим о чем-то настолько плохом, как о настоятельнице пятнадцатого века, которая таскала своих монахинь за вуали по хору посреди службы, крича на них "Лгунья!" и "Блудница!"^[12], или о другой даме шестнадцатого века, которая пинала их, била кулаками по голове и сажала в колодки.^[13] Все настоятельницы не были "приятными и любезными", или величественными в своих манерах. Записи монастырских посещений показывают, что дурной нрав и мелкие стычки иногда нарушали покой монастырской жизни.

Но мы должны вернуться к Эглентине. Она продолжала жить десять или двенадцать лет как простая монахиня, прекрасно пела службы, обладала милым нравом и прекрасными манерами и была очень популярна. Кроме того, она была хорошего происхождения; Чосер много рассказывает нам о ее прекрасном поведении за столом и обходительности, что свидетельствует о том, что она была леди, рожденной и воспитанной; действительно, его описание этого могло быть взято прямо из одной из феодальных книг о поведении девушек; даже ее личная красота - прямой нос, серые глаза и маленький красный рот - соответствует придворным стандартам. Монастыри были склонны к снобизму; туда попадали дамы и дочери богатых бюргеров, но бедные и низкородные девушки - никогда. Так что монахини, вероятно, сказали друг другу, что, учитывая ее миловидность, добрый нрав и аристократические связи, было бы неплохо выбрать ее в настоятельницы, когда старая настоятельница умрет. Так они и сделали, и она уже несколько лет была настоятельницей, когда Чосер познакомился с ней. Поначалу это было очень интересно, Эглентине нравилось, когда монахини, которые были старше ее, называли ее "матушкой", у нее была отдельная комната, где она могла посидеть, и все посетители, которых она могла развлекать. Но вскоре она обнаружила, что все это отнюдь не ложе из роз; ведь главе дома нужно было выполнять множество дел - не только следить за внутренней дисциплиной в монастыре, но и контролировать денежные дела, отдавать распоряжения судебным приставам в своих поместьях, следить за тем, чтобы фермы хорошо платили, чтобы десятина поступала в церкви, принадлежащие монастырю, и чтобы итальянские купцы, приезжавшие покупать шерсть с ее овечьих спин, давали за нее хорошую цену. Во всех этих делах она должна была прислушиваться к советам монахинь, которые собирались в доме главы, где и решались все

дела. Боюсь, что иногда Эглентине приходило в голову, что гораздо лучше все делать самой, и она скрепляла документы монастырской печатью, ничего им не говоря. Всегда следует с недоверием относиться к руководителю конторы, школы или общества, который с самодовольным видом заявляет, что гораздо лучше сделать дело самому, чем поручить его соответствующим подчиненным; это означает либо, что она самодержец, либо, что она не умеет организовывать. Мадам Эглентайн была скорее автократкой, причем добродушной, а кроме того, она терпеть не могла хлопот. Поэтому она не всегда советовалась с монахинями; и я боюсь также (после долгих исследований того ее прошлого, о котором забыл упомянуть Чосер), что она часто пыталась уклониться от ежегодного предоставления им отчета о доходах и расходах, как это полагалось делать.

Монахини, конечно, возражали против этого, и при первом же обходе епископа пожаловались ему на это. Они также говорили, что она плохая деловая женщина и влезает в долги; а когда у нее не хватало денег, она продавала лес, принадлежащий монастырю, и обещала ежегодные пенсии разным людям в обмен на единовременные выплаты, и сдавала фермы в долгосрочную аренду по низким ставкам, и делала разные другие вещи, от которых монастырь в конечном итоге проигрывал. Кроме того, она так плохо отремонтировала крышу церкви, что дождь через дыры попадал им на головы, когда они пели; и не мог бы милорд епископ посмотреть на дыры в их одежде и сказать ей, чтобы она выдала им новую? Другие нечестивые настоятельницы иногда даже закладывали тарелки и драгоценности монастыря, чтобы получить деньги на свои личные нужды. Но Эглентина вовсе не была злой или бесчестной, хотя и была плохим управляющим; дело в том, что у нее не было головы для подсчетов. Я *уверен*, что она не разбиралась в цифрах; достаточно прочесть описание ее у Чосера, чтобы понять, что она не была математиком. К тому же монахини преувеличивали: их одежда была не в дырах, а лишь слегка поношенной. Мадам Эглентина была слишком привередлива, чтобы позволить себе поношенную одежду; а что касается крыши церкви, то она собиралась накопить достаточно денег, чтобы положить на нее черепицу, но в средневековом женском монастыре действительно *было* очень трудно сводить концы с концами, особенно если (как я повторяю) у тебя не было головы для цифр. Вероятно, епископ видел, как обстоят дела с землей, и приказал ей никогда ничего не предпринимать, не посоветовавшись с монастырем, а общую печать закрыл в шкатулку с тремя разными замками, ключи от которых были у мадам Эглентины и двух старших монахинь, так что она не могла открыть ее одна и, следовательно, не могла скрепить никакое деловое соглашение без их согласия. Он приказал ей вести отчетность и представлять ее каждый год (пачки ее счетов до сих пор хранятся в Бюро записей). Наконец, он назначил соседнего ректора хранителем дел дома, чтобы у нее всегда была его помощь. После этого дела пошли лучше.

Эглентину, похоже, никогда не интересовали дела, и она с удовольствием занималась внутренними делами и принимала гостей, изредка выезжая на улицу, чтобы посмотреть, как идут дела в поместье. И она начала понимать, что теперь, став настоятельницей, может вести гораздо более свободную и веселую жизнь; ведь настоятельница монастыря имела собственные комнаты, а не делила общее общежитие и трапезную; иногда у нее даже было что-то вроде маленького домика с собственной кухней. Настоятельница одного большого женского монастыря в Винчестере в XVI веке имела собственный штат прислуги, повара, кухарку, горничную и джентльменшу, чтобы присматривать за ней, как и любая другая великая леди в мире, и никогда не обедала с монахинями, кроме как по государственным случаям. Но настоятельница обычно держала при себе одну монахиню, чтобы та была ее спутницей, помогала ей в хоре и была свидетельницей ее хорошего поведения; эта монахиня называлась ее капелланом, и предполагалось, что ее меняют каждый год, чтобы избежать фаворитизма. Следует помнить, что когда мадам Эглентина отправлялась в паломничество,

она брала с собой монашку-капеллана, а также трех священников; это объяснялось тем, что ни одной монахине не разрешалось отправляться в путь одной. Одной из обязанностей мадам Эглентайн как настоятельницы было развлекать гостей своими знаменитыми придворными забавами, а их, мы можем быть уверены, у нее было великое множество. Поздравить ее приезжали и сестры, которые теперь были уже большими дамами с мужьями и собственными поместьями, и ее старый отец, и все знатные люди графства; а после они часто заглядывали к ней на ужин из цыплят, вина и пшеничного хлеба, если проезжали мимо дома во время путешествия, а иногда и оставались там на ночь. Одна или две дамы, чьи мужья были на войне или в паломничестве в Рим, даже приезжали в монастырь в качестве платных гостей и жили там целый год, ибо ничто не радовало деревенских джентльменов или богатых бюргеров больше, чем использовать женские монастыри в качестве пансиона для своих женщин.

Все это очень нарушало мир и покой монахинь, а особенно мешали пансионеры, ведь они носили одежду, заводили домашних собак и звонарей и подавали монахиням весьма фривольный пример. В одном монастыре мы находим распоряжение епископа: "Пусть жена Фелмершема со всем своим хозяйством и другими женщинами будет полностью удалена из вашего монастыря в течение одного года, поскольку они являются причиной беспокойства монахинь и поводом для дурного примера из-за их одежды и тех, кто приходит к ним в гости"[14] Легко представить, почему епископы так возражали против приема этих мирских замужних женщин в качестве пансионеров. Просто замените "жену Фелмершема" на "жену Бата", и все станет ясно. Эта дама была не из тех, кому настоятельница легко отказала бы; один только список ее паломничеств позволил бы ей *поступить* в любой женский монастырь. Улыбаясь своей зубастой улыбкой и легко скача на своем амблере, она въезжала в ворота, и какой месяц волнения проходил, прежде чем она снова уезжала. Я уверена, что именно она научила мадам Эглентину самому модному способу ущипнуть кудряшку; и уж точно она ввела в некоторых женских монастырях шляпы "широкие, как баклер или тардж" и алые чулки. Епископам все это очень не нравилось, но за все время им так и не удалось выгнать пансионеров, потому что монахиням всегда нужны были деньги, которые они платили за питание и проживание.

Легко понять, что постоянное общение с мирскими посетителями привело бы к распространению мирских привычек в женском монастыре мадам Эглентайн. Монахини, в конце концов, всего лишь женщины, и им свойственны милые тщеславия, присущие их полу. Но Власть (с большой буквы А) вовсе не считала их тщеславие приятным. Власть считала, что дьявол послал три меньших "Д", чтобы проклясть монахинь, и эти три "Д" были "Танцы", "Платья" и "Собаки". Средневековая Англия славилась танцами, мумиями и менестрелями; это была Веселая Англия, потому что, как бы ни омрачали жизнь чума, мор, голод и жестокость человека по отношению к человеку, она все равно любила эти вещи. Но не было двух мнений о том, что церковь думает о танцах; это было точно подытожено одним моралистом в афоризме: "Дьявол - изобретатель, управляющий и распоряжающийся танцами и танцами". И все же, заглянув в счета, которые мадам Эглентайн выставляла (или не выставляла) своим монахиням в конце каждого года, мы обнаружим оплату за вассал на Новый год и Двенадцатую ночь, за майские игры, за хлеб и эль в костровые ночи, за арфистов и игроков на Рождество, за подарок мальчику-епископу во время его обхода и, возможно, за дополнительные гроши, когда младшей школьнице разрешалось наряжаться и исполнять обязанности настоятельницы монастыря на весь День Иннокентия. А заглянув в архивы епископов, мы обнаружим, что мадам Эглентине запрещены "все виды менестрелей, интерлюдий, танцев или веселья в вашем святом месте"; и ей бы очень повезло, если бы епископ сделал исключение для Рождества, "и других честных времен отдыха между вами,

используемых в отсутствие светских людей во всех смыслах". Почему-то возникает настойчивое убеждение, что ее придворное веселье включало в себя танцы[15].

Затем, опять же, были модные платья, которые гости ввели в женских монастырях. Совершенно точно, что мадам Эглентина не осталась равнодушной к ним; и печально, что она стала считать монашескую привычку очень черной и уродливой, а монастырскую жизнь - очень строгой; и решила, что если привнести в нее немного удобств, то никому не будет ни на грош хуже, а епископ, возможно, и не заметит. Вот почему, когда Чосер встретил ее,

Ful fetis was hir clock, as I was war,
Из мелкого коралла на руке она завязала
И пеир из постелей, усыпанных греном,
И брошь золотая на руке.

Но, к сожалению, епископ все же заметил это; в реестрах действительно полно таких нарядов мадам Эглентины и еще более легкомысленных, которые она носила в уединении дома. Более шести изнурительных столетий епископы вели священную войну против моды в монастыре, и вели ее тщетно; ведь пока монахини свободно общались со светскими женщинами, невозможно было помешать им перенимать светские моды. Время от времени несчастный епископ в мужском недоумении продирался через нечто вроде полного каталога современных мод, чтобы указать, что монахиням носить *нельзя*. Торжественно заседали синоды, качали седыми головами епископы и архиепископы, рассматривая золотые закладки и серебряные пояса, кольца с драгоценными камнями, ботинки на шнуровке, туники с разрезами, низкие горловины и длинные шлейфы, яркие цвета, дорогие ткани и ценные меха. Монахини должны были носить вуали, плотно прижатые к бровям, так что их лбы были полностью скрыты; но высокие лбы были в моде среди светских дам, которые даже брили свои, чтобы сделать их выше, и в результате монахини не могли удержаться от того, чтобы поднять и расправить свои вуали, ведь как иначе Чосер *узнал*, что у мадам Эглентины такой прекрасный лоб ("almost a spanne broad, I trowe")? Если бы она носила вуаль как положено, она была бы незаметна, и можно заметить, как отец английской поэзии незаметно, но явно подмигивает другим глазом, когда вставляет этот маленький штрих; его современники быстро бы поняли, что к чему. И эта брошь, и этот фетисовый плащ hers..... Вот что рассказали монахини-сказительницы епископу Линкольнскому о своей настоятельнице через пятьдесят лет после того, как Чосер написал "*Кентерберийские рассказы*".

"Настоятельница, - говорили они с самым ханжеским видом, - носит золотые кольца, очень дорогие, с разными драгоценными камнями, а также пояса, посеребренные и позолоченные, и шелковые вуали, и она носит свою вуаль слишком высоко надо лбом, так что ее лоб, будучи полностью непокрытым, виден всем, и она носит меха из вайры. Также она носит сменки из ренского сукна, которое стоит шестнадцать пенсов за ил. Также она носит кирты, зашнурованные шелком, и булавки из серебра и серебряной позолоты, и заставляет всех монахинь носить подобное. Также она носит поверх вуали шапочку из имения, подбитую мехом. А еще у нее на шее длинная шелковая лента, по-английски кружево, которая свисает ниже груди, а на ней золотое кольцо с одним бриллиантом. 16) Не мадам ли это Эглентина? Ничто не ускользнуло от глаз нашего доброго Дэна Чосера, ведь он всегда ехал, глядя в землю.

Более того, не только в одежде настоятельница и ее сестры-монахини подражали моде мира. Великие дамы того времени любили развлекаться с домашними животными, и монахини не преминули последовать их примеру. Итак,

У нее были маленькие гончие, которых она кормила
И жареной плотью, и молоком, и пустой породой.
Но плакала она, если один из них был убит,
Или если бы люди сглаживали его с помощью злобного сметанного оружия.

Отчеты о посещениях полны этих маленьких собачек и других животных; и многие ли читатели Пролога знают, что маленькие гончие, как и светлый лоб и брошь с золотым блеском, были строго против правил? Епископы считали домашних животных вредными для дисциплины, и век за веком они пытались изгнать животных из монастырей, но без малейшего успеха. Монахини просто ждали, пока епископ уйдет, а затем со свистом возвращали своих собак обратно. Собаки были самыми любимыми домашними животными, хотя держали также обезьян, белок, кроликов, птиц и (очень редко) кошек. Одному архиепископу пришлось запретить настоятельнице, которую он посетил, держать в своих покоях *обезьян и несколько собак*, а заодно обвинить ее в том, что она ограничивает своих монахинь в еде; можно догадаться, что стало с жареной плотью или молоком и отбросами! В Средневековье было принято брать с собой животных в церковь, где дамы часто посещали службу с собакой на коленях, а мужчины - с ястребом на запястье; точно так же, как сегодня фермер в горной местности берет с собой свою колли. Это происходило и в женских монастырях. Иногда миряне, живущие в монастырях, приводили с собой своих питомцев; есть жалостливая жалоба монахинь одного дома, "что у леди Одли, которая там живет, очень много собак, так что всякий раз, когда она приходит в церковь, за ней следуют двенадцать собак, которые поднимают в церкви большой шум, мешая монахиням петь псалмы, и монахини от этого приходят в ужас!"^[17] Но довольно часто монахини сами нарушали запрет. Предписания не приводить в хор домашних собак встречаются в нескольких отчетах о посещениях, самый забавный пример содержится в отчете, направленном в аббатство Ромси Уильямом из Уайкема в 1387 году, примерно в тот же год, когда Чосер писал "*Кентерберийские рассказы*": "Пункт, - говорится в предписании, - поскольку мы убедились наглядными доказательствами, что некоторые монахини вашего дома приносят с собой в церковь птиц, кроликов, гончих и тому подобные легкомысленные вещи, которым они уделяют больше внимания, чем церковным делам, что часто мешает их собственному псалмопению и псалмопению их братьев, и к тяжкому вреду для их душ - поэтому мы строго запрещаем вам всем и каждой, в силу причитающегося нам послушания, чтобы вы впредь не приносили в церковь никаких птиц, гончих, кроликов или других легкомысленных вещей, которые способствуют недисциплинированности.... И еще, поскольку охотничьи собаки и другие гончие, обитающие на территории вашего монастыря, пожирают милостыню, которую следует раздавать бедным, а церковь и монастырь... оскверняются... и поскольку из-за их неумеренного шума богослужение часто нарушается - поэтому мы строго приказываем и предписываем вам, госпожа аббатиса, полностью удалить собак и никогда впредь не позволять им и другим подобным гончим обитать на территории вашего монастыря."^[18] Но епископу было бесполезно приказывать мадам Эглентине отказаться от своих собак, ее нельзя было разлучить с ними даже во время паломничества, хотя они наверняка доставляли много неудобств в трактирах, тем более что она была так привередлива к их еде.

Ибо настоятельница Чосера, надо признать, была довольно мирской дамой, хотя ее красивые наряды и маленькие собачки были достаточно безобидны по современным меркам, и все симпатии направлены против епископов. Вероятно, со временем она стала еще более мирской, ведь у нее было так много возможностей для светского общения. Ей приходилось не только принимать гостей в монастыре, но и часто по делам дома отправляться в путешествия, а они предоставляли множество возможностей для общения с

соседями. Иногда ей приходилось ехать в Лондон, чтобы разобраться с судебным процессом, и это была большая экскурсия с другой монахиней, а может, и двумя, священником и несколькими старшинами, которые присматривали за ней. Иногда ей приходилось встречаться с епископом, чтобы получить разрешение взять на воспитание несколько маленьких школьниц. Иногда она ходила на похороны великого человека, которого знал ее отец и который оставил ей по завещанию двадцать шиллингов и серебряный кубок. Иногда она отправлялась на свадьбу одной из своих сестер или становилась крестной матерью их младенцев, хотя епископам не нравились эти мирские связи, танцы и веселье, которыми сопровождалась свадьбы и крестины. Действительно, монахини иногда жаловались на ее поездки и говорили, что, хотя она и притворяется, что все это по делам дома, у них есть сомнения, и не мог бы епископ просто посмотреть на это. В одном монастыре монахини жаловались, что их дом задолжал 20 фунтов стерлингов, "и это в основном из-за дорогостоящих расходов настоятельницы, потому что она часто ездит за границу и притворяется, что делает это по общим делам дома, хотя это не так, со слишком большой свитой и слишком долго задерживается за границей, и она роскошно пирует, как за границей, так и дома, и она очень разборчива в одежде, так что меховая отделка ее мантии стоит 100 фунтов"[19].

В сущности, не было ничего, что церковь не одобряла бы больше, чем эту привычку, общую для монахов и монахинь, бродить вне своих обителей; моралисты считали, что общение с миром лежит в основе всего зла, прокрадывшегося в монастырскую систему. Ортодоксальная поговорка гласила, что монах вне своей обители подобен рыбе, оказавшейся в воде; не стоит забывать, что монах Чосера считал, что текст не стоит устрицы. Действительно, большинство монахов прекрасно плавали на воздухе, а монахини тоже упорно находили всевозможные оправдания для странствий по миру. На протяжении всего Средневековья совет за советом, епископ за епископом, реформатор за реформатором тщетно пытались заставить их замолчать. Величайшая из всех попыток началась в 1600 году, когда папа опубликовал буллу, предписывающую монахиням никогда, кроме исключительных случаев, не покидать своих монастырей и не позволять светским людям посещать их без специального разрешения и веской причины. Это заставит современного читателя пожалеть бедных монахинь, но в этом нет никакой необходимости, потому что никому никогда не удавалось ввести его в действие более чем на пять минут, хотя епископы пытались сделать это более двух столетий и все еще тщетно пытались, когда король Генрих VIII распустил женские монастыри и отправил всех монахинь в мир навечно, независимо от того, нравилось им это или нет. В одном женском монастыре в епархии Линкольна, когда епископ приехал, положил в дом копию буллы и приказал монахиням подчиняться ей, они побежали за ним к воротам, когда он уезжал, и швырнули буллу ему на голову, крича, что никогда не будут соблюдать ее[20]. Более практичные епископы, правда, вскоре перестали пытаться приводить в исполнение буллу в ее нынешнем виде и довольствовались тем, что предписывали монахиням не выходить в свет или наносить визиты слишком часто, или без спутницы, или без лицензии, или без веской причины. Но и в этом они не очень преуспели, потому что монахини были весьма плодовиты на прекрасные причины, по которым они должны выходить. Иногда они говорили, что их родители больны, и тогда они уходили, чтобы сгладить подушку больного. Иногда они говорили, что им нужно пойти на рынок, чтобы купить селедки. Иногда они говорили, что им нужно пойти на исповедь в монастырь. Иногда действительно трудно представить, что они говорили. Что нам, например, думать о той легкомысленной монахине, "которая в понедельник вечером провела ночь с остинскими монахами в Нортгемптоне, танцевала и играла на лютне с ними в одном месте до полуночи, а в следующую ночь провела ночь с монахами-проповедниками в Нортгемптоне, танцую и выплясывая подобным образом"?[21]

Чосер рассказал нам, как монах любил арфу и как его глаза мерцали, словно звезды, когда он пел, но, возможно, не заметил, что он заманил мадам Эглентайн в танец.

Действительно, трудно понять, какие "законные" оправдания могли найти монахини для своих скитаний по улицам и полям, входы и выходы из чужих домов, и приходится опасаться, что либо они были слишком навязчивы для мадам Эглентины, либо она подглядывала за их действиями. Ведь так или иначе можно заподозрить, что она была не слишком высокого мнения о епископах. В конце концов, Чосер никогда бы не встретил ее, если бы ей не удалось обойти своего собственного, поскольку если и был какой-то предлог для странствий, который епископы категорически не одобряли, то это был именно предлог паломничества. Мадам Эглентина оказалась не такой уж простой и хитрой, какой казалась на первый взгляд. Многие ли из литературных критиков, потешающихся над ней, знают, что ей вообще не следовало попадать в Пролог? Церковь совершенно четко определила, что паломничества монахинь не должны поощряться. Еще в 791 году собор запретил эту практику, а в 1195 году другой собор в Йорке постановил: "Чтобы отнять у монахинь возможность странствовать, мы запрещаем им вступать на путь паломничества". В 1318 году архиепископ Йоркский строго запретил монахиням одного монастыря покидать свой дом "по причине любого обета паломничества, который они могли дать. Если кто-либо из них давал такой обет, он должен был произнести столько псалтырей, сколько дней потребовалось бы для совершения паломничества, о котором он так опрометчиво поклялся"[22] С тоской представляешь себе бедную мадам Эглентину, бесконечно произносящую псалтыри через свой третичный нос, вместо того чтобы весело бежать со своими пестрыми спутниками и так мило рассказывать свою историю о маленьком святом Хью. Подобные запреты можно перечислять в средневековых записях; и действительно, нет необходимости идти дальше Чосера, чтобы понять, почему епископы так упорно сопротивлялись паломничеству монахинь; достаточно вспомнить некоторых людей, в компании которых путешествовала настоятельница, и некоторые из историй, которые они рассказывали. Если бы, например, можно было быть уверенным, что она все время ездила с монахиней и священниками или хотя бы между рыцарем и бедным городским пастором! Но были еще Мельник, Сумщик и (что хуже всего) эта веселая и увлекательная грешница, Жена из Бани. Подумать страшно, какие дополнительные подробности о пяти своих мужьях могла сообщить настоятельнице жена из Бани.

Такова была настоятельница Чосера в реальной жизни, ибо поэт, нарисовавший ее, был одним из самых замечательных наблюдателей во всей английской литературе. Мы можем пролистать сотни отчетов о посещениях и предписаний, и везде серые глаза настоятельницы будут сверкать на нас с их страниц, но в конце концов мы всегда должны обращаться к Чосеру за ее изображением, чтобы подытожить все, чему научили нас исторические записи. Какой ее нашел епископ, такой он ее и увидел: аристократичной, нежной, мирской, стремящейся "соответствовать двору"; любящей красивые наряды и маленьких собачек; важной дамой, которую сопровождают монахиня и три священника; с которой с уважением разговаривает не слишком щепетильный хозяин - для нее нет "Corpus Dominus", "cokkes bones" или "tel on a devel wey", но "cometh neer, my lady prioress", и

Миледи приоресса, по вашей милости
Если я захочу, я буду вас приветствовать,
Я хочу, чтобы вы рассказали мне
Сказку следующую, если вы так хотите.
Ну что, миледи, вы можете поручиться?

Он больше ни с кем так не разговаривает, разве что с рыцарем. Она была религиозной? Возможно; но, если не считать ее пения на богослужении и прекрасного обращения к Деве Марии в начале рассказа, Чосер почти ничего не может сказать по этому поводу;

Но за то, что она говорила о своей совести (говорит он).

Она была так милосердна и так жалостлива,

и затем, когда мы ожидаем услышать о ее милостыне бедным, - что она плакала над мышью в капкане или избитым щенком, говорит Чосер. Хорошая хозяйка своего дома? Опять же, несомненно. Но когда Чосер встретил ее, дом правил собой где-то в "конце шира". В четырнадцатом веке мир был полон рыб, вышедших из воды, и, клянусь Синт Лой, сказала мадам Эглентайн, поклявшись, как и монах Чосера, что знаменитый текст не стоит и устрицы. Так мы и расстались с ней, как обычно, по дороге в Кентербери.

ГЛАВА V

Жена меновщика

ПАРИЖСКАЯ ДОМОХОЗЯЙКА В XIV ВЕКЕ

Сфера жизни женщины - дом.

--*Homo Sapiens*

Мужчины средних веков, как, впрочем, и всех других эпох, включая нашу, очень любили писать книги о поведении, в которых рассказывали женщинам, как они должны вести себя во всех обстоятельствах своего существования, но особенно в отношениях с мужьями. Многие из этих книг сохранились, и среди них есть одна, которая представляет особый интерес благодаря прочному здравому смыслу ее автора и той интимной и живой картине, которую она дает буржуазному дому. Большинство книг по воспитанию были написаны, так сказать, в воздухе, для женщин в целом, но эта была написана конкретным мужем для конкретной жены, и поэтому она взята из жизни и полна деталей, демонстрируя индивидуальность, которой так часто не хватает ее коллегам. Если искать ей параллель, то, пожалуй, не в каком-

либо другом средневековом трактате, а в тех отрывках "Экономиста" Ксенофонта, в которых Исомах описывает Сократу воспитание идеальной греческой жены.

Парижский хозяйственник (или, как мы могли бы сказать, парижский гувернер) написал эту книгу в назидание своей молодой жене между 1392 и 1394 годами. Это был состоятельный человек, не лишенный образованности и большого опыта в делах, очевидно, представитель той солидной и просвещенной *высшей буржуазии*, на которую французская монархия опиралась со все возрастающим доверием. Когда он писал, он, должно быть, приближался к старости, и ему, несомненно, было за шестьдесят, но он недавно женился на молодой жене более высокого происхождения, чем он сам, сироте из другой провинции. Он несколько раз говорит о ее "великой юности" и держал при ней что-то вроде дуэньи-домоправительницы, чтобы помогать и направлять ее в управлении своим домом; и действительно, как и жене Исомаха, ей было всего пятнадцать лет, когда он женился на ней. Современное мнение шокировано несоответствием возраста мужа и жены, с которым Средневековье, время *брачных союзов*, было более знакомо. "Редко, - говорит менажер, - встретишь столь старого человека, который не женится на молодой женщине". Однако его отношение к молодой жене показывает нам, что даже в браке между маем и январем могли быть компенсации. Раз за разом в его книге звучат нотки скорее отцовской, чем супружеской нежности, сочувственного понимания чувств супружеского ребенка, чего, возможно, не смог бы достичь более молодой человек. Над всеми этими фактическими советами, кажется, висит что-то от мягкой грусти осеннего вечера, когда красота и смерть идут рука об руку. Задача его жены - обеспечить комфорт его уходящим годам, а его - облегчить ей эту задачу. Он постоянно повторяет, что не требует от нее ни чрезмерного уважения, ни слишком скромной или тяжелой службы, ибо это ему не положено; он желает лишь такой заботы, какую проявляют соседи и родственницы по отношению к своим мужьям, "ибо мне не принадлежит ничего, кроме общей службы, или даже меньше".

В своем Прологе, обращенном к ней, он дает очаровательную картину сцены, которая побудила его написать свою книгу: "Ты, будучи в возрасте пятнадцати лет, в ту неделю, когда мы с тобой сочетались браком, молила меня, чтобы я был снисходителен к твоей юности и к твоей малой и невежественной службе на попечении, пока ты не увидишь и не узнаешь больше, для ускорения чего ты обещала мне приложить все усилия и старания, ... смиренно моля меня в нашей постели, как я помню, чтобы я ради Бога не исправлял тебя сурово ни перед чужими, ни перед своими, но чтобы я исправлял тебя каждую ночь или изо дня в день в нашей палате и показывал тебе непристойные или глупые поступки, совершенные в прошедший день или дни, и наказывал тебя, если мне будет угодно, и тогда ты не преминешь исправить себя согласно моему учению и исправлению и будешь делать все в твоей власти по моей воле, как ты сказал. И я хорошо подумала, похвалила и поблагодарила тебя за то, что ты мне сказала, и с тех пор часто вспоминаю об этом. И знай, дорогая сестра [D], что все, что, как я знаю, ты делала со времени нашей свадьбы до сего дня и все, что ты будешь делать впредь с добрыми намерениями, было и есть хорошо и доставляло, доставляет и будет доставлять мне удовольствие. Ибо твоя молодость не позволяет тебе быть очень мудрым, и еще будет оправдывать тебя во всем, что ты сделаешь с добрым намерением, чтобы угодить мне. И знай, что мне не неприятно, а скорее приятно, чтобы ты выращивала розы и ухаживала за фиалками, чтобы ты плела частушки, танцевала и пела, и я хотел бы, чтобы ты так продолжала жить среди наших друзей и друзей нашего поместья, и будет правильно и разумно провести таким образом время твоей женской юности, если ты пожелаешь и предложишь не ходить на пиры и танцы слишком больших господ, ибо это тебе не подобает, не подходит ни твоему поместью, ни моему[1]".

[D] Он обращается к ней как к "сестре", что означает ласковое уважение.

Между тем он не забыл о ее просьбе научить и исправить ее наедине, и поэтому он пишет маленькую книгу (но она стала большой, прежде чем он закончил ее), чтобы показать ей, как вести себя; ибо ему жаль это дитя, у которого давно нет ни отца, ни матери, и которое находится вдали от родственников, которые могли бы дать ей совет, имея "только меня", говорит он, "ради которого ты была отнята от своих родственников и от земли твоего рождения". Он долго размышлял над этим вопросом, и вот теперь перед вами "легкое общее введение" в целое искусство быть женой, хозяйкой и идеальной леди. Одну характерную причину, помимо желаний помочь ей и самому быть удобным (ведь он был настроен по-своему), он приводит для своего беспокойства и время от времени возвращается к ней, несомненно, самой странной из всех, когда-либо приводимых мужем для наставления жены. Он стар, говорит он, и должен умереть раньше нее, и ей совершенно необходимо, чтобы она оказала ему доверие со своим вторым мужем. Каково же будет его разочарование, если она будет сопровождать его преемника к мессе с помятым воротничком *кофточки*, или если она не будет знать, как отгонять блох от одеял, или как заказать ужин на двенадцать персон в Великий пост! Для благоразумия и здравого смысла Менадье характерно то, что он спокойно относится ко второму браку своей молодой жены. Один из его разделов называется "Чтобы ты была любящей своего мужа (будь то я или другой), по примеру Сары, Ребекки, Рахили". Как же это отличается от тех мужей (собак в яслях или беспокоящихся о будущем своих детей под властью возможного сурового отчима), чьи завещания так часто показывают, что они пытаются связать своих жен вечным безбрачием после своей смерти, таких мужей, как Уильям, граф Пемброк, который умер в 1469 году, напутствуя свою даму: "И помни, что ты обещала мне принять орден безбрачия, чтобы ты могла быть лучшей мачтой для исполнения моего долга".

План книги, состоящей из трех разделов, содержащих девятнадцать основных статей, является наиболее исчерпывающим. Первый раздел посвящен религиозным и нравственным обязанностям. По словам менажера, "первый раздел необходим для того, чтобы завоевать для вас любовь Бога и спасение вашей души, а также завоевать для вас любовь вашего мужа и дать вам в этом мире тот мир, который должен быть в браке. И поскольку эти две вещи, а именно спасение вашей души и утешение вашего мужа, являются двумя наиболее необходимыми, поэтому здесь они поставлены на первое место". Далее следует ряд статей, рассказывающих даме, как читать утреннюю молитву при подъеме, как вести себя на мессе и в какой форме исповедоваться священнику, а также длинный и несколько тревожный дискурс о семи смертных грехах, которые, несомненно, никогда не приходили в ее маленькую гладкую головку, и еще один - о соответствующих добродетелях[2]. Но большая часть раздела посвящена такой важной теме, как долг жены перед мужем. Она должна быть любящей, смиренной, послушной, внимательной и заботливой к его персоне, молчаливой в отношении его секретов и терпеливой, если он будет глуп и позволит своему сердцу уклониться в сторону других женщин. Весь раздел проиллюстрирован серией историй (в Средние века их называли *exempla*), взятых из Библии, из общего запаса анекдотов, которыми владели и жонглеры, и проповедники, и (что самое интересное) из собственного опыта менажера. Среди более длинных иллюстраций Менадье - любимая, но невыносимо скучная нравоучительная история о Мелибее и Пруденции, написанная Альбертано из Брешии, переведенная на французский язык Рено де Луэном, чью версию скопировал Менадье, и адаптированная Жаном де Меном в "*Романе о Розе*", из которого Чосер, в свою очередь, взял ее для пересказа кентерберийским паломникам.

Здесь также можно найти знаменитую сказку Петрарки о больной Гризельде, которую Чосер также взял и придал ей более широкую известность, и длинную поэму, написанную в 1342 году Жаном Брьюаном, нотариусом Шатле в Париже, и названную "Путь бедности и богатства", воспевающую трудолюбие и благоразумие[3].

Второй раздел книги посвящен ведению домашнего хозяйства и является наиболее интересным. Диапазон познаний Менадье заставляет читателя задохнуться. Этот человек - идеальная миссис Битон! Этот раздел включает в себя подробный трактат о садоводстве, а также о принципах, которыми следует руководствоваться при найме слуг, и о методах управления ими при найме; современная проблема уходящих слуг, похоже, не вызывает у него сомнений. Есть инструкции, как чинить, проветривать и чистить платья и меха, выводить жирные пятна, ловить блох и не пускать мух в спальню, ухаживать за вином и руководить ведением хозяйства.

В какой-то момент он прерывается, обращаясь к жене таким образом: "Здесь я оставляю тебя отдыхать или играть и больше не буду с тобой разговаривать; а пока ты развлекаешься в другом месте, я поговорю с мастером Джоном, стюардом, который присматривает за нашим имуществом, чтобы, если с какой-нибудь из наших лошадей, будь то для плуга или для езды, или если нужно купить или обменять лошадь, он мог знать немного о том, что ему следует знать в этом деле". Далее следуют несколько страниц мудрых советов о том, как правильно осмотреть лошадей, как определить их возраст и недостатки под взглядом продавца лошадей - практические "советы" человека, который, очевидно, знал и любил своих лошадей, а также советы по лечению их различных заболеваний. Среди различных рецептов, которые Менадье приводит для этой цели, есть два талисмана; например, "когда у лошади гланды, нужно сказать ей эти три слова с тремя заклятиями: *abgla, abgly, alphard, asy, pater noster*, etc." [4].

Наконец, но не в последнюю очередь, здесь находится великолепная кулинарная книга, оформленная в форме, священной для кулинарных книг с тех времен и до наших дней, начиная с перечня примерных меню для обедов и ужинов, горячих или холодных, постных или праздничных, летних или зимних, с советами по выбору мяса, птицы и специй, и заканчивая длинным рядом рецептов всех супов, рагу, соусов и других яств, с экскурсом по кулинарии инвалида!

Третий раздел книги, по замыслу менажера, должен был содержать три части: во-первых, ряд салонных игр для развлечения в помещении; во-вторых, трактат о ястребиной охоте, любимом развлечении дам на свежем воздухе; и, в-третьих, список забавных загадок и игр арифметического характера ("касающихся счета и нумерации, тонких для выяснения или отгадывания"), предположительно типа нашей старой знакомой "Если полторы селедки стоят три пенса". К сожалению, Менадье, похоже, так и не закончил книгу, и из этого раздела сохранился только трактат о ястребиной охоте. Очень жаль, ведь у нас есть несколько подобных трактатов, а о том, насколько интересным мог бы быть рассказ о комнатных играх и загадках, можно догадаться по отрывку из версии Менеджера истории о Лукреции, когда он описывает римских дам, "одни сплетничают, другие играют в *bric*, третьи в *qui féry*, четвертые в *pince merille*, пятые в карты или другие игры для удовольствия с соседями; Другие, поужинав вместе, пели песни, рассказывали басни, истории и заключали пари; третьи были на улице с соседями, играли в буфф слепого, в *брики* и в другие подобные игры." [5] В те времена, пока изобретение книгопечатания не сделало книги доступными, средневековые дамы в основном развлекались тем, что рассказывали и слушали истории, задавали загадки и играли в игры, которые мы уже давно изгнали в детскую; и богатый репертуар таких

развлечений был очень желателен для хозяйки. Менадье был явно озабочен тем, чтобы его жена блистала как в развлечениях, так и в обязанностях светской жизни.

Такова монументальная работа, которую парижский менажер смог представить своей потрясенной, но восхищенной жене; и хотя историки к сожалению пренебрегают ею, она заслуживает того, чтобы быть хорошо известной, поскольку дает нам картину средневековой домохозяйки, которую трудно превзойти. Вряд ли найдется сторона ее повседневной жизни, которой бы она не касалась, и теперь мы можем с пользой для себя присмотреться к ней повнимательнее и увидеть, в свою очередь, идеальную леди, чьи манеры и поведение делают честь ее воспитанию; идеальную жену, чья покорность мужу равна лишь ее умению его облегчить; идеальную хозяйку, чьи слуги любят ее и управляют ее домом как часы; и идеальную домохозяйку, миссис Битон пятнадцатого века.

Взгляды Менадье на поведение нелепо вплетены в его раздел о духовных обязанностях под общими заголовками "Вставать по утрам" и "Ходить в церковь". Его представления об одежде очень четко определены: милый беспорядок в одежде был ему не по вкусу:

Знай, дорогая сестра, что если ты захочешь последовать моему совету, то будешь очень заботиться о том, что мы с тобой можем себе позволить, в соответствии с нашим состоянием. Позаботься о том, чтобы ты была честно одета, без новых приспособлений и без слишком большого или слишком малого количества украшений. И прежде чем покинуть свою комнату и дом, позаботься о том, чтобы воротник вашей сюртука, *бланманже*, *кота* и *сюртука* не болтался один над другим, как это бывает у некоторых пьяных, глупых или безрассудных женщин, которые не заботятся ни о своей чести, ни о честности своего имени или своих мужей, и ходят с блуждающими глазами и головой, ужасно вздернутой, как у льва (*la teste espoventablement levée comme un lyon!*), волосы у них выбиваются из-под крыльев, а воротники сюртуков и *кофт* смяты один о другой, и ходят они по-мужски и без стыда несут себя перед людьми. А если кто-нибудь заговорит с ними об этом, они оправдываются, ссылаясь на свое трудолюбие и смирение, говоря, что они такие старательные, трудолюбивые и смиренные, что не заботятся о себе. Но они лгут; они так заботятся о себе, что, будь они в почтенной компании, ни за что не пожелали бы, чтобы мужчины ждали их меньше, чем более мудрых дам из того же рода, что и они сами, и чтобы у них было меньше приветствий, поклонов, почтения и речей, чем у остальных, но, напротив, они желают большего. И они недостойны этого, ибо не знают, как сохранить свою собственную почетную славу, а также славу своих мужей и своего рода, который они позорят. Поэтому, прекрасная сестра, позаботься о том, чтобы твои волосы, платок, косынка, капюшон и все остальное твое одеяние было хорошо уложено и прилично, чтобы никто из тех, кто тебя видит, не смеялся и не издевался над тобой, но чтобы все остальные могли найти в тебе пример честного, простого и достойного поведения..... Когда вы идете в город или в церковь, идите в сопровождении почтенных женщин, соответствующих вашему сословию, и избегайте подозрительных компаний, никогда не позволяйте, чтобы в вашем присутствии видели какую-нибудь дурно известную женщину. И когда идешь, держи голову прямо, веки опусти и не трепещи, и смотри прямо перед собой примерно на четыре версты вперед, не оглядываясь ни на мужчин, ни на женщин справа или слева, не поднимая глаз, не перебегая с места на место и не останавливаясь, чтобы заговорить с кем-нибудь на дороге"[6].

Такова была модель поведения женщины в Средние века.

Перейдем от дамы к жене. Относительно отношения жены к мужу представления Менадье во многом совпадают с представлениями остальных представителей его эпохи. Их можно свести к покорности, послушанию и постоянному вниманию. Она должна быть красивой и в постели, и в гостях, даже в тех обстоятельствах, когда красота скрывает тяжесть на сердце. Здравый смысл бюргера не мешает ему сравнивать любовь жены к мужу с верностью домашних животных своим хозяевам: "Из домашних животных вы видите, как борзая, или мастиф, или маленькая собачка, будь то в дороге, или за столом, или в постели, всегда держится поблизости от того, у кого берет пищу, а со всеми остальными уходит и ведет себя пугливо и свирепо; И если собака находится вдали, она всегда сердцем и взором устремлена на своего хозяина; даже если хозяин бьет ее кнутом и бросает в нее камни, собака следует за ним, виляя хвостом и ложась перед своим хозяином, старается задобрить его, и через реки, через леса, через разбойников и через битвы следует за ним.... Поэтому по более веской и сильной причине женщины, которым Бог дал естественный смысл и которые разумны, должны иметь совершенную и торжественную любовь к своим мужьям; и поэтому я молю вас быть очень любящей и внимательной к своему мужу, который будет"[7] Терпение - неотъемлемое качество жены, и, как бы тяжело ни было ее испытание, она никогда не должна жаловаться. В "Ménagier" рассказываются три истории, иллюстрирующие, как жена должна терпеть, чтобы вернуть любовь неверного мужа. Одна из них - знаменитая сказка о Гризельде, а две другие взяты (по его словам) из его собственного опыта. В первой из них он рассказывает о жене известного *адвоката* в парижском *парламенте*, которая заботилась о воспитании и замужестве незаконнорожденной дочери своего мужа; "и он ни разу не упрекнул ее, не сказал ни одного злого или гадкого слова". Вторая - очаровательная история о том, как жена Джона Квентина отвоевала сердце своего мужа у бедной прядильщицы шерсти, к которой он переметнулся.[8] Все это свидетельствует о том, что сходство с маленькой собачкой у Менадье было выбрано с осторожностью, ведь от средневековой жены, как и от собаки, ожидалось, что она будет лизать руку, которая ее погладила. Тем не менее, будучи приверженцем всех обычных стандартов своей эпохи, здравый смысл Менадье, его способность воспринимать реалии жизни не позволяли ему заходить слишком далеко. Вспомним комментарий другого реалиста, Чосера, к сказке о терпеливой Гризельде.

Гризельда - это подвиг и умиротворение,
И все они похоронены в Итейле;
За что я плачу в открытой аудитории,
Ни один женатый человек не будет так вынослив в нападении.
Его умиротворение в надежде найти
Гризильды, ибо в этом случае он потерпит поражение!

О благородные уивы, полные высокого благоразумия,
В полдень смиритесь с тем, что вы наил,
Ни один клерк не имеет ни причины, ни усердия
Чтоб написать о вас камень из грязного мервея.
Как от Гризильдиса пациент и кинде,
Lest Chichivache [E] yow swelwe in hire entraille!...

[E] Чичеваче, тощая корова, питавшаяся терпеливыми женами, в то время как ее
приятель Бикорн толстел на смиренных мужьях (A.W. Pollard).

Его создание Жены Бани было еще более острым комментарием. Вот что говорит Менадье своей молодой жене по тому же поводу:

И я, который поместил [сказку о Гризельде] здесь только для того, чтобы научить тебя, поместил ее не для того, чтобы применить к тебе, ибо я этого недостойн, я не маркиз и не взял тебя в нищие, и я не настолько глуп, не настолько тщеславен и не настолько лишен здравого смысла, чтобы не знать, что не мне нападать на тебя и не мне подвергать тебя подобным нападкам. Боже, сохрани меня от того, чтобы испытывать вас под прикрытием ложного сходства..... И простите меня за то, что в этой истории говорится (на мой взгляд) о слишком большой жестокости, выходящей за рамки разумного. И знайте, что так никогда не было, но так гласит история, и я не могу ни исправить, ни изменить ее, ибо мудрейший, чем я, создал ее. И я желаю, чтобы, поскольку другие прочитали ее, вы тоже знали и могли говорить обо всем так же, как другие люди"[9].

Более того, несмотря на идеал покорности, который он ставит перед своей женой, у Ménagier есть несколько очаровательных слов о любви - со вздохом, возможно, по поводу своего преклонного, но не дряхлого возраста, и взглядом на того молодого мужа из будущего, который однажды насладится своей маленькой невестой.

Во имя Бога (говорит он) я верю, что, когда два хороших и благородных человека вступают в брак, все другие виды любви откладываются далеко, уничтожаются и забываются, кроме любви каждого к другому. И кажется, что когда они находятся в присутствии друг друга, они смотрят друг на друга больше, чем на других, прижимаются друг к другу и обнимаются, и не желают говорить или делать знаки, кроме как друг другу. А когда они разлучаются, то думают друг о друге и говорят в сердце своем: "Когда я увижу его, я поступлю с ним так-то и так-то, или скажу ему то-то и то-то, буду умолять его о том-то и о том-то". И все их особенное удовольствие, главное желание и совершенная радость - делать друг другу приятное и повиноваться, если они любят друг друга"[10].

Однако большая часть книги Менадье посвящена не теоретическим тонкостям подчинения жены, а ее удобствам. Его инструкции о том, как сделать мужа удобным, прямо-таки пышут жизнью; и в то же время в них есть что-то неописуемо домашнее и трогательное; они рассказывают о реальной жизни жены бургомистра больше, чем сотни историй о пациентке Гризельде или Жанне ла Квентин. Подумайте об этой картине (как типичен продукт мужского воображения!), изображающей крепкого добытчика, терзаемого в любую погоду и при любых неудобствах, благородно продолжающего зарабатывать себе на жизнь и укрепленного воспоминаниями о маленькой домашней жене, штопающей ему чулки дома у огня и готовой вечером осыпать утомленного героя своими ласками. Этот отрывок - прекрасный пример яркого и простого стиля Менадье, а также использования случаев из повседневной жизни для иллюстрации его тезисов, что является одной из главных прелестей книги.

Прекрасная сестра, если после меня у тебя будет другой муж, знай, что ты должна много думать о его утешении, ибо после того, как женщина потеряла первого мужа, ей обычно трудно найти другого, соответствующего ее состоянию, и она долго остается одинокой и удрученной [F] ; и тем более, если она потеряет второго. Поэтому бережно храните лицо своего мужа и, молю вас, держите его в чистом белье, ибо это ваше дело. А поскольку забота о внешних делах лежит на мужчинах, то и муж должен быть внимателен, и уходить, и приходить, и путешествовать туда и сюда, под дождем и ветром, снегом и градом, то промокший, то сухой, то вспотевший, то дрожащий, плохо накормленный, плохо накормленный, плохо согретый и плохо уложенный; И ничто ему не вредит, потому что его поддерживает

надежда на то, что жена позаботится о нем по возвращении, и на легкость, радости и удовольствия, которые она сделает с ним или заставит сделать в ее присутствии; чтобы с него сняли обувь перед хорошим огнем, чтобы ему вымыли ноги и надели свежие башмаки и чулки, чтобы его хорошо кормили и поили, чтобы за ним хорошо ухаживали, чтобы ему постелили белые простыни и ночные колпаки, чтобы его укрыли хорошими мехами, чтобы ему доставили другие радости и развлечения, тайны и любовь, о которых я молчу; а на следующий день - свежие рубашки и одежду. Конечно, прекрасная сестра, такая служба заставляет мужчину любить и желать вернуться в свой дом, видеть свою добрую жену и отдаляться от других женщин".

[F] Это кажется противоречащим опыту.

Поэтому я советую вам так радовать своего мужа при каждом его приходе и уходе и быть в этом настойчивой, а также быть с ним миролюбивой и помнить деревенскую пословицу, которая гласит, что есть три вещи, которые выгоняют доброго человека из дома: капающая крыша, дымящая труба и ругающаяся женщина^[11]. Поэтому, прекрасная сестра, я молю вас, чтобы вы сохранили любовь и хорошее расположение к своему мужу, будьте с ним нежны, приветливы и благовоспитанны. Поступайте с ним так, как, по словам простых добрых женщин нашей страны, поступают с их сыновьями, когда парни устремляют свою любовь в другое место и матери не могут их от этого отучить. Несомненно, что когда отцы и матери мертвы, а отчимы и мачехи ссорятся со своими пасынками, бранят их и отталкивают, не заботятся ни об их сне, ни о еде и питье, ни о рукавах и рубашках, ни о прочих нуждах и делах, те же дети находят в другом месте хороший дом и добрый совет у какой-нибудь другой женщины, которая принимает их и заботится о том, чтобы согреть их скудной кашей, дать им постель и содержать их в порядке, чинить их шорты, бриджи, рубашки и другую одежду, тогда эти дети прилепляются к ней и хотят быть с ней, и спать в тепле у ее груди, и совсем отдаляются от своих матерей и отцов, которые раньше не обращали на них внимания, а теперь хотят вернуть их и иметь их снова. Но этого может и не случиться, ведь этим детям дороже общество чужих людей, которые думают и заботятся о них, чем родных, которые о них не заботятся. Тогда родители сетуют и плачут, говоря, что эти же женщины околдовали их детей, что они околдованы и не могут уйти, но никогда не бывают спокойны, кроме как в обществе своих чаровниц. Но что бы ни говорили об этом, это не колдовство, а любовь, забота, близость, радости и удовольствия, которые эти женщины всячески оказывают парням, и, по моему разумению, нет другого приворота..... Поэтому, дорогая сестра, я молю тебя околдовать и еще раз околдовать своего мужа, остерегайся капающей крыши и дымящегося огня, не ругай его, но будь с ним ласкова, приветлива и миролюбива. Берегись, чтобы зимой у него был хороший огонь без дыма, и пусть он хорошо отдохнет и будет хорошо укрыт между твоими грудями, и таким образом околдуй его..... И таким образом ты будешь оберегать и охранять его от всех неудобств и давать ему все удобства, какие только сможешь, и служить ему и делать так, чтобы ему хорошо служили в твоём доме; И ты будешь присматриваться к нему в отношении внешних вещей, ибо, если он хороший человек, он будет заботиться и беспокоиться о них даже больше, чем ты хочешь, и, поступая так, как я сказал, ты заставишь его всегда скучать по тебе и иметь свое сердце с тобой и с твоей любящей службой, и он будет сторониться всех других домов, всех других женщин, всех других служб и домашних; все будет для него ничто, кроме тебя одной, если ты будешь думать о нем так, как сказано выше.... И так в пути мужа будут думать о своих женах, и никакая беда не будет им в тягость

из-за надежды и любви к своим женам, которых они будут жаждать видеть, подобно тому, как бедные отшельники, кающиеся и постящиеся монахи жаждут увидеть лицо Христа Иисуса; и мужья, служащие таким образом, никогда не захотят оставаться в другом месте или в другой компании, но будут воздерживаться, отстраняться и воздерживаться от этого; все остальное покажется им лишь каменным ложем по сравнению с их домом"[12].

Пожалуй, уже достаточно цитат, чтобы показать представление Менадье об идеальной жене; его представление об идеальной домохозяйке содержится в массе инструкций, которые представляют собой превосходное развлекательное чтение. Раздел, посвященный управлению слугами, настолько современен по тону, как в описании их поведения, так и в советах по обращению с ними, что часто приходится протирать глаза, чтобы убедиться, что читаешь действительно книгу, написанную более пяти веков назад старым парижским бюргерством. У менажера, очевидно, было довольно большое хозяйство, и, вероятно, он владел не только городским, но и загородным домом, поскольку он несколько раз говорит о надзоре за хозяйством, "когда вы находитесь в деревне". Для помощи жене в управлении этим большим штатом у него есть *метрдотель*, которого зовут мастер Джон-стюард (*le despensier*), и дуэнья, наполовину экономка, наполовину сопровождающая, для своей молодой хозяйки, которую зовут дама Агнес *ла бегин* [G], а также судебный пристав или бригадир для присмотра за фермой. Депутат делит своих слуг и рабочих на три класса: во-первых, нанимаемых на день или на сезон для выполнения особой работы, например, носильщиков и разносчиков, жнецов, веялок, поваров и пр; во-вторых, сдельная работа, например портные, меховщики, пекари и сапожники, которых средневековые зажиточные семьи нанимали для изготовления необходимых вещей из сырья, купленного на ярмарках или в городских магазинах; и в-третьих, обычная домашняя прислуга, которая нанималась на год и жила в доме своего хозяина; "и из всех этих людей, - говорит он, - нет ни одного, кто не искал бы с радостью работы и хозяина".

[G] Бегины были своего рода религиозным орденом, или, правильнее сказать, сестринством мирян, стоящим на полпути между мирской и монашеской жизнью, и в некотором роде аналогом францисканских терциариев, или Третьего ордена.

Он приводит забавный рассказ, явно основанный на горьком опыте, о коварстве наемных рабочих. Он говорит, что они обычно ленивы, грубы, быстро "отвечают", высокомерны (кроме дня зарплаты) и готовы наброситься с оскорблениями, если недовольны оплатой. Он предупреждает свою жену, чтобы она просила мастера Джона всегда брать мирных людей и заранее договариваться с ними о том, за какую плату они будут выполнять работу.

Ибо знайте, что чаще всего они не хотят торговаться, а хотят приступить к работе без всякой сделки и мягко говорят: "Милорд, это пустяки, в этом нет нужды, вы хорошо заплатите мне, и я буду довольствоваться тем, что вы сочтете нужным". А если мастер Джон возьмет их таким образом, то по окончании работы они скажут: "Господин, нужно было сделать больше, чем я думал, нужно было сделать то-то и то-то, и вот это и это", и не возьмут того, что им дано, и разразятся криком и гневными словами... и разнесут о вас дурную молву, что хуже всего"[13].

Из различных постановлений, устанавливающих заработную плату, начиная со времен Черной смерти и далее, мы знаем, что в конце XIV века во Франции, как и в Англии, остро стояли проблемы с трудовыми ресурсами; и совет менажера бросает интересный взгляд на ситуацию.

Однако именно в его наблюдениях за наймом и управлением служанками мудрость змеи проявляется наиболее ярко. Между прочим, он рассказывает о том, как нанимали слуг в Париже XIV века, и это показывает, что ЗАГС и характер - отнюдь не современные явления. В это время в Париже существовали *рекомандантессы* - женщины, занимающие то, что мы должны называть ЗАГСами, - и ордонанс 1351 года (устанавливающий заработную плату после Черной смерти) позволяет им брать 1s. 6 д. за место горничной и 2 д. за сиделку. Заработная плата служанки в это время составляла 30 с. в год и ее обувь. Таким образом, менажер дает жене советы по деликатному вопросу собеседования и найма горничных и прислуги:

Знай, дорогая сестра, чтобы они лучше слушались тебя и больше боялись тебя разгневаться, я предоставляю тебе право выбирать их у бегини дамы Агнес или у любой другой твоей женщины, которую ты пожелаешь, принимать их к нам на службу, нанимать по своему желанию, платить и держать их на службе, как тебе будет угодно, и увольнять их, когда ты захочешь. Только не стоит говорить об этом со мной наедине и поступать по моему совету, потому что ты еще слишком молод и можешь быть обманут своими людьми. И знай, что из тех горничных, что остались без места, многие предлагают себя, и хлопчут, и настоятельно ищут господ и господж; И не берите ни одной из них, пока не узнаете, где было их последнее место, и не пошлете кого-нибудь из своих людей узнать их характер, а именно: много ли они болтали или пили, как долго они были в этом месте, какую работу привыкли делать и могут делать, есть ли у них дома или друзья в городе, из какого рода людей и какой части страны они происходят, как долго они там были и почему ушли; и по их работе в прошлом вы узнаете, какую надежду или ожидание вы можете иметь от их работы в будущем. И знайте, что часто таких женщин из отдаленных уголков страны винят за какую-то провинность в их собственной части мира, и именно это приводит их на службу на расстоянии.....

И если вы узнаете из сообщения ее хозяина и хозяйки, соседей и других людей, что девушка - это то, что вам нужно, узнайте у нее и попросите мастера Джона записать в его учетной книге день, когда вы ее нанимаете, ее имя, имя ее отца, матери и всех ее родственников, место, где они живут, место ее рождения и ее рекомендации. Ибо слуги будут больше бояться провиниться, если будут знать, что вы все это записываете и что если они уйдут от вас без разрешения или совершат какой-нибудь проступок, то вы напишете и пожалуетесь на них правосудию их страны или их друзьям. Не забывайте также изречение философа Бертрана Старого, который говорит, что если вы нанимаете служанку или человека высокого и гордого, то знайте, что, уезжая, она будет вас обманывать, если сможет; а если, напротив, она будет льстива и полна соблазнов, не верьте ей, ибо она в сговоре с кем-то другим, чтобы обмануть вас; но если она краснеет и молчит и стыдится, когда вы ее поправляете, любите ее как свою дочь[14].

Не менее практичны и наставления менажера о том, как ухаживать за слугами, когда они уже наняты. Необходимо поддерживать хороший порядок, предотвращать ссоры и сквернословие[15], следить за нравственностью. Каждый должен иметь свою работу и выполнять ее быстро. Если вы приказываете им сделать что-то сейчас, а эти ваши слуги отвечают: "Времени много, это будет сделано" или "Это будет сделано завтра", то держите это как забытое, все нужно начинать сначала, это ничтожно. И еще, когда вы даете общее поручение каждому, каждый будет ждать, что сделает другой, и это одно и то же". За работой слуг должны следить не только хозяйка и дама Агнес, "которая находится с тобой, - говорит

своей жене менажер, - чтобы учить тебя мудрому и разумному поведению, служить и наставлять тебя, и которой я, в частности, поручаю это дело", но и она сама должна проявлять заботу и благосклонность, заботясь об их здоровье и счастье. В положенный час она должна заставить их сесть за сытную трапезу из одного вида мяса, избегая обильных яств, и одного вида напитка, который должен быть сытным, но не опьяняющим - "кубок, который веселит, но не опьяняет"; вероятно, в данном случае речь идет о легком ээле, который был привычным напитком в Средние века. Она должна посоветовать им есть и пить досыта, но

как только они начнут рассказывать истории, спорить или опираться на локти, прикажите бегине заставить их подняться и унести стол, ибо у простого народа есть поговорка: "Когда варлет держится за столом, а лошадь пасется в канаве, пора их уводить, ибо они уже наелись".

Вечером, после дневной работы, их ждет еще одна сытная трапеза, а зимой они могут погреться у огня и отдохнуть. Затем она должна запереть дом и уложить всех спать.

И прежде всего пусть у каждого возле его кровати будет подсвечник, в который он поставит свою свечу, и пусть их мудро научат гасить ее ртом или рукой, прежде чем ложиться в постель, и ни в коем случае не рубашкой. И еще пусть их наставляют и учат всех и каждого, что на следующий день они должны начать все сначала, что утром они должны встать и приняться каждый за свою работу".

Далее менадье советует своей жене, что горничные пятнадцати-двадцати лет - глупые девушки, не знающие мира, и что она всегда должна заставлять их спать рядом с собой в прихожей или в комнате без окна или с низким окном, выходящим на улицу, и заставлять их вставать и ложиться спать в то же время, что и она сама. "И вы сами, - добавляет он, - которая, если Богу будет угодно, поумнеет к этому времени, должны держать их рядом с собой". Более того, если кто-то из ее слуг заболевает, "ты сама, отбросив все другие заботы, с большой любовью и милосердием ухаживай за ним или за ней, навещай его и усердно изучай, как его вылечить"[16].

Но, пожалуй, именно в роли миссис Битон Менадье наиболее забавен. Его бесконечные знания в области домашнего хозяйства проявляются в случайных рецептах, которые он дает, когда описывает меры, которые жена должна принять для удобства своего господина, и работу слуг. Здесь есть подробные инструкции, касающиеся дорогой средневековой одежды, которую носили из года в год в течение всей жизни и которая часто передавалась по завещанию владельца, инструкции по чистке платьев и мехов и по сохранению их от моли, а также инструкции по удалению пятен и жирных пятен. Менадье приводит семь рецептов по удалению жирных пятен, но довольно скептически относится к одному или двум из них, которые он, очевидно, скопировал из книги, не испробовав их на себе. "Чтобы избавиться от пятен на платье из шелка, атласа, камлета, дамасской ткани или другого материала, - говорится в одном из них, - окуните и промойте пятно в верджусе, и пятно исчезнет; даже если платье потускнеет, оно снова приобретет свой цвет. *В это я не верю*". Главное впечатление, однако, состоит в том, что средневековая домохозяйка вела постоянную войну с блохами. Одно из непогрешимых правил "Менадье" для того, чтобы муж был счастлив дома, - зимой разводить хороший огонь, а летом держать его постель свободной от блох. Он дает шесть рецептов, как избавиться от этой мелкой живности, которая, должно быть, была очень частым испытанием для наших предков:

Летом следи за тем, чтобы не было блох ни в твоей комнате, ни в твоей постели, что ты можешь сделать шестью способами, как я слышал. Ибо я слышал от нескольких человек, что если в комнате разбросать листья ольхи, то блохи будут попадаться в них. Кроме того, я слышал, что если на ночь намазать один или два траншеи хлеба птичьей известью или скипидаром и разложить их по комнате, поставив посреди каждой траншеи зажженную свечу, то они придут и прилипнут к ней. Другой способ, который я нашел и который верен: возьмите грубую ткань и расстелите ее по комнате и над кроватью, и все блохи, которые могут запрыгнуть на нее, будут пойманы, так что вы сможете унести их вместе с тканью, куда захотите. Пункт: овечьи шкуры. Я видел, как одеяла кладут на солому и на кровать, и когда черные блохи запрыгивали на них, то их быстрее находили и убивали на белых. Но лучше всего защищаться от тех, которые находятся в покрывалах, мехах и материалах платьев, которыми человек покрыт. Ибо знайте, что я испытал это, и когда покрывала, меха или платья, в которых есть блохи, сложены и плотно закрыты, в сундуке, крепко связанном ремнями, или в мешке, хорошо завязанном и спрессованном, или иным образом сжаты так, что упомянутые блохи лишены света и воздуха и находятся в заточении, то они сразу же погибают и умирают"[17].

Аналогичную войну приходилось вести и с мухами и комарами, которые делали лето несчастным. "Я иногда, - рассказывает Менадье, - видел в нескольких покоях, что, когда в них ложились спать, они были полны комаров, которые при дыхании садились на лица спящих и жалили их так, что те были вынуждены вставать и разжигать костер из сена, чтобы выкурить их". Против таких вредителей у него также есть шесть безошибочных рецептов: москитная сетка над кроватью; веточки папоротника, на которые садятся мухи; миска, наполненная смесью молока и заячьей желчи или соком сырого лука, которая убьет их; бутылка с тряпкой, смоченной в меде, или веревка, смоченная в меде, чтобы повесить; мухобойки, чтобы прогнать их; и закрытие окон промасленной тканью или пергаментом[18].

Раздел о кулинарии, содержащий предписания Менеджера по "кормлению скотины", является самым длинным в книге и дает чрезвычайно интересную картину домашнего хозяйства наших предков.[19] Менеджер, должно быть, был братом франклина Чосера, "Epicurus owene sone":

Он был домосед, и это приветствие:
Seint Julian he was in his contree;
His breed, his ale, was alwey after oon;
A bettre envyned man was nowher noon.
Withoute bake mete was never his hous,
Рыбы и мяса, и так обильно.
В его доме было много рыбы и мяса.
О всех делах, что люди могут рассказать.
После того, как прошло несколько сезонов года,
И так забил он метелку и сухарь.
Много жирных кусков было у него в муве.
И много брема, и много луча в ступе.
Кто был его поваром, но если его соус был
Роунаунт and sharpe and redy al his geere.
Стол его дремлет в его аллее
Стоял, накрытый красным, весь долгий день.

В этой, как и во всех других средневековых кулинарных книгах, современного читателя поражает длительность и проработанность огромных пиров с их многочисленными блюдами и кушаньями, а также богатство яств, приправленных специями. Здесь есть черные пудинги и колбасы, оленина и говядина, угорь и сельдь, пресноводная рыба, круглая морская рыба и плоская морская рыба, обычные похлебки без специй, похлебки со специями, мясные похлебки и похлебки без мяса, жаркое, выпечка и антреме, разнообразные соусы, вареные и невареные, похлебки и "отвары" для инвалидов. Некоторые из них звучат очень аппетитно, другие были бы губительны для нашего сегодняшнего дегенеративного пищеварения. Очень любили острые соусы из уксуса, сока и вина, а гвоздика, корица, галгаль, перец и имбирь неожиданно появлялись в мясных блюдах. Миндаль был излюбленным ингредиентом всевозможных блюд, как и сейчас в Китае и других частях Востока, и его вполне можно было бы использовать более щедро, чем в современной европейской кулинарии. Верный своей расе, Менадье включает рецепты приготовления лягушек и улиток.[20] Современному повару некоторые его указания могут показаться несколько расплывчатыми, например, когда он велит повару варить что-то столько времени, сколько требуется для произнесения заклятия или *мизерере*; однако для кухонь без часов в благочестивую эпоху какое еще более четкое указание мог дать человек? И, в конце концов, это не хуже, чем "готовить в горячей духовке", которая все еще находит место во многих современных кулинарных книгах, которые должны знать лучше. Другие инструкции достаточно подробны. В одном ценном отрывке он приводит список всех мясных рынков Парижа с указанием количества мясников на каждом из них и количества овец, быков, свиней и телят, продаваемых там каждую неделю, добавляя также для интереса количество мяса и птицы, еженедельно потребляемых в семьях короля, королевы и королевских детей, герцогов Орлеанского, Беррийского, Бургундского и Бурбонского. В других местах он также рассказывает о других рынках - Пьер-о-Лэ, или молочном рынке; площади де Грев, где продают уголь и дрова; и Порт-де-Пари, который является не только мясным рынком, но и лучшим местом для покупки рыбы, соли, зеленых трав и веток для украшения ваших комнат.

Для дальнейших указаний своей жены менажер составляет подробный план приготовления блюд для нескольких больших праздников, а именно: обеда, который аббат Лагни давал епископу Парижскому и членам Совета короля; праздника, состоящего из обеда и ужина, который некий мастер Элиас (очевидно, серьезный и благоговейный *мэтр отеля*, как и сам мэтр Джон ле Деспенсье) устроил свадьбу Жана дю Шесне во вторник в мае, а также приготовления к другой свадьбе, "*les porces Hautecourt*", в сентябре, по поводу которой Менадье замечает, что "поскольку они были вдовец и вдова, их венчали очень рано, в черных одеждах, а затем надели другие"; Он очень хотел, чтобы его вдова поступила правильно на этой своей второй свадьбе. Особенно подробным и ценным является описание свадебного пира, устроенного мастером Элиасом.[21] Аккуратный менажер, возможно, предвидя большое развлечение, которое он должен устроить для парижских бюргерш и джентльменов, возможно, из-за своего восхитительного интереса ко всем деталям материальной жизни, подробно изложил не только меню обеда и ужина, но и длинный отчет о необходимых ингредиентах, их количестве и ценах, читатель может воочию увидеть, как *метрдотель* и повара ходят от лавки к лавке, посещают мясника и пекаря, забойщика, соусника, винодела, вафельщика, который продавал вафли и пирожные, дорогие средневековым дамам, и приправу, чья лавка была наполнена ароматами Востока.

Менажер перечислил также всех эсквайров, варлетов и официантов, которые понадобятся для обслуживания такого пира. Здесь был и мастер-повар, крепко сбитый и ходивший "высоко и располагаяще", как танцевала королева Елизавета, с мозгами, набитыми восхитительными рецептами, с восхитительной легкостью державший в руках выпечку, с глазом и носом, умевшим сказать, когда каплун был сделан на славу, гарантированно, без соперников

чтобы приготовить чикен с косточками,
И пудр-маршант, и тарт, и галингале...
Он петушился и сидел, варил и жарил,
Готовил куличи и пек пироги...
Для бланманже, что делал он с лучшим.

Он привел с собой своих варлетов, а в Париже взял два франка за наем "и perquisites" (беременное дополнение). Кроме того, были еще швейцары, "крепкие и сильные", чтобы держать двери, и клерк, чтобы вести счет; хлебoreзки и водоносы, два оруженосца, чтобы служить у комода на кухне, где раздавали тарелки и блюда, еще двое у комода в зале, чтобы раздавать ложки и кубки и наливать вино гостям, и еще двое в кладовой, чтобы раздавать вино, которое их варлеты постоянно черпали для них. Два метрдотеля расставляли серебряные солонки для высокого стола, четыре больших позолоченных кубка, четыре дюжины ханатов, четыре дюжины серебряных ложек, фужеры, кружки для милостыни и блюда со сладостями, а также рассаживали гостей по местам; старший официант и два слуги для каждого стола, цветочница, чтобы плести цветы для гостей, женщины, чтобы следить за бельем и застилать брачное ложе[22], и прачка. Полы были усыпаны фиалками и зелеными травами, комнаты украшены майскими ветвями (все куплено на рынке ранним утром), и был хороший запас факелов и свечей, маленьких свечей, чтобы стоять на столах для ужина, и больших факелов, чтобы установить их в бра на стенах или чтобы их несли в процессии гости, поскольку ужин заканчивался "танцами, пением, вином и пряностями и зажженными факелами". По этому случаю менестрелям было выдано восемь франков сверх ложек и других подарков, сделанных им во время трапезы, а также акробаты и мимы, чтобы развлечь гостей. Если им приходилось готовить большой пир, то мастер Джон и его маленькая хозяйка не могли после этого ошибиться или не угодить гениальному эпикурейцу, который их накрывал. Многие рецепты Менадье скопировал из других кулинарных книг, но подробности этого развлечения он, должно быть, почерпнул у самого мастера Элиаса, и можно видеть, как их седые головы виляют от удовольствия, пока один говорит, а другой пишет.

Кулинарная книга заканчивается разделом, содержащим рецепты приготовления того, что Менадье называет "мелочами, которые не являются предметами первой необходимости". Здесь представлены различные виды варенья, в основном на меду; в Средние века, очевидно, часто готовили таким образом овощи, поскольку Менадье говорит о варенье из репы, моркови и тыквы. Есть восхитительный сироп из смешанных специй (по крайней мере, вкус веры должен быть уверен, что он был вкусным) и порошок из имбиря, корицы, гвоздики, кардамона и сахара, который нужно просеивать над едой, как сегодня просеивают сахар; есть рецепт гиппокраса, "гауфре" или вафель, а также засахаренных апельсинов. Есть и различные мудрые советы, касающиеся сезонов для определенных продуктов и лучших способов их приготовления и подачи. Наиболее забавными из всего этого является ряд рецептов не кулинарного характера - например, по изготовлению клея и маркировочных чернил, по воспитанию маленьких птиц в вольерах и клетках, по подготовке песка для часовых часов, по изготовлению розовой воды, по сушке роз для укладки среди платьев (как мы сегодня укладываем лаванду), по лечению зубной боли и по лечению укуса бешеной

собаки. Последнее - это амулет того же типа, что и амулеты для лошадей от Ménagier: "Возьмите корочку хлеба и напишите следующее: *Bestera bestie nay brigonay dictera sagragan es domina siat siat siat siat*". Однако давайте вспомним, что нация, которая его произвела, четыре века спустя произвела Пастера.

V. ЖЕНА МЕНЕСТРЕЛЯ УСТРАИВАЕТ ВЕЧЕРИНКУ В САДУ.

Об этой увлекательной книге уже достаточно сказано, чтобы показать, как ярко она представляет нам не только самого Менадье, но и его молодую жену спустя столько лет. Утром она встает, гораздо раньше, чем в наши дни встают дамы, хотя и не так рано, как монахини, которые должны совершать утреню, поскольку, как говорит ей муж, замужним женщинам не подобает покидать постель. Затем она моется, гораздо реже, чем дамы в наши дни, только руки и лицо, произносит молитвы, одевается очень опрятно, ибо знает, чей глаз на нее обращен, и идет с дамой Агнес бегин на мессу, опустив глаза в землю и сложив руки на своей расписной грунтовке. После мессы и, возможно, исповеди она снова возвращается, чтобы проверить, все ли слуги сделали, подмели и вытерли пыль в зале и комнатах, взбили подушки и покрывала на формах и привели все в порядок, а после беседует с мастером Джоном, управляющим, и заказывает обед и ужин. Затем она посылает даму Агнес присмотреть за домашними собаками и птицами, "потому что они не умеют говорить, и поэтому вы должны говорить и думать за них, если они у вас есть". Затем, если она находится в своем загородном доме, она должна позаботиться о сельскохозяйственных животных, а дама Агнес должна руководить теми, кто за ними ухаживает: пастухом Робинотом, пастухом Жоссоном, пастухом Арнулем, дояркой Джеханнетон и женой фермера Юдлин, которая присматривает за птичьим двором. Если она находится в своем городском доме, то вместе со

своими служанками достает из больших сундуков платья и меха и раскладывает их на солнце в саду или во дворе, чтобы проветрить, бьет по ним маленькими палочками, трясет на ветру, выводит пятна и пятнышки тем или иным испытанным рецептом хозяина, набрасывается рысьими глазами на моль или юркую блоху.

VI. ЖЕНА ХОЗЯЙКИ ГОТОВИТ УЖИН С ПОМОЩЬЮ ЕГО КНИГИ.

После этого наступает ужин, главная трапеза дня, которую наши предки ели около 10 часов утра. То, что жена менажера подает своему господину, зависит от времени года и от того, мясной это день или постный; но мы знаем, что у нее нет недостатка в меню, из которого она может выбирать. После ужина она следит за тем, чтобы слуги ужинали, а затем занятая домохозяйка может стать леди досуга и развлечь себя. Если она находится в деревне, то может отправиться на охоту с веселой компанией соседей; если в городе, то зимним днем она может резвиться и играть с другими замужними дамами ее нежного возраста, обмениваться загадками или рассказывать истории у камина. Но больше всего она любит бродить по своему саду, плести гирлянды из цветов, фиалок, гиллянд, роз, тимьяна или розмарина, собирать фрукты по сезону (она любит малину и вишню) и передавать садовникам веселые советы по посадке тыкв ("в апреле полить их и пересадить"), которым садовники уделяют столько внимания, сколько всегда уделяли, уделяют и будут уделять, без конца, желаниям своих работодателей. Когда это надоедает, занятая дама собирает даму Агнес и ее служанок, и они сидят под резными балками зала, штопая дублет своего хозяина, вышивая облачение для священника в его семейной канцелярии или гобелен для спальни. А может, они просто прядут (ведь, по словам Банной жены, Бог дал женщинам три таланта -

обманывать, плакать и прясть!); и все это время она завораживает их сказкой о Гризельде, ее голос то повышается, то понижается под ровный гул колес.

Наконец наступает вечер, и возвращаются господин и госпожа. Какой суматохой и хлопотами обернулось это возвращение, мы хорошо знаем, поскольку знаем, чего он ожидал. Бегали и приносили тазы с теплой водой, чтобы вымыть ему ноги, и удобные туфли, чтобы облегчить его; внимали его словам и восхищались его трудами. Потом ужин с многочисленными гостями или они сами в одиночестве под лучами западного солнца, пока он чмокает губами знатока над жареным журавлём и холостяком, а она поглащает сладкие вафли. Затем наступает час сумерек, когда она рассказывает ему, как провела день, и спрашивает, что ей делать с глупой молоденькой горничной, которую она застала за разговором с портнихой через низкое окно, выходящее на дорогу. В ее взгляде, обращенном к нему, есть теплая привязанность, ее круглое маленькое личико, сморщенное от беспокойства за горничную, расплывается в улыбке, когда он хвалит ее; и во взгляде старика, обращенном к ней, тоже есть теплая привязанность и гордость. Наступает ночь, и они вместе обходят дом, запирают все двери и убеждаются, что слуги в безопасности, ибо наши предки были более бережливы к свечам, чем мы. И вот они уже в постели.

Мы можем оставить эту пару. Жена менажера, очевидно, прожила насыщенную жизнь.

Погода может дать передышку мужьям, но мужские дела никогда не заканчиваются.

В ней не было места для безделья тех милых дам с длинными пальцами, которых Лангланд увещевал шить для бедных. Кроме того, как бы ни были преувеличены сегодня некоторые представления мужа о покорности жены, книга оставляет сильное впечатление здравого смысла и уважения, а также любви к ней. Менажер не хочет, чтобы его жена стояла на пьедестале, как дама трубадура, и не лизала ему ботинки, как Гризельда; ему нужна помощница, ибо, как сказал Чосер, "если бы эта женщина была хороша собой, а ее советы - добрыми и выгодными, наш Господь Бог из веков никогда бы не прогневался на нее, не назвал бы ее "помощью" человека, а скорее путаницей человека."^[23] Экклезиархические иереи часто прибегали к характерному средневековому аргументу, что если бы Бог предназначил женщину для главенствующего положения, то взял бы ее с головы Адама, а не с его стороны; но Менадье согласился бы с более логичным Петром Ломбардом, который заметил, что она была взята не с головы Адама, потому что не предназначалась быть его правителем, и не с его ног, потому что не предназначалась быть его рабом, а с его стороны, именно потому, что предназначалась быть его спутницей. Нечто в этом духе прослеживается и в отношении Менеджера к своей маленькой жене, и именно это делает его книгу такой очаровательной и ставит ее на голову и плечи выше большинства других средневековых книг о поведении женщин. Но, прежде всего, ее социальная и историческая ценность заключается в том, что она дает нам, в неискаженных временем тонах, полный портрет средневековой домохозяйки, которая занимает свое место (и немалое) в истории, но о которой историки почти всегда молчали.

ГЛАВА VI

Томас Бетсон

КУПЕЦ ИЗ ШТАПЕЛЯ В ПЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Некоторые люди происходят из благородного рода, другие прославляют клинок убийцы:

Кто-то превозносит науку или искусство, а мне по душе почтенная торговля!

--ДЖЕЙМС ЭЛРОЙ ФЛЕКЕР

Золотое путешествие в Самарканд

Посетитель Палаты лордов, с почтением взирающий на это августейшее собрание, не может не поразиться крепкому и неказистому предмету, стоящему перед тронем, - неказистому предмету, на котором во время полной сессии парламента восседает лорд-канцлер Англии. Этот предмет - шерстяной мешок, и он так же полон чистой истории, как и сама должность лорда-канцлера. Ведь он напоминает поколению хлопкопрядильщиков и железообработчиков, что величие Англии было создано не на хлипких изделиях, которые привозят к ней для производства с Дальнего Востока и Запада мира, не на суровом металле, добываемом из ее недр, а на шерсти, которую поколение за поколением растили на спинах ее черномордых овец. Сначала в виде сырья, за которым охотно обращались все суконщики Европы, затем в виде производства, которое велось в ее собственных городах и деревнях и отправлялось далеко-далеко на кораблях, шерсть была основой величия Англии вплоть до эпохи промышленной революции, когда ее место заняли хлопок и железо. Поэтому, если вы посмотрите на старые фотографии Палаты лордов в эпоху правления Генриха VIII или Елизаветы, вы увидите шерстяной мешок перед тронем^[1], как и сегодня, когда вы посетите Палату. Лорд-канцлер Англии восседает на мешке с шерстью, потому что именно благодаря мешку с шерстью эта прекрасная страна достигла процветания.

Самым примечательным сословием торговцев в Англии в Средние века были купцы из Штапеля, которые торговали шерстью. Торговля шерстью долгое время была самым крупным и прибыльным видом торговли в стране, и в ней были особенно заинтересованы короли Англии, поскольку их таможенные доходы в значительной степени формировались за счет шерсти и шерстяных палов; кроме того, когда они хотели занять деньги в ожидании доходов, они обращались именно к торговцам шерстью, поскольку те были самыми богатыми торговцами в стране. По этим и другим причинам правительство приняло обычай устанавливать штапельные города, которые выступали в качестве центров распределения, через которые вынуждена была проходить экспортная торговля. Местонахождение штапеля

время от времени менялось: то он находился в Брюгге, то в Антверпене, то в Англии, но обычно он располагался в Кале, где впервые был установлен в 1363 году, а окончательно утвердился в 1423 году. Через Штапель должна была проходить вся шерсть и шерстяные палки, шкуры, кожа и олово, и организация системы была завершена, когда в 1354 году под управлением мэра были окончательно объединены купцы-шерстяники, в руках которых находилась основная часть торговли Штапеля. Эта система была удобна как для короны, так и для купцов. Корона могла сосредоточить своих таможенников в одном месте и легче собирать таможенные пошлины, тем более что постепенно был разработан метод, по которому таможенные пошлины и субсидии на шерсть выплачивались королевским чиновникам Братством Стэпла, которые затем взимали их с отдельных членов. Купцы, с другой стороны, выигрывали от концентрации торговли: они могли путешествовать группами и организовывать конвои для защиты шерстяных флотов от пиратов, кишавших в узких морях между Англией и Францией; как члены могущественной корпорации они могли обеспечить себе привилегии и защиту во Фландрии. Кроме того, покупатели шерсти также получали выгоду от этого соглашения, которое делало возможным тщательный контроль со стороны короны и Компании штапеля за качеством шерсти, предлагаемой на продажу, и ряд правил против мошенничества. Следует помнить, что в дни, когда торговля нуждалась в защите, которую правительство еще не могло ей предоставить, не было ничего непопулярного в идее предоставления монополии на торговлю штапелем членам одной компании. Торговля в компаниях естественна для англичан", - писал Бэкон; и на протяжении четырех веков именно великие торговые компании питали английскую торговлю и сделали эту страну лидером мировой торговли.

Торговля шерстью процветала в Англии до конца Средневековья, но в XV веке степлеры начали ощущать конкуренцию со стороны другой компании - знаменитых купцов-авантюристов, которые, воспользовавшись ростом суконного производства в стране в предыдущем столетии, начали активно заниматься экспортом сукна. Это не устраивало степлеров, которые хотели сохранить старую систему, по которой они вывозили английскую шерсть на континент, где в Ипре и Генте, Брюгге и Мехлине и других знаменитых суконных городах Нидерландов из нее ткали тонкое сукно. Это суконное производство обеспечило Нидерландам своего рода промышленное превосходство в Европе на протяжении всего Средневековья, и оно полностью зависело от хороших поставок английской шерсти, поскольку следующая по качеству шерсть в Европе - испанская - была неудовлетворительной, если не смешивалась с шерстью английского происхождения. Отсюда тесная политическая связь между Англией и Фландрией: одной нужен был покупатель, другой - необходимое сырье; ведь, как сказал один поэт XV века,

Лиловый свет из Фландрии - это
Но основной продукт для других лондов, ивисов,
И все, что растет во Флондресе, - седина и седло,
Не может в месяц набрать метелок и метелок.
Что есть Флондрес, будь то Флеммингис леффе или лоте.
Но лилейный мадер и флеммингский плащ?
По драпировке нашей волчьей в замен
Lyvene here comons, this is here governaunce;
Почему они не могут лежать спокойно,
Thus moste hem sterve, or wyth us most have peasse"[2].

В те дни пальто на спине англичанина, конечно, шилось из английской шерсти, но производилось оно во Фландрии, и штабисты не видели причин, почему оно должно быть

иным. Что касается фламандцев, то политические союзы, которые постоянно возникали между двумя странами по коммерческим причинам, породили среди них пословицу, что они покупают у англичан лисьи шкуры за грош, а хвост продают им обратно за гелдер;^[3] но они покупали именно овечью шкуру, и им не суждено было покупать ее вечно. Великие суконные города Нидерландов были окончательно разорены ростом английской суконной мануфактуры, поглощавшей английскую шерсть. Однако, несмотря на растущее процветание этой торговли, которая к началу XVI века вытеснила шерсть в качестве основной английской экспортной торговли, компания купцов штапеля оставалась великой и знаменитой на протяжении всего XV века.

Многие богатые и уважаемые степлеры, которые в те времена вершили судьбы английских городов, были мэрами Лондона и провинциальных портов, подрядчиками и ростовщиками безнадёжного короля, были настолько богаты и могущественны, что стали угрозой конституции, почти, как говорили, четвертым сословием королевства, с которым Его Величество был вынужден договариваться о субсидиях помимо парламента. Множество завещаний сшивателей хранятся в реестрах по всей Англии и свидетельствуют об их процветании и общественном духе. Много великолепных латуней хранят память о них в приходских церквях Котсуолдса и других районов Англии, где выращивают шерсть. В Чиппинг-Кэмпдене покоится Уильям Гревел с женой, "в прошлом гражданин Лондона и один из самых известных торговцев шерстью во всей Англии", умерший в 1401 году; его красивый дом до сих пор стоит на деревенской улице. В Нортличе лежит Джон Форти, который перестроил неф перед смертью в 1458 году; на его медной статуе изображен он, стоящий одной ногой на овце, а другой - на мешке с шерстью; рядом стоят медные статуи Томаса Форти, "шерстяника", и еще одного неизвестного купца с мешком шерсти. В Линвуде, в Чиренчестере, в Чиппинг-Нортоне, в Лехладе и в Олл-Холлоуз, Баркинг, вы можете увидеть других представителей этого великого братства.^[4] Сейчас они покоятся в мире, но при жизни они были самыми проницательными торговцами своего времени. Из шерсти, - восклицает поэт Гауэр,

О Лейна, дама благородная
Tu est des marchantz la duesse,
Pour toy servir tout sont enclin...

"О шерсть, благородная дама, ты богиня купцов, служить тебе все готовы; удачей и богатством своим ты одних возносишь высоко, а других доводишь до краха. Скрепка, где ты обитаешь, никогда не бывает свободна от обмана и хитрости, которыми человек ранит свою совесть. О шерсть, христиане не меньше, чем язычники и сарацины, стремятся обладать тобой и исповедовать тебя. О шерсть, мы не должны молчать о делах твоих в чужих землях, ибо купцы всех стран, в мирное время и во время войны, приходят искать тебя по великой любви своей, ибо у кого бы ни были враги, ты никогда не остаешься без добрых друзей, отдавших себя на выгодное служение тебе. Тебя лелеют по всему миру, и земля, где ты родился, может совершить великие дела благодаря тебе. Тебя возят по всему свету по суше и по морю, но ты достаешься самым богатым людям; в Англии ты родился, но говорят, что ты плохо управляешься, потому что Трик, у которого много денег, стал регентом твоего посоха; по своей воле он увозит его в чужие края, где приобретает себе выгоду во вред нам. О прекрасная, о белая, о восхитительная, любовь к тебе жалит и сковывает, так что сердца тех, кто торгует тобой, не могут вырваться. Поэтому они придумывают много хитростей и много планов, как заполучить тебя, а затем пускают тебя по морю, царицу и владычицу своего флота, и, чтобы ты вызывала зависть и вожделение, подбивают их торговаться за тебя"^[5].

Повседневную жизнь торговца шерстью несложно восстановить, отчасти потому, что Золотое руно оставило так много следов в нашей национальной жизни, отчасти потому, что свод законов полон предписаний, касающихся торговли шерстью, но главным образом потому, что до нас дошло множество частных писем от людей, занимавшихся перевозкой шерсти из Англии в Кале. Из всех разновидностей сырья, из которого приходится составлять историю простых людей в Средние века, их письма, пожалуй, самые увлекательные, потому что в них люди живут и объясняют себя во всей своей индивидуальности. В XV веке большинство мужчин и женщин из высшего и среднего классов умели читать и писать, хотя их орфография порой поражала воображение, а церковь Святого Олава под их мучительным гусиным пером превращалась в "Sent Tolowys scryssche", а пунктуацию приходилось искать почти полностью. Но что толку? Смысл их достаточно ясен. Удача сохранила в различных английских архивах несколько великолепных коллекций семейных писем, написанных в пятнадцатом веке. Самые лучшие из них - знаменитые "Письма Пастонов", написанные семьей норфолкских джентльменов и адресованные им, и содержащие множество сведений о высокой политике и повседневной жизни.[6] Менее интересны, но все же ценны письма Пламптонов, которые были лордами в Йоркшире.[7] Но для наших целей наиболее интересны две другие коллекции: переписка Стоноров, чьи поместья находились в основном в Оксфордшире и соседних графствах, и бумаги Сели, хранившиеся в семье купцов Стейпл.

Эти две коллекции дают нам яркое представление о торговцах шерстью в их общественной и личной жизни. Бумаги Сели охватывают период с 1475 по 1488 год, и так случилось, что в этот период Уильям Стонор (он стал сэром Уильямом в 1478 году) также заинтересовался торговлей шерстью, поскольку в 1475 году он женился на Элизабет Риш, дочери и вдове богатых городских купцов. В поместьях Стоноров в Чилтернсе и Котсуолдсе было большое поголовье овец, и Уильям сразу же понял, что союз с семьей Элизабет, заинтересованной в торговле шерстью, принесет ему выгоду. Поэтому он вступил в партнерство с другом своей жены, купцом из Кале по имени Томас Бетсон, о котором пойдет речь в этом исследовании, и до самой смерти Елизаветы в 1479 году принимал активное участие в экспортной торговле. Томас Бетсон умер в 1486 году и, таким образом, был точным современником других купцов из Стейпла, Джорджа и Ричарда Сели, которых он должен был знать; действительно, Уильям Сели, их двоюродный брат и агент, пишет из Лондона Джорджу в Кале в 1481 году, сообщая ему, что он отправил ему 464 феллаха в Томас оф Ньюхит, "и эти феллахи лежат рядом, за мастерами, под феллахами Томаса Бетсона".[8] С помощью "Писем и бумаг Стонора", содержащих множество писем от него и о нем в годы его сотрудничества с сэром Уильямом, и "Бумаг Сели", полных сведений о жизни торговца скобами в Кале, Томас Бетсон может быть призван к нам доброй магией, пока он почти не оживет. Он заслуживает этого, поскольку является одним из самых восхитительных людей, явленных нам в любом из писем XV века; по искреннему обаянию у него нет соперников, кроме привлекательной Марджери Брюс, , которая вышла замуж за Джона Пастона-младшего и так приятно смотрится рядом с суровыми женщинами Пастона.

Возможно, причина того, что наши сердца сразу же потеплели к Томасу Бетсону, заключается в том, что первая встреча с ним сразу же погружает нас в любовную интригу. Его первое письмо Уильяму Стонору датировано 12 апреля 1476 года и сообщает Уильяму, что их шерсть прибыла в Кале. "Высокочитимый Сир, - начинается оно, - я рекомендую меня вашему доброму господину и моему высокочитимому господину вашему виффе, а если угодно вашему господину, то и моему господину Катерину".[9] Десять дней спустя он снова пишет из Лондона, накануне отплытия в Кале, благодарит Стонора за его "нежную поддержку и верную любовь, которую вы всегда несете и которой обязаны мне, и от моего имени ничего не заслужили [H] , " сообщая, что он послал подарок в виде порошка [I] миноги от себя и

трубку красного вина от своего брата, и добавляя этот постскрипtum: "Сэр, я умоляю вашу светлость, чтобы это бедное письмо позволило мне смиренно рекомендовать меня моей достопочтенной госпоже, вашей жене, а также моей нежной кузине и доброй госпоже Кэтрин Риш, которой я умоляю вашу светлость всегда быть благосклонной и любящей"[10] Кто была эта Кэтрин Риш, которой он так тщательно себя рекомендовал? Кэтрин Рич была падчерицей Уильяма Стонора, одной из детей его жены от первого мужа; она была невестой Томаса Бетсона, и в это время ей было около тринадцати лет.

[Н] Впредь я буду осовременивать правописание для удобства читателя.

[I] Т.е. маринованная.

Современное мнение, благосклонно относящееся к влюбленности и бракам между взрослыми людьми, часто бывает шокировано той деловой атмосферой, которая царила при сватовстве во времена рыцарства, и многочисленными случаями женитьбы взрослых мужчин на маленьких девочках, еще не вышедших из подросткового возраста. В те времена считалось, что мальчик достигает совершеннолетия в четырнадцать лет, а девочка - в двенадцать (расхождение, которое великий канонический юрист Линдвуд, сын степлера,[11] объяснял тем, что больные сорняки растут быстро). По имущественным соображениям, для улаживания семейных распрей или просто для обеспечения собственного будущего младенцев в колыбели иногда обручали и даже женили; все, чего требовала церковь, - это чтобы дети по достижении совершеннолетия (в четырнадцать и двенадцать лет!) были вольны расторгнуть договор по своему желанию. Ничто, кажется, не отделяет современную Англию от старых добрых времен так явно, как случай с маленькой Грейс де Салеби, четырех лет, которую ради ее обширных акров выдали замуж за знатного вельможу, а после его смерти через два года - за другого, и еще раз, когда ей было одиннадцать, за третьего, который заплатил за нее триста марок.[12] В истории некоторых из этих браков есть странная смесь юмора и пафоса. Трехлетнего Джона Ригмардена принесли в церковь на руках священника, который уговаривал его повторить слова бракосочетания, но на полпути к службе ребенок заявил, что больше не будет учиться в этот день, и священник ответил: "Ты должен еще немного поговорить, а потом иди играй". Джеймс Баллард, десяти лет, был обвенчан с Джейн, своей женой, "в десять часов вечера, без согласия кого-либо из его друзей, с одним сэром Роджером Блейки, тогдашним викарием Колна, а на следующий день после этого тот же Джеймс объявил своему Внклу, что упомянутая Джейн [будучи большой девицей и способной выйти замуж в то же время] намеревалась с двумя яблоками пойти с ней в Колн и жениться на ней". Элизабет Бридж, урожденная Рамсботэм, рассказывает, что после ее свадьбы с Джоном Бриджем, когда ему было одиннадцать, а ей тринадцать, он никогда не пользовался ее "любовью, и в первую ночь, когда они поженились, упомянутый Джон не ел за ужином ничего, а когда пора было ложиться спать, упомянутый Джон хотел пойти домой со своим отцом, а он в это время жил в доме ее брата"[13].

Иногда, однако, средневековые записи бросают более приятный свет на эти детские браки. Таков свет, который бросает книга, написанная Парижским менажером для своей молодой жены, такая добрая, такая ласковая, такая полная снисхождения к ее юности; таков же свет, который бросает очаровательное письмо, написанное Томасом Бетсоном маленькой Кэтрин Риш в первый день июня 1476 года. Это настоящая жемчужина, и странно, что она не привлекла к себе больше внимания, ведь без нее не обходится ни одна антология английских писем. Я подробно излагаю его здесь, потому что оно заставляет вновь ожить и Томаса Бетсона, и Кэтрин Риш:

Моя сердечно любимая кузина Кэтрин, я рекомендую вам себя со всей искренностью моего сердца. И вот недавно вы поймете, что я получил от вас знак, который был и есть для меня сердечно желанным, и с радостью я его принял; и сверх того я получил письмо от Холаке, вашего нежного оруженосца, по которому я хорошо понимаю, что вы в добром телесном здравии и веселы душой. And I pray God heartily in his pleasure to continue the same: for it is to me very great comfort that he so be, so help me Jesu. И если бы вы всегда хорошо ели ваше мясо, чтобы вы могли расти и расти быстро, чтобы быть женщиной, вы должны сделать меня самым радостным человеком в мире, по моей вере; ибо когда я вспоминаю вашу благосклонность и ваше печальное любящее обращение со мной подопечных, так вы делаете меня даже очень радостным и веселым в моем сердце; и с другой стороны, когда я вспоминаю вашу юность и вижу, что вы не едите ваше мясо, которое должно помочь вам в значительной степени в воске, так как тогда вы делаете меня очень тяжелым снова. Поэтому я молю тебя, моя милая кузина, как ты меня любишь, быть веселой и есть свое мясо, как женщина. И если вы так поступите ради моей любви, посмотрите, что вы пожелаете от меня, что бы это ни было, и, клянусь моей кровью, я обещаю вам с помощью Господа нашего исполнить это в моих силах. Больше я ничего не могу сказать сейчас, но по возвращении домой я расскажу вам еще многое, что было между вами и мной и Богом прежде. И поскольку вы, полная женщина и как возлюбленная, помните меня с разнообразными рекомендациями в различных манерах, оставляя это на мое усмотрение, чтобы оставить их там, как я люблю лучше всего, для этого, моя собственная милая кузина, вы должны понять, что с добрым сердцем и доброй волей я принимаю и беру к себе одну половину их и их я буду держать у меня; а другую половину с сердечной любовью и благосклонностью посылаю вам, моя милая кузина, снова на хранение; и над этим я посылаю вам благословение, которое наша госпожа дала своему дорогому сыну, и всегда хорошо жить. Молю тебя, поприветствуй моего коня и попроси его дать тебе четыре своих года в помощь; а я по возвращении домой дам ему четыре своих года и четыре лошадиных хлеба в возмещение ущерба. Скажи ему, что я так молила его. Кузина Кэтрин, я благодарю вас за него, и моя жена будет благодарить вас за него в будущем, потому что вы дорого обходитесь ему, как мне сказали. Моя собственная милая кузина, мне сказали недавно, что вы были в Кале [J], чтобы искать меня, но не могли ни увидеть меня, ни найти; так как вы могли бы прийти в мой прилавок, и там вы должны были бы и найти меня, и увидеть меня, и не винить меня; но вы искали меня в неправильном Кале, и что вы должны хорошо знать, если бы вы были здесь и видели этот Кале, как бы хотел Бог, чтобы вы были и некоторые из них с вами, которые были с вами в вашем мягком Кале. Молю вас, нежная кузина, передайте меня часовому и умоляйте его исправить свои неэкономные манеры, ибо он всегда бьет в неурочное время, и будет бить всегда раньше, а это проницательное состояние. Скажите ему, что если он не изменит своего состояния, то заставит посторонних избегать и больше не приходить туда. Я верю вам, что он изменит свое решение против моего приезда, который произойдет в ближайшее время, всеми руками и ногами, с Божьей милостью. Моя верная кузина, я верю вам, что хотя я и не помянул в этом письме мою светлейшую госпожу вашу мать, вы по своей мягкости будете рекомендовать меня ее госпоже столько раз, сколько вам будет угодно: и вы можете сказать, если вам будет угодно, что в следующую неделю Витсун я намерен отправиться в Мартовский приход. И я верю, что вы будете молиться за меня, ибо я буду молиться за вас и, так уж получилось, ни за кого так хорошо. И всемогущий

Иисус сделает вас доброй женщиной и пошлет вам много добрых лет и долгую жизнь в здравии и добродетели по его благоволению. В великом Кале, на этой стороне моря, в первый день июня, когда все ушли на ужин, а часы пробили девять, все ваши домашние кричали мне вслед и просили: "Спустиись, спустиись к ужину немедленно!" - и какой ответ я им дал, вы знаете издревле.

[J] Возможно, трактир с таким названием (?).

От вашего верного кузена и любовника Томаса Бетсона. В знак благодарности посылаю вам это кольцо.

Закончив, Томас Бетсон улыбнулся, поцеловал печатку и надписал свое письмо: "Моей верной и горячо любимой кузине Кэтрин Риш в Стоноре, пусть это письмо будет доставлено в спешке"[14].

Отныне между Бетсоном и Стонором и дамой Элизабет Стонор начинается очаровательная треугольная переписка, в которой приятно смешиваются семейные новости и деловые переговоры. Дама Элизабет и Бетсон были в самых лучших отношениях, ведь они были старыми друзьями еще до ее второго брака. В Стоноре для него была отведена специальная комната, и она часто называла его "мой сын Стонор". Почти все ее письма к мужу содержат новости о нем: как он сел на баржу в восемь утра, и дай Бог ему здоровья, как от него не было писем в течение восьми дней, как он написал о цене, которую нужно заплатить за сорок мешков котсуолдской шерсти, как он рекомендует его сэру Уильяму и вернулся домой в прошлый понедельник. Иногда ему поручают деликатное дело - взять интервью у матери дамы Элизабет, старой дамы с трудным языком; "Пошли ей Бог, - говорит Томас, утирая лоб, после одного из таких интервью, - однажды веселый лик или вскоре в Минори [K]! После другого он пишет даме Элизабет: "Когда я возвращался домой в Лондон, я встретился с миледи, вашей матерью, и, бог свидетель, она меня прямо-таки удручала своим видом, пока я был с ней; я думал, что это надолго, пока я не уехал. Она рассказала мне о своих старых "фферньерах" и особенно тормознула меня на истории, которую я рассказал ей между викарием, который был, и ею; она сказала, что викарий никогда не был в порядке с этим, он принял это так близко к сердцу. Я снова ответил ей легко и ушел от нее. Мне не было никакого удовольствия оставаться с ней. Она прекрасная веселая женщина, но вы этого не узнаете и не найдете, и никто из ваших не увидит в ней того, что вижу я." [15] Это был верный Бетсон, которого выбрали присматривать за младшей сестрой его Кэтрин Энн, когда та болела в Лондоне, и он пишет домой, прося ее одежду - "Она нуждается в ней, и это знает наш Господь" - и жалуясь на поведение старой бабушки: "Если миледи, ваша мать, встретит мою кузину Энн, она не скажет ничего, кроме "Божье благословение вам и мое", и так пойдет своей дорогой, как будто она не имела радости о ней". "[16] Бетсон также сопровождал даму Елизавету, когда она была нужна, из Виндзора в Лондон и писал ее мужу: "По дороге мы были очень веселы, слава Богу, и по его милости мы намерены веселиться здесь в течение того времени, пока миледи будет здесь, а когда ваша светлость будет готова приехать, мы здесь так примем вас, что время вашего пребывания не будет шумным, с Божьей милостью. Сэр Уильям посылает в подарок каплунов, и Бетсон сообщает: "Сэр, я взял двух каплунов, но они были не самые лучшие, как вы советовали мне в своем письме, и, по правде говоря, я не мог утерпеть. Миледи, ваша жена, слава Господу, достаточно крепкая, и в этом деле она придерживается своей воли, как и во всем остальном"[18].

[K] Монастырь минориток, или францисканских монахинь, за Олдгейтом.

Есть сотни свидетельств теплоты привязанности Бетсона к Стоунорам и простого благочестия его характера. Иногда он осмеливается дать им добрый совет. Дама Элизабет

была несколько возвышена своим возвышением из рядов меркантильной буржуазии до места среди деревенского дворянства и была склонна к экстравагантности, да и ее муж не был полностью виновен в том, чтобы оплачивать счета. Мы слышим, как пивовар и пекарь ежедневно обращаются к его агенту за деньгами, а однажды Стоноры задолжали более 12 фунтов родному брату Бетсона, виноделу, за различных трубок красного и белого вина и окурка Rumney [L] [19]. По дороге на рынок Томас пишет даме Элизабет: "Наш благословенный Господь Иисус Христос да сохранит вас в чести и поклонении, чтобы вы добродетельно пребывали в Божьем благоволении, а также да пошлет вам добрый и выгодный совет и милость на будущее. Об этом я молюсь и буду молиться каждый день; ваша честь и поклонение лика в будущем так же близки моему сердцу, как и любого друга, человека или другого, связанного с вами, клянусь, наш благословенный Господь да поможет мне. Я умоляю вас, мадам, помнить о больших расходах и остерегаться их, а заодно и моего господина, вашего мужа; хорошо, что вы помните о них, по разным соображениям, поскольку вы хорошо знаете обоих. И да будет наш благословенный Господь вашим утешителем и помощником во всех ваших добрых делах. Аминь." [20] Месяц спустя он слышит, что Уильям Стонор заболел, и пишет, чтобы посочувствовать даме Элизабет: "И если бы я мог сделать здесь что-нибудь, что могло бы быть к его удовольствию и вашему, я бы знал это и сделал бы непременно. Воистину, ваш дискомфорт - не мое утешение, Бог свидетель. Тем не менее ваше сиятельство должно заставить его быть веселым и жизнерадостным и отбросить все фантазии и нерадивые мысли, которые не приносят пользы, а только вредят. Человек может навредить себе буйством; хорошо бы остерегаться" [21].

[L] Греческое вино.

А что же малышка Кэтрин Риш? Она снова и снова появляется в письмах Томаса Бетсона. Время от времени она попадает в немилость, поскольку не умела обращаться с пером. "Я сержусь на Кэтрин, - пишет он ее матери, - потому что она не присылает мне писем. Я писал ей много раз, и отсутствие ответа меня утомляет; она могла бы нанять секретаря, если бы захотела, а если нет, то мне придется меньше трудиться, чтобы снова отвечать на ее письма" [22] Но главное, что она неуклонно стареет, хотя и недостаточно быстро, чтобы порадовать нашего возлюбленного. В Троицкое воскресенье 1478 года он пишет даме Элизабет: "Я часто вспоминаю ее, Бог свидетель. Однажды мне приснилось, что ей тридцать зим от роду, а когда я проснулся, то пожелал, чтобы ей было всего двадцать, и так по вероятности я скорее исполню свое желание, чем сон, о чем я сердечно молю Всемогущего Иисуса, когда Ему будет угодно" [23]; а отчиму леди он пишет месяц спустя: "Умоляю вас помнить мою кузину Кэтрин. Я хотел бы, чтобы у нее все было хорошо, Бог это знает, и, как я полагаю, если бы я нашел ее здесь дома, мое утешение было бы еще больше; но я благодарю Бога за все. Мне еще больнее; я должен страдать, как страдал в прошлые времена, и я буду страдать ради Бога и ради нее" [24]. Однако Кэтрин уже исполнилось пятнадцать лет, и она была достаточно взрослой для свадьбы, и следующее письмо, написанное через неделю даме Элизабет, показывает нам, как Томас Бетсон начинает наводить порядок в своем доме и очень беспокоится об укладке ее туалета - дело, которое дама Элизабет, судя по всему, поручила будущему жениху.

Мадам, и это нравится вам, я понимаю из вашего письма, что это будет в конце августа или ваша светлость сможет приехать сюда, в Лондон; и если это будет так, я буду сожалеть, потому что у меня много дел, и я мало что умею делать, что касается дела, о котором вы знаете [очевидно, приготовления к свадьбе Кэтрин] ... Я должна умолять ваше сиятельство прислать мне [ваш совет], как мне быть в таких вещах,

которые будут принадлежать моей кузине Кэтрин, и как мне их обеспечить. У нее должны быть кушаки, по меньшей мере три, и как их сделать, я не знаю, и много других вещей, которые она должна иметь, вы хорошо знаете, что это такое, а я не знаю; клянусь, я бы хотел, чтобы это было сделано, хотя бы больше, чем это будет стоить..... А что касается отправки сюда моей кузины Кэтрин, то ваша светлость может поступить с ней так, как вам будет угодно. Я бы хотела, чтобы она знала столько же, сколько знаете вы, и тогда она принесла бы пользу и помогла бы мне во многих делах, когда приедет..... Также, мадам, поскольку вы пишете мне о любезном обращении моего хозяина с моей кузиной Кэтрин и т. д., я очень рада этому и молю Бога сердечно благодарить его за это, ибо он всегда был к ней благосклонен, и поэтому я молю Бога, чтобы он всегда продолжал его, а также мою кузину Кэтрин, чтобы она заслужила его своим хорошим поведением и женским нравом, поскольку она может делать все хорошо, если ее перечислить, и так говорит каждый, кто хвалит ее"[25].

Нотка гордости в последних словах так же привлекательна, как и нетерпение измученного мужчины, столкнувшегося с выбором подруги. Еще более очаровательно письмо, которое он написал в тот же день сэру Уильяму Стонору. Он немного бессвязен от радости и благодарности, полон сожалений о том, что дела отрывают его от Стонора, и добрых пожеланий здоровья семье. "Я как жалкий волынец", - говорит он. "Когда я начинаю, я не могу уехать, но еще раз наш благословенный Господь да будет вам благосклонен и поможет", - пишет он Кэтрин:

Я понял из благоговейного доклада вашей светлости, что моя кузина Кэтрин принадлежит вам, миледи, вашей жене, и всем остальным и т. д.; и поистине мне радостно и приятно слышать о ней, и я умоляю нашего благословенного Господа всегда хранить ее во всех добродетелях и добром житии по его благоволению, и наградить вашу светлость небесами по окончании вашего срока, за ваше доброе расположение к ней в добрых увещаниях. И это я хорошо знаю по старости, иначе она не могла бы быть такого нрава, добродетельной и благонравной, ее молодость помнят и оправдывают..... Сэр, хорошо запомните, что вы написали о моей кузине Кэтрин; поистине, когда я буду говорить с ней, я передам ей каждое слово, и если я найду обратное. Наш здешний викарий, да поможет мне Бог, возопит о ней [М] в течение этих десяти недель и менее, и к тому времени я буду готов во всех отношениях, по милости Божьей, и я хотел бы, чтобы она была такой, дабы вы мне в этом поверили[26].

[М] Т.е. объявить брачный переполох.

Это письмо было написано 24 июня 1478 года, а Томас, вероятно, женился на своей маленькой Кэтрин в августе или сентябре, поскольку 5 октября дама Элизабет пишет мужу: "Мой сын Бетсон и его жена рекомендуют их тебе"[27] Бедному ребенку предстояло довольно скоро узнать некоторые горести жены, поскольку год спустя Томас Бетсон опасно заболел, а она ухаживала за ним и заботилась о его делах так, как будто она была серьезной матроной, а не шестнадцатилетней невестой. Более того, она, должно быть, уже ожидала рождения своего старшего сына. Отношение Уильяма Стонора к болезни своего партнера не лишено юмора. Он разрывался между тревогой за жизнь друга и еще большей тревогой о том, что Бетсон не должен умереть, не уладив деловые обязательства между ними. О болезни и трудах Кэтрин мы узнаем из письма одного из агентов Стонора своему хозяину:

Сэр, согласно повелению вашего хозяина, мы были в Степни к девяти часам; как только мы пришли туда, мы сразу же увидели джентльмена, и, по доброй воле, он поднял нам настроение, как и подобает больному человеку, несмотря на это, ибо, по его поведению, мы видели, что он не преуспеет на этом свете, ибо госпожа Бевис и другие джентльмены и его дядя были того же мнения. И мы желали и молили его о том, чтобы ему было хорошо, и утешали его так сердечно, как только могли, от вашего имени и от имени миледи, и так мы вышли из палаты в зал, и он погрузился в глубокую дремоту и был оживлен в своем духе. А в одиннадцать часов я позвал его дядю с постели в господскую палату и спросил его совета и моей госпожи, его жены, о запасах и о том, как они вели себя в течение полутора последних лет. И что касается запасов, то он признался, что они составляют 1160 фунтов стерлингов, и при вашем оправдании в освобождении его и всех его исполнителей, которые будут за ним, указанные запасы будут готовы. А что до занятия его, то, как он ответит между Богом и дьяволом, книга, по которой он купил его у вас, будет к нему приобщена; и книга, по которой он продал его у вас, также будет приобщена, и эти две книги будут его судьями, которые остаются в руках моей госпожи, его жены, под замком, и другие векселя и обязательства, согласно, относительно поручительства за различные платежи, которые должны быть сделаны различным купцам, как говорит этот господин..... А что касается тарелки, то мы с моей госпожой Джейн [вероятно, Джейн Риш, младшая сестра Кэтрин] взяли ее и заложили, кроме того, что должно быть занято".

Он посылает к сэру Уильяму за информацией о двух суммах по 80 фунтов стерлингов каждая, которые Бетсон задолжал своему хозяину и хозяйке, и добавляет:

Я верю Иисусу, что он выдержит, пока не приедет гонец; дольше врачи не определились. Душеприказчиками будут три человека: моя госпожа, его жена, Хамфри Старки, регистратор Лондона, Роберт Тейт, купец из Кале; несмотря на то, что я предложил ему, между мной и госпожой Джейн, разорвать это завещание и сделать мою госпожу, его жену, единственной душеприказчицей. Что будет сделано в этом случае, пока не могу сказать, но сделаю все, что смогу, с Божьей милостью"[28].

Есть что-то неожиданное и немного стервятническое в этом сборище кредиторов и захвате тарелок у смертного одра человека, который всегда, в конце концов, проявлял исключительную привязанность к Стоунорам и преданность их интересам, а теперь стал зятем миледи. Попытка сделать молодую шестнадцатилетнюю жену единственной душеприказчицей, чтобы она оказалась полностью в руках своей семьи и без совета двух опытных и бескорыстных коммерсантов, имеет несколько зловещий оттенок. Интриги продолжались, и через три дня агент пишет снова. Приятно отметить, что старая госпожа Кроке, мать дамы Элизабет, не забывала о терпении Бетсона во время тех визитов, когда она обрушивалась на него со своим острым языком:

Что же касается вестей, то, уповаю на Бога, они будут очень хорошими. В четверг миледи Кроук приехала в Степни и привела с собой мастера Бринкли, чтобы он повидал Бетсона, а тот, по поверью, был очень болен; и перед уходом он наложил ему пластыри на голову, на живот и на живот, [так] что он всю ту ночь пребывал в тихом покое. А в пятницу он снова пришел к нему... и он поправился, и так говорили все, кто был рядом с ним. И хотя он еще не решил, будет ли он жить или умрет, но он может оставить его в живых до полудня вторника, он возьмется за него. Причина, по которой я пишу вам сейчас, скорее в том, что у меня не было уверенности. Сэр, было

много особых трудов и тайных дел, когда мы с госпожой Джейн пришли к противоположному решению, за которым мы пришли. Я пока не могу написать о них, потому что моя госпожа Бетсон, все дела и советы отложив, пребывает и уповаает на вашего доброго отца и на мою госпожу, а кроме того, если он покинет этот мир, вы получите известия о ней с такой поспешностью, с какой мы сможем ее достать. И независимо от того, умрет он или выживет, необходимо и полезно, чтобы госпожа Джейн не отходила от нее до тех пор, пока не станет известна достоверная информация, ибо, по правде говоря, разные люди, о которых вы узнаете впоследствии, и миледи, и так, и этак, увещевали бы ее к более противоположному поведению, если бы мы не были здесь вовремя. И госпожа Джейн достойна большой благодарности"[29].

Однако все замыслы оказались преждевременными, поскольку Бетсон благополучно выздоровел. 10 октября "проповедник" Хенхем пишет: "Мой хозяин Бетсон поправился, благословен Иисус, и у него прошли все сомнения относительно болезни, и он хорошо принимает пищу, а что касается врачей, то к нему никто не приходит, ибо он в них не нуждается"[30] Но еще одна смерть была близка, чтобы прервать тесную связь между Томасом Бетсоном и Стонорами, так как в конце года умерла добрая, экстравагантная, ласковая дама Элизабет. Удивительно, но ее смерть, похоже, положила конец деловому партнерству между ее мужем и зятем. Отныне единственными упоминаниями о Томасе Бетсоне в бумагах Стонора являются случайные записи о его долгах Стонору: несомненно, он выкупил долю сэра Уильяма в их совместном бизнесе. 10 марта 1480 года он признал свои обязательства перед Стонором на сумму 2 835 9s. 0d. перед Стонором, а в 1482 году он все еще был должен 1 200 фунтов стерлингов.[31] Невозможно предположить, почему отношения, которые были как личной дружбой, так и деловыми связями, должны были так внезапно оборваться. Как замечает редактор "*Стонор Леттерс*", "искренность и честность характера Бетсона, проявившиеся в его письмах, не позволяют предположить, что он был виноват".

Такова была более частная и домашняя сторона жизни Томаса Бетсона; но она мало что говорит нам (за исключением случайных упоминаний о Братстве скрепок или цене на котсуолдскую шерсть) о той великой компании, с которой началась эта глава; и поскольку он выступает здесь как тип, а также как личность, мы должны теперь обратиться к его общественной и деловой жизни и попытаться выяснить из более косвенных свидетельств, как купец скрепок занимался своим делом. Тот, кто хочет хорошо зарабатывать, должен делать две вещи и уделять им обоим максимум внимания: во-первых, он должен покупать шерсть у английского производителя, а затем продавать ее иностранному покупателю. Самая лучшая шерсть в Англии - из Котсуолдса, и если вы купец из Стейпла, вам нравится торговаться за нее, будь то выручка от большого летнего клипа или от осенней пастьбы овец. И вот Томас Бетсон едет в Глостершир в мягкую весеннюю погоду, его добрый щавель между коленями, и аромат боярышника веет вокруг него, пока он едет. Другие торговцы шерстью ездят куда дальше - в длинные долины Йоркшира, чтобы торговаться с цистерцианскими аббатами за шерсть из их огромных стад, но он и Сели клянутся Котсуолдскими палами (в июле он отправил 2348 штук в Лондон "на имя рыцаря сэра Уильяма Стонора и Томаса Бетсона, в лондонском иезуитстве, Джон Лолингтон, господин под Богом"). Май - великий месяц для покупок, а Нортлих - место встречи сшивателей и торговцев шерстью. Неудивительно, что церковь Нортлиха так полна шерстяных браслетов, ведь они часто преклоняли там колени, и часто деревня гудела от покупателей и продавцов, обменивающихся заказами и рассматривающих образцы. Селы покупали шерсть в основном у двух торговцев из Нортлиха, Уильяма Мидвинтера и Джона Буше. Отношения

между торговцами и продавцами часто были достаточно близкими и приятными: Мидвинтер даже иногда пытался обеспечить покупателя не только грузом, но и невестой, а замужние барышни не отказывались от знакомства за галлоном вина и хорошего настроения в трактире.[32] Правда, Мидвинтер был склонен буянить, когда его счета оставались неоплаченными слишком долго, но это ему можно простить. Томас Бетсон предпочитал шерсть Роберта Турбота из Ламбертона[33], а также имел дело с неким Джоном Тейтом, с Уайтом из Бродвея (еще одна известная шерстяная деревня)[34] и с Джоном Элмсом, купцом из Хенли, хорошо известным Стонорам. Мидвинтер, Буше и Элмс были торговцами шерстью, или "броггерами", то есть посредниками между фермерами, которые выращивали шерсть, и сшивателями, которые ее покупали. Но часто сшиватели имели дело непосредственно с отдельными фермерами, покупая как мелкую, так и крупную шерсть, и теплые дружеские отношения возникали в результате ежегодных визитов, которых с нетерпением ждали в Йоркширских далях и Котсуолдских долинах. Приятно поражает, когда Ричард Рассел, гражданин и купец Йорка, оставляет в своем завещании "для распределения между фермерами Йоркского Уолда, у которых я купил шерсти на 20 л., и таким же образом между фермерами Линдешей на 10 л." (1435)[35].

В "Письмах Сели" содержится масса информации о скупке шерсти в Нортличе. В мае того же года, когда партнерство Бетсона со Стонором, судя по всему, закончилось, старый Ричард Сели занимался там делами и сообщал о них своему сыну, Хорхе Сели из Кале.

Приветствую вас, и я получил от вас письмо, написанное в Кале 13-го дня мая (1480), из которого я хорошо понял, что вы были на ярмарке и продавали мою среднюю шерсть, которую хотели Джон Дестермер и Джон Андербей. Поэтому, по милости Божьей, я вынужден отгрузить эти 29 сарплеров, которые я купил у Уильяма Мидвинтера из Нортлича, 26 сарплеров, и это отличная шерсть, как сказал мне упаковщик шерсти Уилл Бретен, а также 3 сарплера ректора - отличная шерсть, гораздо более тонкая, чем в прошлом году, которую я отгрузил перед прошлой Пасхой. Отгрузка началась в Лондоне, но я еще не отправил ни одной, но отправлю после этих святых дней, для чего я прикажу оплатить фрахт и другие расходы. В этот же день твой брат Ричард Сели отправился в Нортлах, чтобы посмотреть и отлить для меня и для тебя одну падь"[36].

В другой раз он пишет: "Своим письмом вы разрешаете мне покупать шерсть в Котсуолде, за что я получу от Джона Сели 30 мешков, а от Уилла Мидвинтера из Нортлича 40 мешков. И я обещал больше не покупать; шерсть в Котсуолде в большой цене, 13 с. 4 д. за тод, и за шерстью в Котсуолде ездят так хорошо, как ни в один год в этом году"[37]. Какая картина возникает перед глазами: купцы рыскают по дорогам и выглядят так, как их часто видел Чосер:

Marchant was ther with a forked berd,
В мотне и сбруе на коне он сидел,
На голове у него была шляпа из плетеного серебра,
Его сапоги были застегнуты красиво и фетишистски;
His resons he spak ful solempnely,
Sounynge always thencrees of his wynnyng.

В Нортличе Бетсон, должно быть, часто встречал своих собратьев по Скрепке, старого степенного купца Ричарда Сели, сына Джорджа, который ездит с "Мег", своим ястребом, на запястье, и имеет лошадь по кличке "Баярд" и другую по кличке "Пи"; а также, возможно, Джона Бартона из Холма рядом с Ньюарком, гордого скрепщика, который поместил в качестве "позы" на витражах своего дома этот девиз:

Я благодарю Бога и всегда буду благодарить.

It is the sheepe hath payed for all;[38]

, хотя вряд ли он ездил за шерстью так далеко на юг, как в Котсуолдс. Иногда Бетсон встречается на дороге и своих соперников - крепких, самоуверенных фламандцев и худых лангобардов с черными глазами и жестикулирующими руками, которым нет никакого дела до Котсуолда, а следовало бы покупать шерсть на рынке в Кале. Но они приезжают, и все добрые англичане злятся на их проделки, а еще больше, пожалуй, на их успешную торговлю. Я еще не упаковал свою шерсть в Лондоне, - пишет старый Ричард Сели 29 октября 1480 года, - и не купил в этом году ни одного замка шерсти, потому что шерсть Котсуолда покупают ломбардцы, и поэтому я не спешу упаковывать свою шерсть в Лондоне";[39] а его сын пишет ему 16 ноября из Кале: "В Кале мало шерсти Котсуолда, и я понимаю, что ломбардцы скупчили ее в Англии." [40] Правда, Сели, да и другие английские купцы, не отказывались время от времени заключать частные сделки с иностранными покупателями в Англии. Два года спустя их агент Уильям Сели пишет им, что два фламандских купца пытаются покупать в Англии вопреки постановлению, и что об этом узнали власти в Кале, поэтому его хозяева должны позаботиться и заставить Вайлликина и Питера Бейла заплатить в Кале, "а что касается ваших сделок, никто не знает, пока не обыщут книги Питера Бейла". [41] Праведный Бетсон, несомненно, избегал подобных уловок и особенно возмущался ловкими ростовщиками-ломбардцами, которые так много придумывали финансовых уловок, чтобы обмануть английского купца, ведь разве они не покупали шерсть в Англии в кредит, катаясь по Котсуолду, как они перечисляют?

В Коттесволде они тоже ездили.

И по всей Англии, и без всяких сомнений,

что они перечисляют, вытесняясь и сбиваясь в кучу.

Больше, чем мы, англичане, можем получить в любом случае.

И разве не возили они шерсть во Фландрию и не продавали ее за готовые деньги с убытком в пять процентов, а затем ссужали эти деньги с большим ростовщичеством, в основном самим английским купцам, так что к тому времени, когда в Англии наступал день зарплаты, они получали большую прибыль?

И таким образом они, если мы поверим.

Затыкать нам нос нашими же рукавами,

И пусть эта пословица будет неправдоподобной,

И все же, будьте уверены, что она не зря полна трети.[42]

Следующим серьезным делом Томаса Бетсона стала упаковка и отправка шерсти в Кале. Здесь он оказался втянут в пучину правил компании и короны, постоянно следя за тем, чтобы не допустить мошенничества при упаковке или описании основного товара. Шерсть должна была быть упакована в том графстве, откуда она была привезена, и существовали строгие правила, запрещающие примешивать к ней шерсть, землю или мусор. Сборщики, назначенные компанией для разных районов выращивания шерсти и приведенные к присяге перед Казначейством, объезжали и опечатывали каждый тюк, чтобы его нельзя было открыть, не сломав печать. Затем огромные тюки перевозили на спинах вьючных лошадей

"по древним тропам через Уилтширские и Хэмпширские дауны, которые использовались еще до римского завоевания, а затем через Суррей и Кент в порты Медуэй по Пути паломников". В разных портах таможенные сборщики были готовы внести в свои списки имена купцов, перевозивших шерсть, вместе с количеством и описанием шерсти, отправленной каждым из них.[43] Часть шерсти поступала в сам Лондон, где многие сшиватели имели конторы на Марк-Лейн (что является сокращением от Март-Лейн), и взвешивалась для оценки таможенных сборов и субсидий в Лиденхолле.[44] В этом деле Томасу Бетсону помогали три помощника Стонора, или "прентиса", как они себя называли: Томас Хенхем, Годдард Оксбридж и Томас Хоулейк, к последнему из которых он питал теплый уголок в своем сердце, потому что этот молодой человек был нежен с маленькой Кэтрин Риш. Эти люди иногда находились на лондонском складе Стоноров, а иногда в их доме в Кале, и они избавляли Бетсона от многих хлопот, будучи достаточно опытными, чтобы следить как за упаковкой шерсти в Лондоне, так и за ее продажей в Кале.

В Кале упакованную шерсть, взвешенную, промаркированную и оцененную таможенником, везли на кораблях самого Кале или маленьких портов на восточном или юго-восточном побережье Англии, многие из которых сегодня представляют собой просто деревни. Корабли отправлялись не только из Халла и Колчестера, но и из Брайтлингси, Ротерхита, Уолберсвика в Саффолке, Рейнхема в Эссексе, Брэдвелла, Мейдстоуна, Милтона, Ньюхита и Милхолла. В августе 1478 года Селы платили хозяевам двадцати одного корабля за груз шерсти после летнего клипса.[45] Все лето и вплоть до Рождества продолжались перевозки, но в зимние месяцы купцы в основном отправляли фелсы или овчины после большого забоя овец и скота, который происходил на Мартинмас, когда домохозяйки засаливали мясо на зиму, а фермеры сдавали фелсы и шкуры, за которые степлеры уже давно поторговались. Очень часто в письмах купцов и таможенных счетах мы узнаем названия этих смелых маленьких кораблей и их грузы. Например, в октябре 1481 года "Сели" перевозили партию шкур:

Достопочтенный сэр, после должной рекомендации я смиренно рекомендую вам, давая понять, что мой хозяин отгрузил свои фелюги в Лондонском порту сейчас, в октябре...которые вы должны получить и оплатить фрахт, по милости Божьей, на лондонском судне "Мэри" Уильяма Сордивейла, 7 паков, сумма 2800, лежат на корме мачты, один пакет лежит сверху, и часть этого пакета - летние паки, помеченные буквой О, а затем лежат 3 пакета паков Уильяма Далтона, и под ними лежат остальные 6 паков моего мастера. В "Кристофере" из Рэйнхэма, хозяин Гарри Уилкинс, 7 пачек с половиной котсволдской падали, сумма 3000 шкурок, лежат на корме мачты, а под ними лежат 200 пачек Велтера Файлдса, человека Уильяма Линдиса из Нортгемптона, и перегородка сделана с помощью маленьких шнуров. На судне "Томас" из Мейдстоуна, хозяин Гарри Лоусон, 6 паков, сумма 2400 шкурок, из которых 5 паков лежат перед мачтой под люками, над ними нет человека, а один пак лежит в кормовом листе; из шести паков паков несколько летних паков, помеченных буквой "О". На лондонском судне "Мэри Грейс" Джон Локингтон, хозяин 6 паков, сумма 2400 шкурок, лежит на корме под паками Томаса Граунгера, перегородка между ними сделана красной; Сумма феллов, которые мой господин отгрузил в это время 26 паков с половиной, из которых зимних феллов в стране 561 феллов, и они должны быть помечены буквой С, а летних феллов должно быть 600 и более, но часть из них должна быть оставлена, так как у нас есть два пака, мы не могли бы назначить их, и все летние феллы должны быть помечены буквой О. И еще, сэр, вы получите от "Марии" из Рейнхема, хозяина Джона Дэниелла, ваш мужской [сундук] с вашим снаряжением и эссекский сыр с клеймом моего хозяина".

И так далее, с подробным описанием количества фелюг, отправленных подобным образом *Майклом* из Халла и *Томасом* из Ньюхита, где они лежали "рядом с мачтой на корме под фелюгами Томаса Бетсона", всего более 11 000 фелюг[46].

Как бодрит такой список кораблей. Грузы - самая романтическая тема, будь то обезьяны, слоновая кость, павлины или "дешевые жестяные подносы"; и с того дня, как Ясон отплыл в Колхиду, руны всегда были одним из самых романтических грузов. Как же они пахнут солью, эти старые мастера-мореплаватели: Генри Уилкинс, хозяин "*Кристофера*" из Рейнхема, Джон Лоллингтон, хозяин лондонского "*Джесу*", Роберт Юэн, хозяин "*Томаса*" из Ньюхита, и все остальные, машущие руками своим женам и возлюбленным, когда они vyplывают из сверкающих бухт, с добротными шерстяными мешками за бортом или под люками - все они моряки по велению сердца Чосера:

Но о его ремесле, чтобы пересказать его тайды
His stremes and his daungers hym besides,
His herberwe and his moone, his lodemenage,
Ther was noon swich from Hulle to Cartage.
Он был тверд, и ему предстояло действовать:
Много бурь сотрясало его пристань;
Он хорошо знал все гавани, какими они были,
От Гутланда до мыса Финистер,
И все крики в Британии и в Спайне.
Его баржа была "Модлейн".

Их корабли, несомненно, были похожи на "*Маргарет Сели*", которую братья Сели купили и назвали в честь своей матери за непомерную сумму в 28 фунтов стерлингов, не считая такелажа и оснастки. На корабле находились хозяин, боцман, повар и шестнадцать веселых матросов, он был хорошо вооружен пушками и луками, счетами, пятью дюжинами дротиков и двенадцатью фунтами пороха! Ее кормили соленой рыбой, хлебом, пшеницей и пивом, и она торговала с Сели в Зеландии, Фландрии и Бордо.[47] Ее вес, должно быть, составлял около двухсот тонн, но некоторые из других маленьких судов были гораздо меньше, ибо, как говорит нам ученый редактор "*Бумаг Сели*", "суда маленьких портов Медуэя едва ли могли быть в тридцать тонн, чтобы безопасно плавать по реке; "Томас" из Мейдстона мог быть только баржей, если ей нужно было пройти мост Эйлсфорд." [48] Но они плавали по каналу и уклонялись от пиратов достаточно беспечно, хотя часто Томас Бетсон в Кале нервничал по поводу благополучного прибытия шерстяного флота. Как и чосеровский купец,

Он хотел бы, чтобы в этом месте хранились какие-нибудь вещи.
между Мидделбургом и Оруэллом.

Бок о бок с Джорджем или Ричардом Сели он, должно быть, часто напрягал зрение с причала, соленый ветер раздувал перо в его шапке, и возносил благодарственные молитвы Богу, когда корабли появлялись в поле зрения. "И, сэр, - пишет он однажды Стонору из Лондона, - благодарение Господу, я точно знаю, что наша шерсть доставлена... в Кале. Я бы придержал эту весть, пока сам не приеду, потому что это хорошо, но я не посмел быть таким смелым, ибо ваше господство сейчас, в это хорошее время, может быть радостным и счастливым от этих вестей, ибо, по правде говоря, я рад и сердечно благодарю Бога за это." [49] Томас Хенхем, "проповедник", тоже пишет три недели спустя: "Я отбыл из Сэндвича 11-го числа апреля и прибыл в Кале в четверг [N] с судами с шерстью, и, да будет благословен Иисус, я получил вашу шерсть в целости и сохранности. Более того, сэр, если вашей светлости будет угодно понять это, я получил вашу шерсть в целости и сохранности,

как ни один человек на флоте. Кроме того, сэр, если вашей светлости будет угодно, чтобы вы поняли, как ваша шерсть была размещена в доме, когда-либо имевшем дело с Пасхой. Кроме того, сэр, если это угодно вашему начальству, чтобы понять, что корабельщики были довольны и получили плату за свой груз"[50] Сели тоже пишут в том же духе: "В этот день 16 августа шерстяной флот пришел в Кале из Лондона и Ипсвича в безопасности, слава Богу, и в этот же день часть шерсти была высажена на берег, и она еще честно поднимается, слава Богу"[51] Их письма также говорят нам, какой опасности они боялись. "Молю Иисуса послать тебя в целости и сохранности сюда и поскорее", - пишет Ричард своему "горячо любимому брату Джорджу" 6 июня 1482 года. За Робертом Эриком гнались шотландцы между Кале и Дувром. Им удалось спастись"[52] Таких погонь много, и мы также слышали о шерсти, сожженной под люками или выброшенной за борт во время шторма[53].

[N] Т.е. масленичный четверг.

Томас Бетсон и Сели очень часто путешествовали через Ла-Манш на этих судах, перевозивших пассажиров и письма, и в Кале они были почти таким же домом, как и в Лондоне. В Кале английским купцам не разрешалось жить, где им заблагорассудится, по всему городу. У Компании скрепок был список постоянных лицензированных "хозяев", в чьих домах они могли остановиться. Обычно у каждого хозяина жило несколько купцов, причем самые влиятельные, серьезные и преподобные сеньоры обедали за высоким столом, а мелкие - за боковыми столиками в зале. Иногда они ссорились из-за условий, как, например, когда Уильям Сели однажды пишет домой Ричарду и Джорджу в Лондон:

Пункт. Сэр, прошу вас понять, что между нашим хозяином Томасом Граунгером и товариществом существует разногласие по поводу нашего жилья, ибо Томас Граунгер обещал нам при входе в наше жилище, что мы не будем платить больше за питание, кроме 3s. 4 д. в неделю за высоким столом и 2 с. 6 д. за боковым столом, а теперь он говорит, что будет иметь не меньше 4 с. в неделю за высоким столом и 40 д. за боковым столом, поэтому здешняя община разойдется по другим квартирам, одни в одно место, другие в другое, Уильям Далтон будет у Роберта Торниса, а Ральф Темингтон и человек мастера Брауна из Стэмфорда будут у Томаса Кларка, и так вся община разойдется, кроме меня, поэтому я даю знать вашим господам, чтобы вы делали, как вам больше нравится"[54].

Но Томас Бетсон никогда не ссорился со своими хозяевами, которые жаловались на него только за то, что он долго сидел над любовными письмами и поздно приходил к ужину.

В Кале у него было достаточно дел. Прежде всего, когда шерсть выгружалась на берег, ее должны были осмотреть королевские офицеры, чтобы убедиться, что она правильно маркирована, а их опытные упаковщики осматривали, переупаковывали и запечатывали тюки. Это был тревожный момент для купцов, которые знали, что среди их объемистых сарплеров есть некачественная шерсть. Честный Бетсон, мы можем быть уверены, никогда не обманывал, но Сели знали больше, чем немного об уловках торговли, и однажды, когда лейтенант Кале взял сарплер № 24, который их агент, Уильям Сели, знал, что это плохая шерсть, чтобы сделать тест, он тайно заменил № 8, который был "хорошей шерстью". 8, который был "честной шерстью", и поменял этикетки, так что вскоре он смог написать домой: "Ваша шерсть присуждена сарплером, который я выкинул последним"[55] Неудивительно, что Гауэр сказал, что Трик был регентом Стейпла,

Siq'en le laines maintenir
Je voi plusours descontentir
Du loyalté la viele usance"[56].

Затем были обычаи и субсидии, которые должны были выплачиваться мэру и Братству скобы, которые собирали их для короля. А затем наступал черед главного дела каждого купца - продажи шерсти. Томас Бетсон, конечно, предпочитал продавать ее как можно быстрее, по мере прибытия кораблей, но иногда рынок затягивался, и шерсть оставалась на руках по несколько месяцев. Такая шерсть от летней стрижки овец, отправленная в феврале или раньше и оставшаяся непроданной к 6 апреля, считалась старой, и Братство скобы постановило, что иностранные покупатели должны брать один сарплер старой шерсти на каждые три новой; и хотя фламандцы ворчали и хотели брать один старый на пять новых, им пришлось смириться с этим постановлением.[57] Большая часть дел Бетсона происходила на ярмарке в самом Кале, где он встречался с высокопоставленными фламандскими купцами, отпрысками старых семей с собственными поместьями, и более плебейскими купцами из Делфта и Лейдена, а также торговцами шерстью из солнечной Флоренции, Генуи и Венеции. Среди лучших покупателей как Стоноров, так и Сели (ведь они упоминаются в письмах обоих) были Питер и Даниэль ван де Раде из Брюгге. Томас Хаулейк в одном из случаев сообщает о продаже им четырех сарплеров прекрасной котсуолдской шерсти по 19 марок за мешок, с возвратом 4-1/2 гвоздиков за мешок из 52, и добавляет: "Сэр, если вам угодно, что касается вышеупомянутых купцов, купивших вашу шерсть, [они] не хуже тех, что пришли из Фландрии, и за это я оказал им большую услугу и дал им большую отсрочку"[58].

Сшиватели, однако, вели дела не только в Кале, но и ездили на большие ярмарки в Антверпене, Брюгге и по всей округе. Томас Бетсон, - пишет Хенхем своему хозяину, - прибыл в Кале в последний день апреля и в добром здравии отправился в Брюгге в первый день мая"[59].

Но так, что этот маршал в день
Shoop hym to make redy his array
Toward the toun of Brugges for to fare,
To byen there a porcioun of ware-[60]

Бетсон отправился только для того, чтобы "продать" часть товара. Сам он пишет сэру Уильяму: "Любезно сообщаю вам, что на Троицу я прибыл в Кале и, благодарение Господу, получил полный честный проход, и, сэр, с Божьей помощью я намереваюсь в следующую пятницу отправиться в по марту. Умоляю доброго Господа ускорить мой путь и помочь мне во всех моих делах. И, господин, я уповаю на милость Божью, если мир здесь будет весел, сделать кое-что, что будет и вам, и мне на пользу. Пока купцов здесь немного, но потом, с Божьей милостью, их станет больше. Я не буду терять времени, когда придет время, обещаю вам. И, сэр, когда я приеду с ярмарки, я пошлю вам весточку обо всех делах по милости Господа нашего".[61] На ярмарках Бетсон встречал множество купцов со всей Европы, хотя достаточно часто политические беспорядки делали дороги опасными, и купцы рисковали быть ограбленными. Английские торговцы обычно считались лучшими продавцами и покупателями на ярмарках Фландрии и Брабанта, хотя фламандцы иногда жаловались на них и говорили, что сшиватели установили правила, запрещающие их купцам покупать товары только в последний день, когда фламандские продавцы, стремясь поскорее собраться и уехать, отпускали свои товары по низким ценам.[62] Автор "*Либелле Энлише Полиси*" с гордостью хвастается обычаями, которые англичане принесли на эти ярмарки:

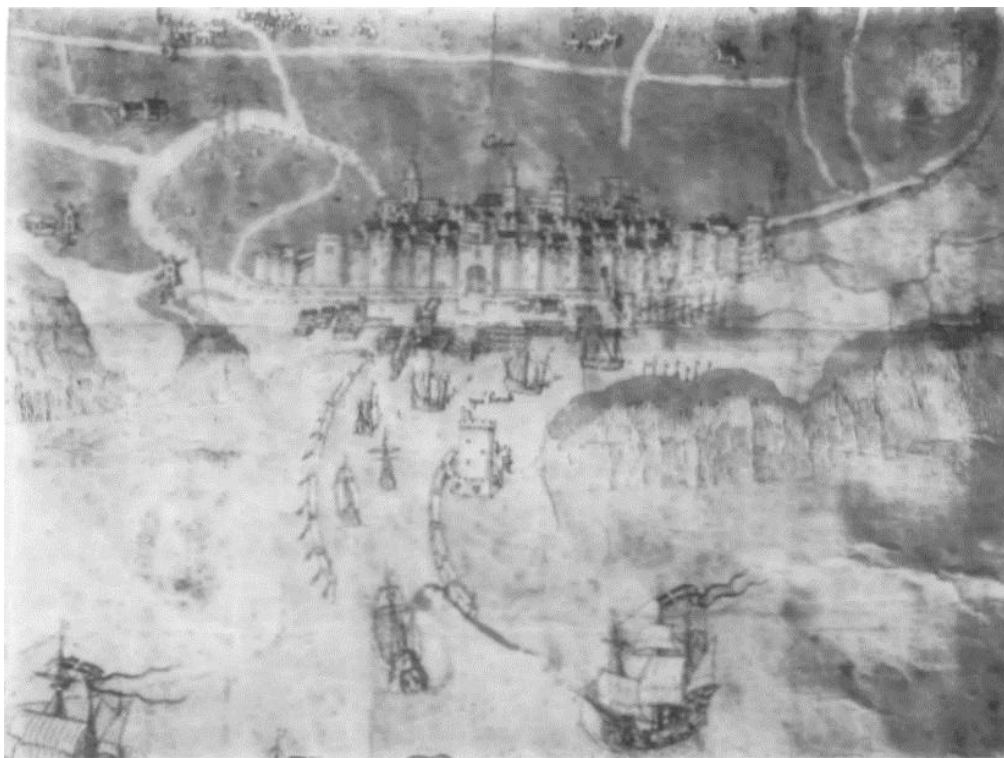
But they of Holonde at Calyse byene oure felles,
И наши волки, что англичане продают...
И мы с брабанских мартисов взимали плату.
Одежду англичан, полный годе и фейр, чтобы сесть,
Wee bene ageyne charged wyth mercerye

Haburdasshere ware and wyth grocerye,
To whyche martis, that Englisshe men call feyres
Iche nacion ofte makethe here repayeres,
Englysshe and Frensh, Lumbards, Januayes [Genoese],
Каталонцы, те, что идут по этому пути,
Scottes, Spaynardes, Iresshmen there abydes,
Wythe grete plente bringing of salt hydes,
И я говорю, что мы в Брабане живем,
Flaunders and Seland, we bye more marchaundy
В общем пользовании, чем все другие нации;
Вот что я знаю о связях маршалов,
И если англичане не в мартисе,
Они в фебеле и как ни в чем не бывало расходятся;
Ибо они больше и больше кошелька ставят.
Больше маршалов, чем всех других рядов. 63

Ярмарки проводились в разное время в разных местах, но в течение года существовало четыре больших ярмарочных сезона, соответствующих четырем временам года.[64] Зимой была Холодная ярмарка, на которую Томас Бетсон ездил, закутавшись в меха, и копыта его лошади звенели на морозных дорогах; весной - Паск (*Паск*, Пасха), когда он весело насвистывал и засовывал в шапку фиалку; Летом, в день святого Иоанна Крестителя, был Синксон, когда ему было жарко, он утирал лоб и покупал у генуэзца в антверпенской лавке рулон таунированного атласа или шелка из Лукки для Катерины; А осенью, в день святого Реми, которого фламандцы называют святым Бамисом (28 октября), он покупал у Гансардов на их ярмарке в Брюгге мех бадьи или норки или мантию из тонких черных голенищ. Именно на этих ярмарках купцы из Штапеля, переезжая с места на место, чтобы встретить покупателей своей шерсти, выполняли сотню мелких поручений для своих друзей, ибо люди дома были склонны думать, что Штаплеры существуют для того, чтобы выполнять за них поручения за границей и посылать им подарки. Одному нужна была пара лувенских перчаток, другому - буханка сахара, третьему - трубка гасконского вина ("Там оно дешевле, дорогая"), четвертому - ярд-другой голландского сукна; имбирь и шафран всегда были желанны, и их можно было купить у венецианцев, которых Сели называли "хангысянами". Затем, разумеется, нужно было сделать покупки для бизнеса, например, нитки из Кале и холст из Арраса, Бретани или Нормандии для упаковки тюков с шерстью.[Что касается Сели, то Томас Бетсон был склонен говорить, что их разговоры сводились к спорту и покупке ястребов, за исключением одного мрачного случая, когда Джордж Сели проскакал десять миль в молчании, а затем признался ему, что в Англии его серая сука отелилась и родила четырнадцать щенков, а потом умерла, и щенки вместе с ней[66].

Между счетной палатой в Кале и ярмарками и базарами страны Томас Бетсон продавал свою шерсть и пал. Но на этом его труды не заканчивались, ведь теперь ему предстояло заняться сложным делом - собирать деньги со своих клиентов, фламандских купцов, и за счет них расплачиваться с кредиторами в Англии, торговцами шерстью из Котсуолда. У шивателей было принято расплачиваться за шерсть векселями, подлежащими оплате, как правило, через шесть месяцев, и Томасу Бетсону пришлось бы нелегко, если бы иностранные покупатели задерживали с оплатой. Кроме того, его трудности немислимо осложнялись биржей. Нам кажется, что сегодня мы знаем кое-что о сложностях разнообразных и колеблющихся бирж, но мы вряд ли можем представить себе сложные расчеты и постоянные

споры, которые ломали голову торговцу скребками в XV веке. Мало того, что курсы между Англией и континентом постоянно менялись, но, как отмечает редактор "Бумаг Сели", "количество всевозможных правителей, претендовавших на привилегию выпускать свою собственную монету, и зачастую подозрительный характер того, что они выдавали за золото и серебро, затрудняли дело корректировки стоимости для Сели, которые, очевидно, были вынуждены брать то, что могли получить. Представьте себе трудности бедного Томаса Бетсона, когда в его кассу поочередно забредали андреевский гульден из Шотландии, гульден Арнольда из Гельдреса (сильно обесцененный), карольский круп Карла Бургундского, новые и старые короны Франции, давид и фалев епископства Утрехтского, хеттинский круп графов Вестфалии, Леве или французский Людовик д'Ор, лимбургская крупа, миланская крупа, нимугенская крупа, фелипп или Филипп д'Ор Брабантский, утрехтские дощечки, постлаты различных епископов, английский риалл (стоимостью десять шиллингов), шотландский всадник или всадник Бургундии (названный так потому, что на нем изображен человек на коне), флорин ренау Кёльнского епископства и сетилеры.[68] Он должен был знать стоимость всех этих денег в английских деньгах, поскольку они были установлены на время Братством, а большинство из них обесценились до неузнаваемости. Действительно, английские деньги пользовались в этом отношении завидной доброй славой, пока Генрих VIII не начал дебетовать монету в своих гнусных целях. Письма Сели полны тревожных упоминаний об обмене, и нам стоит пожалеть Томаса Бетсона. Но, несомненно, он был похож на бородатого купца Чоцепа: "Wel koude he in exchange sheeldes [French crowns] selle".

VII. КАЛЕ ВО ВРЕМЕНА ТОМАСА БЕТСОНА.

Для осуществления платежей между Англией и Нидерландами сшиватели использовали прекрасные банковские учреждения и кредитные инструменты (векселя и т. д.), которые предоставляли в их распоряжение итальянские и испанские купцы, а также английские мерсеры, совмещавшие торговлю с финансовыми операциями. Так, например, Уильям Сели пишет своим хозяевам:

VIII. ДОМ ТОМАСА ПАЙКОКА В КОГГЕШОЛЛЕ.

Прошу ваши светлости понять, что я получил от Джона Делопписа в счет оплаты векселя, присланного мне Адлингтоном, 300 фунтов флемингов, из которых я заплатил Гинотту Страбанту 84 фунта 6 *шиллингов. 6d. fleming*. Пункт, я передал вам путем обмена с Бенингом Декасонном, лангобардом, 180 дворян стерлингов, подлежащих уплате в улан. Я поставил его за 11 с. 2-1/2 д. флеминга за дворянина, это составляет 100 фунтов 17 *шиллингов. 6d. fleming*. Пункт, я передал вам путем обмена с Якобом ван де Басом 89 дворян и 6 с. стерлингов, подлежащих уплате в Лондоне при узуфрукте в том же порядке; я передал их по 11 с. 2 д. флиминга за каждый дворянский стерлинг; это составляет 50 флимингов, а остальные 300 фунтов стерлингов остаются у меня, ибо я не могу больше их вам выдать в это время, так как здесь нет больше никого, кто бы взял деньги. А деньги на бирже сейчас идут по 11s. 3-1/2 д. за благородный и никаких других денег, кроме нимугенской крупы, крон, андреевских гульденов и рейнских гульденов, и обмен идет все хуже и хуже. К этому письму я прилагаю два первых письма об оплате вышеупомянутого обмена. Письмо Бенинга Декасона адресовано Габриэлю Дефуйе и Питеру Санли, генуэзцам, а письмо Якоба ван де Басе - Антони Карси и Марси Стросси, испанцам; на Ломбард-стрит вы о них услышите"[69].

Неделю спустя он пишет:

Как я понимаю, ваши светлости взяли путем обмена у Джона Рейнольда, мерсера, 60 фунтов стерлингов, подлежащих выплате 25 числа месяца, и у Деаго Декастроны [Диего да Кастро, испанец] еще 60 фунтов стерлингов, подлежащих выплате 26 числа того же месяца, чем оба будут довольны в тот день; что касается мастера Льюиса Мора, Ломбарда, то [он] заплачен, и у меня есть вексель; его поверенный - сварливый парень, он не хочет других денег, кроме нимуэгенской крупы[70].

Немало писем, подобных этому, написал Томас Бетсон в своих домиках, засиживаясь над работой допоздна, так что ему приходилось писать друзьям, когда он должен был спать, и датировать свои письма: "В Лондоне, в день нашей леди, ночью, когда, как я полагаю, вы были в своей постели, ибо у меня болели глаза, да поможет мне Бог"[71] А когда он пришел, чтобы составить свои годовые счета, ему предстояла самая тяжелая работа из всех. Вот его портрет за работой:

На третий день поднимается этот купец,
И на его плечах грустно, и он просыпается,
И в дом свой он идет,
Чтоб с собою покончить, как может,
О том, как он с гимном стоял,
И как он пренебрег своим добром,
И если он был зажатым или полуденным.
Его книги и его сумки, много оонов,
Он на своем графском борту бифиформный гимн читал.
Ful riche was his tresor and his hord,
За что и постился он в своем графстве;
И он не хотел, чтобы кто-либо из людей хранил гимн.
О его счетах, в течение всего времени;
И так он сидел до тех пор, пока это не прошло мимо меня"[72].

Так проходила жизнь купца из Стейпла: в поездках за шерстью на фермы Котсуолда; в делах в счетных палатах на Маркс-лейн; в плаваниях из Лондона в Кале и из Кале в Лондон; в сделках с незнакомыми купцами на мартене в Кале или в поездках на мартены Фландрии в светлое время. Великая компания давала ему приют, устраивала его жилье, следила за качеством его шерсти, устанавливала правила купли-продажи и следила за тем, чтобы в ее суде вершилось правосудие. Именно в этой обстановке тяжелой и вместе с тем интересной работы история любви Томаса Бетсона переросла в счастливый брак. Ему не суждено было прожить долго после выздоровления от тяжелой болезни 1479 года; возможно, она навсегда оставила его слабым, так как он умер примерно через шесть лет, в 1486 году. За семь лет супружеской жизни (начавшейся, напомним, в пятнадцать лет) прилежная Кэтрин родила ему пятерых детей: двух сыновей, Томаса и Джона, и трех дочерей, Элизабет, Агнес и Алису. К счастью, Томас умер очень безбедно, о чем сообщает его завещание (до сих пор хранящееся в Сомерсет-Хаусе). Он стал членом Компании рыботорговцев, а также торговцем скребками, поскольку к его времени крупные городские компании уже не ограничивались лицами, действительно занятыми в торговле, которую каждая из них представляла. В своем завещании[73] Томас Бетсон оставляет деньги на ремонт мансарды в приходской церкви Всех Святых в Баркинге, где он был похоронен, а также "тридцать фунтов на возведение часовни в церкви Богоматери в Кале, чтобы купить какую-нибудь драгоценность", и двадцать фунтов "Рыботорговцам" на покупку тарелок. Он назначает последнюю компанию опекуном своих детей, оставляет свой дом жене и наследство в 40 с. Томасу Хенхему, своему коллеге по службе в Стоноре, и, что характерно, дает указания "чтобы расходы на мое погребение не

были возмутительными, но трезвыми и сдержанными и в средней [умеренной, средней] манере, чтобы это было во славу и во славу Всемогущего Бога". Кэтрин, вдова с пятью детьми в возрасте двадцати двух лет, вышла замуж за своего второго мужа Уильяма Уэлбека, галантерейщика (галантерейщики были богатой компанией), от которого у нее родился еще один сын. Но сердце ее осталось с мужем, который написал ей первое игривое любовное письмо, когда она была еще ребенком, и после смерти в 1510 году она распорядилась, чтобы ее положили рядом с Томасом Бетсоном в Олл-Холлоуз, Баркинг, где под медью до сих пор лежат три степлера, хотя от него не осталось и следа^[74]. Пусть они лежат, давно забытые, но достойные памяти, чем многие закованные в броню рыцари, которые спят под резными гробницами в наших прекрасных средневековых церквях.

Гирлянды увяли на вашем челе;
Не хвастайтесь больше своими могучими делами!
На пурпурном алтаре смерти
Смотрите, где проливается кровь победителя и жертвы.
Ваши головы должны прийти
В холодную могилу:
Лишь деяния праведных
Пахнут сладко и цветут в прахе.

ГЛАВА VII

Томас Пейкок из Коггесхолла

ЭССЕКСКИЙ СУКОНЩИК ВО ВРЕМЕНА ГЕНРИХА VII

Это был галантный суконщик.
Чья слава будет жить вечно.
--ТОМАС ДЕЛНИ

Великое и благородное ремесло суконщика оставило множество следов в жизни Англии - архитектурных, литературных и социальных. Оно наполнило нашу сельскую местность великолепными церквями в стиле перпендикуляр и изящными домами с дубовыми балками. Она наполнила нашу популярную литературу старыми сказками о достойных людях Англии, в которых суконщики Томас из Рединга и Джек из Ньюбери потирают локти с монахом Бэконом

и Робин Гудом. Оно наполнило наши графства джентльменами; ведь, как заметил Дефо в начале XVIII века, "многие из великих семей, которые сейчас считаются дворянством в западных графствах, были первоначально образованы и созданы этим поистине благородным производством". Оно наполнило наши списки переписи фамилиями - Уивер, Веббер, Вебб, Шерман, Фуллер, Уокер, Дайер - и дало каждой незамужней женщине звание пряжи. И с тех пор, как суконная торговля вытеснила шерстяную в качестве основной экспортной торговли Англии, и до тех пор, пока ее в свою очередь не вытеснили железо и хлопок, она была основой торгового величия Англии. "Среди всех ремесел, - говорит старый Делони, - это было единственным главным, потому что это был величайший товар, благодаря которому наша страна прославилась на весь мир"[1].

Уже к концу четырнадцатого века английские суконщики начали соперничать с голландскими в изготовлении тонких тканей, как свидетельствует "Жена из Бата" Чосера:

В сукноделии она побывала
Она прошла подол Ипра и Гонта,

И к концу шестнадцатого века все реальное соперничество прекратилось, ведь английская мануфактура одерживала столь явную победу. С развитием мануфактуры произошли изменения и в ее организации. Это производство никогда не было легко организовать по принципу гильдии, поскольку изготовление куска ткани включало в себя множество различных процессов. Предварительные процессы прядения и чесания всегда были подсобными производствами, которые выполнялись женщинами и детьми в их коттеджах; но ткачи, которые покупали пряжу, имели свою гильдию; так же как и набивщики, которые набивали ее; так же как и стригали, которые отделявали ее; так же как и красильщики, которые окрашивали ее. Все они не могли продать готовый кусок ткани, и в группе взаимозависимых ремесел, каждое из которых имело свою гильдию, мы иногда видим, что ткачи нанимают фурманов, а иногда фурманы - ткачей. Более того, поскольку ткачество - процесс гораздо более быстрый, чем прядение, ткач часто терял много времени и с трудом собирал достаточно пряжи, чтобы поддерживать свой станок в рабочем состоянии; а поскольку рынок тканей становился все шире и уже не ограничивался городом ткача, возникла необходимость в посреднике, который специализировался бы на продаже готовых тканей. Так постепенно сформировался класс людей, которые скупали шерсть в больших количествах и продавали ее ткачам, а затем естественным образом стали не продавать шерсть прямо, а сдавать ее ткачам для ткачества, набивщикам для набивки и пастухам для отделки за определенную плату, получая ее обратно по окончании работы. Эти люди разбогатели, сколотили капитал, могли заставить работать многих людей. Вскоре они стали привлекать к работе всех различных рабочих, которые вместе делали кусок ткани; их слуги носили шерсть в коттеджи, чтобы женщины чесали и пряли; пряжу поочередно несли красильщикам, ткачам, сукновалам, стригаям; а готовый кусок ткани возвращался к промышленному посреднику - суконщику, как его называли, - который, в свою очередь, передавал его торговому посреднику, называемому драпировщиком. Суконщики быстро росли в богатстве и значении, а в некоторых частях страны стали основой среднего класса. Они продолжали свою деятельность в сельских деревнях, а не в старых корпоративных городах, поскольку хотели избежать ограничений гильдий, и постепенно суконная промышленность почти полностью переместилась в деревню. На западе Англии и в Восточной Англии (но не в Йоркшире) оно осуществлялось суконщиками по этой системе "выставления" вплоть до того момента, когда промышленная революция вымела его из коттеджей на фабрики и с юга на север. Тогда процветающие деревни опустели, так что

сегодня нам приходится заново воссоздавать по разбросанным следам, старым зданиям и еще более старым именам некогда знакомые фигуры суконщика из Восточной Англии и его стаи занятых рабочих.

Такой знакомой фигурой был старый Томас Пэйкок, суконщик из Коггешолла в Эссексе, умерший в преклонных годах и с честью в 1518 году. Его семья происходила из Клэра в Саффолке, но примерно в середине пятнадцатого века одна из ветвей обосновалась в Коггешолле, деревне неподалеку. Его дед и отец, судя по всему, были мясниками, но он, его брат и их потомки после них занялись "поистине благородным делом" - производством сукна, и оставили неизгладимый след в деревне, где они жили. Коггешолл находится в великом суконном районе Эссекса, о котором Фуллер писал: "Это графство характеризуется как Вифсавия: "Она прикладывает руку к веретену, а ее руки держат дистаф"...". Не лишним будет помолиться о том, чтобы плуг шел вперед, а колесо крутилось, чтобы (будучи накормлен одним и одет другим) не было, по благословению Божьему, опасности голода в нашем народе[2] По всему Эссексу располагались деревни, славившиеся производством тканей: Коггешолл и Брейнтри, Бокинг и Холстед, Шалфорд и Дедхэм, и прежде всего Колчестер, великий центр и торговый центр этой торговли. Деревни процветали благодаря этому ремеслу, и не было ни одного коттеджа, где бы не гудели прялки, ни одной улицы, где не было бы мастерских ткачей, кухонь, где у стены стоял грубый ткацкий станок, чтобы занять рабочее время хозяина. Не проходило и недели, чтобы на разбросанных улицах не слышался топот вьючных лошадей, привозивших новые запасы шерсти для обработки и отвозивших куски ткани суконщикам Колчестера и окрестных деревень. На протяжении всего пятнадцатого века Коггешолл был важным центром, уступая лишь таким крупным городам, как Норвич, Колчестер и Садбери, и по сей день два его трактира называются "Шерстяной мешок" и "Руна". Как я уже сказал, мы должны составить портрет Томаса Пейкока и его соратников по разрозненным следам; но, к счастью, такие следы встречаются во многих английских деревнях, а в самом Коггешолле они лежат перед нами наготове. Из трех вещей его можно оживить - это его дом на деревенской улице, фамильные медные часы в приделе деревенской церкви и его завещание, хранящееся в Сомерсет-Хаусе. Дом, медь, завещание - казалось бы, мелочь, но в них заключена вся его история. Это величайшая ошибка - полагать, что история должна быть обязательно записана; ведь с таким же успехом она может быть и построена, а церкви, дома, мосты или амфитеатры могут рассказать свою историю так же ясно, как печатные издания для тех, у кого есть глаза, чтобы читать. Римская вилла, раскопанная после того, как она пролежала несколько веков под каблуком нечаянного пахаря, - эта вилла с ее просторным планом, полами, украшенными мозаичными узорами, сложным отопительным оборудованием и разбитыми вазами - яснее любого учебника показывает истинное значение Римской империи, граждане которой жили вот так на туманном острове на самом краю своего мира. Нормандский замок со рвом и разводным мостом, сторожевой башней и крепостью, щелями для стрел вместо окон красноречивее сотни хроник об опасностях жизни в двенадцатом веке; не так жил частный джентльмен во времена Рима. Загородное поместье XIV века, с внутренним двором, часовней, залом и голубятней, говорит об эпохе мира, когда жизнь в тысяче маленьких поместий вращалась вокруг лорда, а огромная масса англичан не пострадала от Столетней войны, охватившей честное лицо Франции. Затем в городах и деревнях XV века появляются богато украшенные перпендикулярные дома купцов, стоящие у дороги, с садами за ними, резными балками, большими каминами и общей атмосферой комфорта; они знаменуют появление нового класса в английской истории - среднего класса, оказавшегося между лордом и крестьянином и идущего к своей цели. Как просторные дни великой Елизаветы отражаются в прекрасных елизаветинских домах, с их широкими крыльями и большими комнатами, дымоходами, стеклянными окнами, выходящими на открытые парки и раскидистые деревья,

а не внутрь замкнутого двора. Или зайдите в дом, построенный или переделанный в XVIII веке, где вы увидите стулья Чиппендейла, лаковые столы и китайские обои с пагодами и мандаринами ; И, конечно, перед вашим взором предстанет век набобов, век, когда Джон Компани познакомился с товарами Дальнего Востока, век, когда чай вытеснил кофе в качестве напитка модного джентльмена, когда Гораций Уолпол коллекционировал фарфор, Оливер Голдсмит идеализировал Китай в "Гражданине мира", а доктора Джонсона называли Великим Чамом литературы. Взгляните на эту картину и на эту: посмотрите на ряд домов, построенных на скорую руку, сто в ряд и все совершенно одинаковые, на эту виллу нового искусства, вся крыша и почти ни одного окна, с фальшивым бутылочным стеклом в стеклах; вот вам и двадцатый век. Действительно, вся социальная и большая часть политической истории Англии может быть реконструирована на основе одной только архитектуры; и поэтому я не приношу никаких извинений за то, что назвал дом Томаса Пейкока первоклассным историческим свидетельством.

К тому же типу, хотя и менее интересному, относятся свидетельства монументальных латуней, которые можно найти в большинстве районов Англии и в изобилии в Восточной Англии, графствах и долине Темзы.[3] Их разнообразие великолепно: латунные изображения церковников в облачениях, докторов права и богословия, мастеров искусств в академической одежде, а также нескольких аббатов и аббатис; латунные изображения рыцарей в доспехах; латунные изображения дам с маленькими собачками у ног и в платьях, которые показывают изменения моды от века к веку и проясняют все тайны киртлов и коттехарди, вимплов и партлетов, фартингалов и головных уборов, соответствующих каждой последующей моде. Латунь, как и дома, свидетельствует о процветании среднего класса, ведь в XIV веке, когда купцы начали строить себе прекрасные дома, они также стали хоронить себя под великолепной латунью. Самыми изящными, пожалуй, являются латунные фигуры сшивателей шерсти, ногами опирающихся на шерстяной мешок или овцу; но есть и много других купцов. Мэры и олдермены - в изобилии; они ставят на своих могилах купеческие знаки с такой же гордостью, как джентльмены - свои гербы, и у них действительно есть не меньший повод для гордости. Вы можете увидеть их в самом гордом виде на знаменитой латуни в Линне, где Роберт Бранч лежит между двумя своими женами, а у его ног вырезана сцена, изображающая пир, на котором он королевски принимал Эдуарда III и кормил его павлинами. В Нортличе есть портной со своими ножницами, такими же славными, как меч крестоносца, а в Чиренчестере - виноторговец, поставивший ноги на бочку с вином. Есть и более мелкие люди, не столь обремененные богатством, но достаточно гордые орудиями своего ремесла: два или три государственных нотариуса с перочинным рогом и пеналом в комплекте, егерь с рогом, а в церкви Ньюленда - один из свободных шахтеров леса Дин, в шапке и кожаных бриджах, подвязанных ниже колена, с деревянной мотыгой через плечо, с маленькой мотыгой в правой руке и подсвечником между зубами. Подобные исторические свидетельства помогут нам в деле Томаса Пейкока. Его фамильные медные часы были установлены в северном нефе приходской церкви Святого Петра Ад Винкула. Несколько из них исчезли за последние полтора века, и, к сожалению, не сохранилось ни одной латуни самого Томаса; но в нефе до сих пор стоят две - латунь его брата Джона, умершего в 1533 году, и жены Джона, и латунь его племянника, другого Томаса, умершего в 1580 году; на ней все еще можно увидеть клеймо купца.

Наконец, есть свидетельства завещаний Пейкоков, три из которых хранятся в Сомерсет-Хаусе: завещание Джона Пейкока (ум. 1505), отца Томаса и строителя дома; завещание самого Томаса Пейкока (ум. 1518); и завещание его племянника Томаса, того самого, чья медь лежит в нефе и который оставил длинное и великолепно подробное завещание, полное информации по местной истории и организации суконной промышленности. Социальные

историки до сих пор не использовали свидетельства завещаний в той мере, в какой могли бы. В то, что из них можно почерпнуть огромное количество разнообразной информации о жизни наших предков, могут поверить разве что те, кто перелистывал страницы такого сборника, как великий *Testamenta Eboracensia*. 4] В завещаниях можно увидеть, сколько дочерей мог получить в собственность мужчина, сколько он отдал в женский монастырь, какое образование он обеспечил своим сыновьям. Можно отметить, какие религиозные дома были наиболее популярны, у каких мужчин были книги и что это были за книги, какую часть своих денег они считали нужным оставлять на благотворительные цели и что они думали о деловых способностях своих жен. Вы можете прочитать длинные и ослепительные списки семейной посуды, где все любимые чашки и блюда имеют собственные имена, а также кольца, броши, пояса и четки. Есть подробные описания платьев и мехов, иногда великолепных, иногда обычных, ведь люди относились к своим богатым нарядам так же бережно, как к драгоценностям. Еще более замечательны описания кроватей со всем их постельным бельем и навесами, ведь кровать была очень ценным предметом мебели и часто, судя по завещаниям, должна была быть действительно блестящей и красивой; Шекспир заслужил много незаслуженной клеветы за то, что оставил Энн Хатауэй свою вторую по качеству кровать, хотя нельзя отрицать, что он мог оставить ей свою первую по качеству. Еще красивее, чем наряды и покрывала, парчовые и вышитые одеяния, упоминаемые в завещаниях, и чрезвычайно интересны тщательно продуманные приготовления к похоронным церемониям. Завещания бывают самые разные: есть даже завещания холопов, хотя теоретически владения холопа принадлежали его господину, а есть завещания королей и королев, лордов и леди, епископов и парсонов, адвокатов и лавочников. Здесь также можно найти множество свидетельств социального процветания среднего класса, подробные сведения об их торговле, содержимом их магазинов, описях их домов, их поместьях (иногда) в деревне, их аренде домов (почти всегда) в городе, их комодах, украшенных тарелками, и украшениях их жен, их подмастерьях и их золотых изделиях, их филантропии, их браках с дворянами, их религиозных взглядах. Такую живую картину повседневной жизни дают нам завещания мужчин.

Итак, вот три источника, из которых можно почерпнуть сведения о жизни и временах Томаса Пейкока. Все три источника - дома, медь и завещания - содержат множество свидетельств все более быстрого роста в течение последних двух веков Средневековья многочисленного и процветающего среднего класса, чье богатство основывалось не на земельной собственности, а на промышленности и торговле. Это класс, типичными примерами которого мы уже познакомились с Томасом Бетсоном и безымянным Парижским Менеджером, и теперь мы должны посмотреть, что его дом, его завещание и его семейные латуни говорят нам о суконщике Томасе Пейкоке. Прежде всего, они многое говорят нам о благородной промышленности, которая его поддерживала. Дом Пейкока полон реликвий суконной промышленности. Купеческий знак Пейкоков - горностаевый хвост, похожий на двухстебельный клеверный лист, - можно найти на резных балках дымохода, на грудках каминов и в середине полосы резьбы вдоль фасада дома. Таким образом Томас помечал свои тюки с тканями, а какие еще гербовые знаки ему были нужны? Весь дом, по сути, относится к среднему классу - дом человека, который был *нуворишем* в эпоху, когда быть *нуворишем* было еще не вульгарно. Его процветание вылилось в изысканный декор. По фасаду дома проходит полоса резьбы, от изогнутого стебля которой ответвляются сотни очаровательных приспособлений - листья, усики, диких цветов, человеческие головы, тюдоровские розы, коронованные король и королева, лежащие рука об руку, младенец, ныряющий толстыми ножками в чашу арум-лилии, а посередине - купеческий знак на щите и инициалы хозяина дома. В зале - прекрасный потолок из резного дуба, чрезвычайно сложной работы, на котором через определенные промежутки снова изображен купеческий

знак. Наверху, в большой спальне, - потолок из балок, украшенный смелыми валиками; там же - изысканная маленькая гостиная, обшитая льняными складками, с бра, украшенными резьбой в виде диковинных животных. Такая проработка характерна. Она созвучна церкви Коггешолла и всем другим просторным восточно-английским церквям - Лэвенхэм, Лонг-Мелфорд, Такстед, Саффрон-Уолден, Линн, Снеттишем, - возвышенным и просторным, которые суконщики строили на свои вновь нажитые богатства. Характерна сама архитектура - опять же *нувориши*, как и те, кто за нее заплатил: сложный орнамент и роскошные детали перпендикулярного стиля сменились простым величием раннеанглийского. Это именно та архитектура, за которую заплатил бы купец с состоянием. Представители среднего класса любили показуху за свои деньги, но опять же это была показуха без вульгарности богатства. Глядя на свой прекрасный дом или поклоняясь рядом с семейными гробницами с клеймом купца на меди в приделе Святой Катерины, Томас Пейкок, должно быть, часто благословлял благородную промышленность, которая его поддерживала.

Завещания Пэйкоков рассказывают ту же историю. Кому, кроме своей семьи, Томас оставил наследство, как не добрым жителям окрестностей, которые работали на него. Вот семья Гуддеев с веселой фамилией, двое из которых были шemenщиками, или отделочниками тканей, и имели значительные дары. "Я завещаю Томасу Гуддею Шерману xx с. и его детям iij с. iiij d. в год. Эдварду Гуддею Шерману я завещаю xvj s. viij d., а его ребенку iij s. iiij d. Он также оставил деньги Роберту Гуддею из Сампфорда, брату Роберта Джону и каждой из сестер Роберта, а также кое-что для Грейс, которая была его крестницей; не забыл он и Николаса Гуддея из Стистеда и Роберта Гуддея из Коггешолла и их семьи, а также их родственника Джона, который был священником и имел десять шиллингов за трентал. Все эти Гуддеи, несомненно, были связаны с Томасом Пейкоком не только дружескими, но и трудовыми узами. Они принадлежали к известной семье Коггесхолл, на протяжении многих поколений связанной с суконной промышленностью. Однофамилец и внучатый племянник Томаса Пейкока, чье завещание датировано 1580 годом, все еще поддерживал с ними тесные отношения и оставил "Эдварду Гуддею, моему крестнику, четыре шиллинга и всем братьям и сестрам, с которыми Эдвард живет во время моей смерти, по десять шиллингов за штуку", а также "Уильяму Гуддею, старшему, десять шиллингов". Сегодняшнее торопливое, рассеянное поколение с трудом может представить себе незыблемую стабильность деревни прошлых веков, когда поколение за поколением росло от колыбели до могилы в одних и тех же домах, на одних и тех же мощеных улицах, а люди с одинаковыми именами оставались друзьями, как до них были их отцы и деды.

Другие друзья и сотрудники Томаса Пейкока также получили свое наследство. Он оставил 6 с. 8 d. Хамфри Стонору, "моему помощнику". Мы можем представить себе Хамфри Стонора с сонными глазами, спускающегося морозным утром по лестнице с огромных чердаков со стропилами, где, возможно, спали "преподы". Он, несомненно, находился в дерзких дружеских отношениях с ткачами и набивщиками, которых его хозяин привлек к работе; при этом он был молодым человеком из хорошей семьи, возможно, родственником тех Стоноров, на которых работал Томас Бетсон, поскольку, как писал Делони, "младшие сыновья рыцарей и джентльменов, которым их отцы не оставили земель, чаще всего предпочитали учиться этому ремеслу, чтобы таким образом жить в хорошем состоянии и проводить свои дни в процветании". Двое из его друзей получили значительное наследство; очевидно, Томас Пейкок одолжил им денег и хотел списать долг после смерти, поскольку, говорится в завещании, "я завещаю Джону Бейчаму, моему вейверу, v li и [т.е. если] будет столько битвен vs и эллов, чтобы сделать его vp v li, и gowne и doublett..... Я завещаю и прощаю Роберту Тейлору, фуллеру, все, что находится между ними, и даже больше, я даю ему iij s. iiij d.". Другие завещания еще яснее показывают, что его деятельность была более масштабной. "Я

завещаю всем моим виверам, фуллерам и шерменам, которые не были раньше названы по имени, xij d. апесе, и пусть те, кто сделал мне очень много работы, получают iij s. iiij d. апесе. Item, I bequethe to be distributed among my Kembers, Carders and Spynners summa iiij li." [5] Вот все отрасли суконной промышленности с первого взгляда. Томас Пейкок, суконщик, вокруг которого вращается вся мануфактура. Он отдает шерсть женщинам, чтобы те расчесывали ее, чесали и пряли; он снова получает ее от них и отдает ткачу, чтобы тот соткал из нее полотно; он отдает полотно фулеру, чтобы тот его набил, и красильщику, чтобы тот его покрасил; а получив его в готовом виде, он делает из него дюжины и отправляет их оптовому торговцу, драпировщику, который их продает; возможно, ему было угодно отправить их тому самому "Томасу Перпойнту, драпировщику", которого он называет "мой козин" и делает своим душеприказчиком. Вся повседневная деятельность Томаса Пейкока отражена в его завещании. В год своей смерти он все еще нанимал большое количество рабочих и находился с ними в дружеских и благожелательных отношениях. Строительство дома не означало его отхода от дел, как это случилось, когда другой великий суконщик, Томас Долман, бросил сукноделие, и ткачи Ньюбери стали сетовать:

Господи, помилуй нас, несчастных грешников!

Томас Долман построил новый дом и отверг всех своих прядильщиков [6].

Отношения между Пэйкоком и его работниками, отраженные в завещании, можно назвать счастливыми. Так было не всегда, ведь если суконщики этой эпохи обладали некоторыми достоинствами капиталистов, то им были присущи и многие их пороки, а извечная борьба капитала и труда уже была хорошо развита в пятнадцатом веке. Завещание Пейкока не сообщает нам одну деталь, которую мы были бы рады узнать: нанимал ли он только домашних ткачей, работавших в своих домах, или же держал некоторое количество ткацких станков в своем доме? Для того времени, когда он жил, было характерно то, что среди новой системы работы на дому возникло нечто вроде миниатюрной фабрики. Суконщики начали устанавливать ткацкие станки в своих домах и работать на них подмастерьями; как правило, независимым ткачам эта практика очень не нравилась, поскольку либо они были вынуждены из положения свободных хозяев превращаться в наемных слуг, обязанных идти работать в ткацкую мастерскую суконщика, либо их оплата снижалась из-за конкуренции с подмастерьями. Кроме того, суконщики иногда владели станками и сдавали их в аренду своим работникам, и тогда также терялась часть производственной независимости ткача. Всю первую половину XVI века ткачи суконных районов не переставали обращаться в парламент с петициями против этого нового зла - капитализма. Как будто задолго до того, как он утвердился в Англии, они предвидели фабричную систему и то, что рабочий больше не будет владеть ни сырьем, ни инструментом, ни мастерской, ни продуктами своей промышленности, а только своим трудом; мастер-ткач превратится в наемного работника. Безусловно, такая практика распространялась в Эссексе, где через двадцать лет после смерти Томаса Пейкока ткачи подали петицию против суконщиков, у которых были свои ткацкие станки, ткачи и набойщики в собственных домах, так что просители оказались без средств к существованию; "ибо богатые люди, суконщики, заключили и договорились между собой держать и платить одну цену за ткачество упомянутых тканей", - цену слишком малую, чтобы содержать свои хозяйства, даже если бы они работали день и ночь, праздник и рабочий день, так что многие из них потеряли свою независимость и превратились в чужих слуг. [7] Тем не менее, система надомного труда оставалась наиболее распространенной, и, без сомнения, большинство рабочих Пейкока жили в собственных коттеджах, хотя вполне вероятно, что у него в доме было несколько станков, возможно, в длинной низкой комнате сзади, которая, как традиционно считается, использовалась для ткачества, а может быть, в сарае или "прядильне".

Весьма идиллическая картина работы на одной из таких миниатюрных фабрик, которую мы можем позабавить себя, применив к фабрике Томаса Пейкока, содержится в книге Делони *"Приятная история Джека из Ньюбери"*. Джек из Ньюбери - исторический персонаж, очень известный суконщик по имени Джон Уинчкомб, который умер в Ньюбери всего на год позже самого Пэйкока и о котором Пэйкок наверняка слышал, ведь его керси были знамениты на континенте, а старина Фуллер, прославивший его в своих *"Достоинствах Англии"*, называет его "самым значительным суконщиком (без фантазии и вымысла) Англии, когда-либо виденным".[8] Рассказы о том, как он привел сотню своих учеников на Флодденское поле, как он пировал в своем доме в Ньюбери с королем и королевой, как он построил часть церкви Ньюбери и как он отказался от рыцарского звания, предпочтя "покоиться в своем русоволосом плаще бедным суконщиком до самой смерти", распространялись по Англии, разрастаясь по мере их распространения. В 1597 году Томас Делони, прародитель романа, закрепил их в бессвязной повести, наполовину прозаической, наполовину стихотворной, которая вскоре стала чрезвычайно популярной. Именно из нее мы можем почерпнуть воображаемую картину работы в суконном доме, остерегаясь, однако, помнить, что это преувеличение, легенда, и что великий Джон Уинчкомб, конечно, никогда не имел в своем доме двухсот ткацких станков, а у нашего Томаса Пейкока, вероятно, было не более дюжины. Но поэт должен иметь свою лицензию, ведь, в конце концов, дух баллады - это главное, и всегда приятно отвлечься на рифму:

В одном доме, большом и длинном
стояло двести лумов, полных сил.
Двести человек, правда это,
Работали в этих лумах все в ряд.
Возле каждого из них сидел красивый мальчик.
Сидел, стегая одеяла с нескрываемой радостью,
А в другом месте, неподалеку
Сто женщин веселых
С радостью полной веселились.
Кто пел, сидя с весельем ясным,
И в палате рядом
Двести девиц пребывали,
В юбках красных из Стаммеля,
И молочно-белые керхеры на голове.
Рукава их были похожи на зимний снег.
Что на горах Вестерна стелется,
И каждый рукав шелковой лентой
был завязан на руке.
Эти милые девы никогда не ложились спать.
Но в том месте весь день пряли,
И пряли так, что с войсами встречались
Как соловьи, они сладко пели.
Затем они пришли в другой дом.
Где дети были в бедности;
И каждый сидел, собирая шерсть
Самую лучшую с поля:
Их было семь десятков и десять.
Детей бедных глупых людей:
И эти их труды вознаграждали
Ночью каждый получил по пенни,

Кроме мяса и питья на весь день,
Что было для них чудесным отдыхом.
В другом месте также
Полных пятьдесят достойных мужчин он увидел.
И все они были шереметьевы,
чье мастерство и хитрость были показаны:
И рядом с ними оставалось
Полных четыре десятка гребцов.
Была у него тогда и красильня,
где он держал сорок человек:
И также на его мельнице
Полных двадцать человек он держал еще.
Каждую неделю десять добрых жирных быков он
тратил в своем доме для уверенности,
Кроме хорошего масла, сыра и рыбы.
И много других полезных блюд.
Он держал мясника все годы,
Пивовара для эля и пива;
Пекаря для выпечки хлеба,
Который исправно служил ему на благо.
Five Cookes within his kitchin great
Все годы готовили ему мясо.
Шесть мальчиков-скорняков для своих рук,
чтобы чистить посуду, горшки и сковородки,
А также бедные дети, которые оставались
Чтобы каждый день поворачивать протяжки.
Старик, увидевший это зрелище.
Был сильно поражен, как и положено:
Это был, несомненно, галантный клоачник,
Whose fame forever shall endure.[9]

Личная жизнь Томаса Пейкока, как и его дела, может быть оживлена. О его семье бесценное завещание рассказывает немного. Его первой женой была та самая Маргарет, чьи инициалы вместе с его собственными украшают деревянную отделку дома, и вполне вероятно, что старый Джон Пейкок построил дом для молодой пары на их свадьбу. Должно быть, в тот счастливый день в доме царил веселье, ведь наши предки умели вкладывать душу в свадьбу, а веселая Англия никогда не была веселее, когда жених вел домой невесту. Мы можем снова воспользоваться идиллией Делони, чтобы воссоздать эту сцену:

Невеста была одета в платье из овечьей шерсти и кертл из тонкой шерсти, голова ее была украшена золотым биллиментом, а за спиной висели золотые волосы, расчесанные и плиссированные, как полагалось в те времена; ее вели в церковь между двумя милыми мальчиками, у которых на шелковых рукавах были повязаны уздечки и розмарин. Затем перед ней несли прекрасную чашу невесты из серебра и позолоты, в которой лежала прекрасная ветвь розмарина, позолоченная очень красиво, увешанная шелковыми лентами всех цветов; затем было множество музыкантов, которые играли всю дорогу перед ней; за ней шли все самые главные мэйдены страны, некоторые несли большие пироги невесты, а некоторые гирлянды из пшеницы, тонко позолоченные, и так она дошла до церкви. Мне нет нужды упоминать здесь о новобрачном, который, будучи человеком столь уважаемым, не

нуждался в компании, а также о тех, кто принадлежал к лучшему роду, кроме диуеров Марчантов, чужестранцев из Стилларда, которые приехали из Лондона на свадьбу. Брак был торжественно оформлен, домой они пришли в порядке, как и прежде, и к ужину они пошли, где не было недостатка в хорошем веселье, не было недостатка в мелодии..... Свадьба продолжалась десять дней, к большому облегчению бедняков, живших поблизости[10].

Под красивой резной крышей зала, несомненно, было много танцев, песен, игр, поцелуев и всеобщего веселья. Даже когда жених и невеста удалялись в супружеские покои с резными балками, веселье не заканчивалось; они должны были устроить пир для своих ближайших друзей в самой опочивальне, возвышаясь на большой кровати с балдахинном. В наших предках не было ложной деликатности. Действительно, как говорит Генри Буллингер (он был совсем другим человеком, нежели веселый Делони, но он был современником Пейкока, а Ковердейл переводил его, так что пусть говорит он): "После ужина они приступили к пирушкам и донцам *agaune of the new*. И хотя, не смотря на то, что гуляки, изнывая от скуки и неудобства, приходят к покою, они не могут успокоиться. *For a man shall find unmanerly and restlesse people, that will first go to their chambre dore, and there syng vycious and naughtie balates that the deuell maye haue his triumphe now to the vttermost.*"[11] Чего бы мы не отдали за одну из этих "озорных баллад" сегодня?

Невеста Маргарет, которую после этого веселья привезли домой в Коггешолл, была родом из Клэра, древней родины Коггешоллских Пейкоков. Она была дочерью некоего Томаса Хоррольда, к памяти которого Пейкок сохранил живую привязанность и уважение, поскольку, основывая придел в церкви Коггешолла, он специально пожелал, чтобы он был предназначен для душ его самого и его жены, его матери и отца, а также его тестя, Томаса Хоррольда из Клэра. Он также оставил пять фунтов, на которые его душеприказчики должны были "приобрести другой камень, который будет доставлен в церковь Клэр и положен на мой фейдер в лаве Томаса Хоррольда с его пиктурой и его женой и детьми на нем" (т. е. поминальную медь), а также пять коров или три фунта деньгами в церковь Клэр "для поддержания и поддержания моего фейдера в лаве Томаса Хоррольда в его покое". Он также оставил деньги брату и сестрам своей жены. Маргарет Пейкок умерла раньше мужа и без детей, и единственными молодыми людьми его имени, которых Томас когда-либо видел играющими в его высоком зале или забирающимися на комод, чтобы найти голову, маленькую, как грецкий орех, спрятанную в резьбе потолка, были его племянники и племянницы: Роберт и Маргарет Апчер, дети его сестры; Джон, сын его брата Джона; и Томас, Роберт и Эмма, дети его брата Роберта; возможно, также его маленькая крестница Грейс Гуддей. Возможно, именно в надежде на сына, которому он мог бы оставить свой дом и имя, Томас Пейкок женился снова на девушке по имени Энн Коттон. Она была женой его старости, "Энн, моя добрая жена", и ее присутствие, должно быть, сделало светлым прекрасный дом, тихий и одинокий после смерти Маргарет. Ее отец, Джордж Коттон, упомянут в завещании, а ее братья и сестра, Ричард, Уильям и Элеонора, получили значительное наследство. Но супружеская жизнь Томаса и Энн была недолгой; она принесла ему единственного ребенка, но смерть настигла его еще до его рождения. В своем завещании он тщательно заботится об Энн; она должна получить пятьсот марок стерлингов, и пока она жива, прекрасный дом будет принадлежать ей; к своим тщательно продуманным мерам по его наследованию он добавляет: "При условии, что моя жена Энн будет иметь мой дом, в котором я живу, пока она живет в своем плезири, и мой доф-хаус [голубятня] с садом, в котором он находится". Из-за пробела в записях Пейкока трудно сказать, жил или умер ребенок Томаса Пейкока, но кажется вероятным, что он либо умер, либо был девочкой, поскольку Пейкок завещал дом, если у него не будет наследников мужского пола, своему

племяннику Джону (сыну своего старшего брата Джона), и в 1575 году мы находим его в руках этого Джона Пейкока, в то время как дом по соседству находился в руках другого Томаса Пейкока, сына его брата Роберта. Этот Томас умер около 1580 года, оставив только дочерей, а после него, в 1584 году, умер Джон Пейкок, печально помянутый в приходском регистре как "последний из его имени в Коксолле". Так прекрасный дом перешел из рук большой семьи суконщиков, владевшей им почти сто лет[12].

О личном характере Томаса Пейкока также можно кое-что узнать из его завещания. Очевидно, что он был добрым и благожелательным работодателем, о чем свидетельствует его забота о своих работниках и их детях. Его часто просили стать крестным отцом младенцев из Коггешолла, а в своем завещании он распорядился, чтобы на его погребение и церемонии, которые повторялись на седьмой день и "месяц ум" после него, явились "xxiiij или xij маленьких детей в Рошеттах со светильниками в руках и столько, сколько их может быть, пусть они будут моим крестным ребенком, и у них будет vj s. viij d. apese and euery oder child iiij d. apese ... and also euery god chyld besyde vj s. viij d. apese. Все эти дети, вероятно, были маленькими кормильцами, которых в раннем возрасте нанимали для сортировки шерсти Томаса Пейкока. "Бедные люди, - говорит Томас Делони, - которых Бог благословил большинством детей, с помощью этого занятия так приучали их к порядку, что к шести-семи годам они были в состоянии сами добывать себе хлеб";[13] и когда Дефо ехал из Блэкстоун-Эджа в Галифакс, наблюдая за суконным производством, которое занимало все деревни Вест-Райдинга, одним из главных поводов для его восхищения было то, что "все [были] заняты от самых маленьких до самых старых; почти никто не был старше четырех лет, но его рук было достаточно для его собственного содержания." [14] Занятость детей в том возрасте, который мы считаем чрезмерно ранним, была далеко не новым явлением, появившимся вместе с промышленной революцией.

О том, что у Томаса Пейкока было много друзей не только в Коггешолле, но и в окрестных деревнях, свидетельствует количество его завещаний. Его завещание также свидетельствует о том, что он был человеком с глубокими религиозными чувствами. Он был братом колчестерских монахов-крестоносцев и оставил им после своей смерти пять фунтов, чтобы они молились "за меня и за тех, за кого я обязан молиться". В Средние века в монашеских домах было принято предоставлять привилегию братства дома благотворителям и знатным особам; прием происходил в ходе долгой и тщательно продуманной церемонии, во время которой *консратер* получал поцелуй мира от всех братьев. О том, с каким уважением относились к Томасу Пейкоку в деревне, говорит тот факт, что монахи Крутхеда сделали его братом. Похоже, он питал особую доброту к ордену монахов; он оставил серым монахам Колчестера и монахам Малдона, Челмсфорда и Садбери по десять шиллингов на трентал и 3s. 4 д. на ремонт их домов; а монахам Клэр он оставил двадцать шиллингов за два трентала, "и в Великий пост после моей смерти кадило красного херинга". Он проявлял большой интерес к аббатству Коггесхолл; оно находилось менее чем в миле от его дома, и он, должно быть, часто обедал в штате вместе с аббатом за его гостевым столом в праздничные дни и посещал мессу в церкви аббатства. Он вспоминал аббатство, когда лежал при смерти, и звук его колоколов, звонивших на вечерне, тихо доносился до его окна в мягком сентябрьском воздухе; И он оставил "милорду аббату и монастырю" одну из своих знаменитых широких одежд и четыре фунта деньгами "на то, чтобы дириж и масса и их колокола звонили на моем погребении, когда оно совершается в Чирче, ликбез в вий день и в мун день, с iij tryntalls в тот же день, если они смогут их обслужить, а также когда они смогут более леасурно, Summa x li.'

Его благочестие проявилось и в том, что он завещал церкви Брэдвелла, Паттисвика и Марксхолла, приходов, примыкающих к Коггешоллу, а также Сток-Нейланд, Клэр, Послингфорд, Овингтон и Бошамп-Сент-Полс, расположенные в Эссексе, в районе, откуда первоначально происходили Пайкоки. Но больше всего он, естественно, заботился о церкви Коггешолла. Один из Пейкоков, вероятно, построил северный придел, где алтарь посвящен святой Кэтрин, и все гробницы Пейкоков лежат там. В своем завещании Томас Пейкок указал, что его похоронят перед алтарем святой Екатерины, и сделал следующие подарки церкви: "Item, I bequeth to the high aulter of Coxhall Chirche in recompence of tithes and all oder thyngs forgotten, Summa iiij li. Item, I bequethe to the Tabernacle of the Trenyte at the high awlter and an other of Seint Margarete in seint Katryne Ile, there as the Great Lady stands, for carvyng and gildyng of them summa c. marcs sterlinge. Item, to reparacons of the Chirch and bells and for my lying in the Chirche summa c. nobles. Он также основал там костел и оставил деньги, которые должны были еженедельно выдаваться шести беднякам, чтобы они посещали мессу в его костеле три раза в неделю.

О благочестии и семейной гордости ясно говорят эти завещания религиозным домам и церквям. Другая серия завещаний, имеющая форму, характерную для средневековой благотворительности, свидетельствует, возможно, о привычках Томаса Пейкока. Он, должно быть, часто ездил верхом за границу, чтобы повидаться с людьми, работавшими на него, или навестить друзей в деревнях вокруг Коггешолла; или еще дальше - в Клэр, сначала чтобы увидеть дом своих предков, потом чтобы ухаживать за Маргарет Хорролд, своей невестой, а затем, с Маргарет рядом, чтобы навестить своего любимого тестя. Конечно, шел ли он пешком в церковь в Коггешолле или ехал верхом по проселочным дорогам, он часто вздыхал о состоянии дорог; часто он, должно быть, продирался сквозь потоки грязи зимой или спотыкался о ямы летом; ведь в Средние века забота о дорогах была делом частной или церковной благотворительности, и все дороги, кроме больших магистралей, скорее всего, содержались лишь в безразличном состоянии. Лэнгленд в своем *"Пирсе Пахаре"* упоминает об исправлении "виккед-путей" (под которыми он подразумевает не дурные привычки, а плохие дороги) как об одном из тех дел благотворительности, которые богатые купцы должны совершать ради спасения своих душ. Выбор дорог Томасом Пейкоком, несомненно, отражает множество утомительных путешествий, из которых он возвращался домой забрызганным и раздраженным, под присмотром "Джона Рейнера, моего человека" или "Генри Бриггса, моего слуги", и Маргарет, с тревогой ожидающей его возвращения из своего восточного окна. В своем городе он оставляет не менее сорока фунтов, из которых двадцать фунтов должны были пойти на ремонт участка Вест-стрит (где стоял его дом), а остальные двадцать - "на прокладку дороги между Коксхоллом и Блэкуотером, по которой можно проехать"; он, несомненно, испытал на себе все трудности этой дороги по пути в аббатство. В более отдаленном месте он оставляет двадцать фунтов стерлингов для "дороги, проложенной" между Клэром и Овингтоном, и еще двадцать - для дороги между Овингтоном и Бошамп-Сент-Полс.

По мере того как его жизнь подходила к концу, он, несомненно, все реже выезжал на природу. Дни проходили для него спокойно; его бизнес процветал, его везде любили и уважали. Он гордился своим прекрасным домом, понемногу дополняя его красоту. В вечерней прохладе он, должно быть, часто стоял у садовой комнаты и видел монахов из большого аббатства, которые ловили рыбу в пруду на другом конце поля, или поднимал глаза туда, где последние лучи солнца падали на покрытую лишайником крышу большого десятинного амбара и на ряды арендаторов, несущих снопы кукурузы по дороге; И, возможно, он размышлял о том, что Джон Манн и Томас Спунер, его собственные арендаторы, были хорошими и надежными друзьями, и что было бы неплохо оставить им

платье или фунт, когда он умрет. Часто, должно быть, в последние год-два жизни он сидел с женой в саду с голубятней, наблюдал за белыми голубями, кружившими вокруг яблонь, и улыбался, глядя на ее клумбу с цветами. А зимними вечерами он иногда брал свой меховой плащ и шел в трактир "Дракон", и Эдвард Эйлвард, мой хозяин, встречал его поклонами; и вот он сидел и пил с соседями танкер с мешком, очень медленно и с достоинством, как подобает величайшему суконщику города, и благосклонно взирал на компанию. Но временами он хмурился, если видел, что какой-нибудь монах-прогульщик из аббатства, несмотря на все запреты епископа и аббата, украдкой пропустил стаканчик, качал головой и жаловался, что религия уже не та, что в старые добрые времена; впрочем, как явствует из его завещания, ничего особенного он не имел в виду и не мечтал, что через двадцать лет после его смерти аббаты и монахи разбегутся, а слуги короля будут продавать с аукциона свинец с крыши аббатства Коггешолл; и не предполагал, что через четыреста лет его дом все еще будет стоять, мягкий и прекрасный, с резным потолком и гордым купеческим клеймом, когда церковь аббатства будет лишь тенью на поверхности поля в жаркую погоду, а все здания аббатства сократятся до одного разрушенного амбулатория, небрежно укрывающего от дождя голубые эссекские повозки с сеном.

Так закончились дни Томаса Пейкока среди мира и красоты самого английского графства, "жирного, сытного и полного полезных вещей"[15], чьи маленькие холмы, вязы и огромное облачное небо любил рисовать Констебл. В сентябре наступил день, когда над улицами Коггешолла нависла тьма, в коттеджах замолчали прялки, а прядильщики и ткачи стояли тревожными группами у красивого дома на Вест-стрит; наверху, в супружеской комнате, под благородным потолком, умирал великий суконщик, и его жена рыдала у его постели, зная, что он никогда не увидит своего ребенка. Через несколько дней коттеджи снова опустели, и толпа плачущих людей проводила Томаса Пейкока в последний путь. Церемония его погребения соответствовала его достоинству: она включала в себя службы не только в сам день погребения, но и на седьмой день после него, а затем еще раз по истечении месяца. Лучше всего об этом говорят слова его завещания, поскольку Томас Пейкок следовал обычаям своего времени, давая своим душеприказчикам подробные предписания относительно погребальных обрядов: "I will myne executors bestowe vpon my buryng daye, vij day and mounthe daye after this manner: При погребении моем иметь тринталл престолов и быть при дирижерах, законоучителях и комендантах, сколько их можно достать в тот день, чтобы служить тринталл, а если их не хватит, то сделать это в видж-день. А в день Горы будет еще один тринталл, который будет поставлен для моих душеприказчиков и для дирижеров, законников и комендантов, как было сказано выше, с двумя великими мессами, одна из которых будет нотная [по нотам, т.е. с музыкой], одна из святого госта, другая из совей дамы, а другая из реквиема, обе погребальные, в день Седьмой и в день Горы. И пресвитер бьется при этом наблюдении iij d. в каждое время и чайлдрин в каждое время ij d., с факелами у погребения xij, и vj в vijth день, и xij в день горы, с xxijth или xij маленькими детьми в рошетах со светильниками в руках, и сколько их может быть, пусть они будут моим богом Childryn, и они должны иметь vj s. viij d. апесе; и каждый второй ребенок iij d. апесе; и каждый человек, который держит факелы в каждый день, пусть имеет ij апесе; и каждый мужчина, женщина и ребенок, который держит гончую [руку] в каждый из этих iij дней, пусть имеет j d. апесе; и также каждый бог, который будет besyde vj s. viij d. апесе; and to the Ryngars for all iij dayes x s.; and for mete, drynke, and for twoo Semones of a doctor, and also to haue a dirige at home, or I be carried to the Chirche summa j li".

Здесь все совсем иначе, чем в скромном предписании Томаса Бетсона: "Расходы на мое погребение должны быть не возмутительными, а скромными и благоразумными, чтобы это было во славу и во славу Алмыгты Бога". Достойный старый суконщик не забыл поклониться

и Томасу Пейкоку, и на церемонии его погребения было потрачено более 500 фунтов стерлингов из современных денег, сверх расходов на основание новой церкви. Так уж случилось, что его глаза были закрыты в смерти, пока приход Реформации не упразднил все церковные капеллы Англии, а вместе с ними и капеллу Пейкока в приделе Святой Катерины, которая еженедельно давала милостыню шести беднякам. Томас Пейкок принадлежал к старым добрым временам; через четверть века после его смерти Эссекс уже менялся. Монахи разбежались из аббатства, которое стояло без крыши; звучный латинский язык больше не звучал в церкви, и священники не молились там за души Томаса и его жены, его родителей и тестя. Менялась даже суконная промышленность, и графство становилось все более процветающим с появлением более тонких сортов ткани, завезенных сюда пернатыми пришельцами, "новой драпировки", известной как "Бэйс энд Сэйс". Ибо, как гласит пословица:

Хмель, реформация, лавры и пиво
Пришли в Англию в один год,

А Коггешоллу суждено было стать еще более знаменитым благодаря новому сорту ткани под названием "Coxall's Whites", которую племянники Томаса Пейкока изготавливали, когда он был уже в могиле.^[16] Одно, однако, не изменилось: его прекрасный дом по-прежнему стоял на Вест-стрит, напротив викариджа, и вызывал восторг у всех, кто его видел. Он стоит там до сих пор, и, глядя на него сегодня и думая о Томасе Пейкоке, который когда-то жил в нем, не приходят ли на ум знаменитые слова из Екклесиастика?

Давайте же прославим знаменитых людей и наших отцов, породивших нас.
Господь сотворил великую славу через них Своей великой
силой Своей великой от начала...

Богатые люди, снабженные средствами, живущие мирно в своих
жилищах своих: Все они были почитаемы в своих поколениях и
были славою времен своих".

Примечания и источники

КРЕСТЬЯНИН БОДО

А. Сырье

1. Ролл аббата Ирминона, книга владений аббатства Сен-Жермен-де-Пре, близ Парижа, написанная между 811 и 826 годами. См. *Polyptyque de l'Abbaye de Saint-Germain des Prés*, pub. Auguste Longnon, t. I, *Introduction*; t. II, *Texte* (Soc. de l'Hist. de Paris, 1886-95).
2. Капитулярный Карла Великого, *De Villis*, инструкции его управляющим по управлению его владениями. См. Guerard, *Explication du Capitulaire 'de Villis'* (Acad. des Inscriptions et Belles-Lettres, *Mémoires*, t. XXI, 1857), pp. 165-309, содержащий текст с подробным комментарием и переводом на французский язык.
3. *Ранняя жизнь Карла Великого*, изд. A.J. Grant (King's Classics, 1907). Содержит жития Эйнхарда и монаха из Сен-Галла, о которых см. Хальфен, цитируемый ниже.
4. Различные сведения о социальной жизни можно почерпнуть из постановлений церковных соборов, древневерхненемецких и англосаксонских чар и стихов, а также из "*Коллоквиума*" Аэльфрика, отрывки из которого переведены в Bell's Eng. Hist. Source Books, *The Welding of the Race*, 449-1066, ed. J.E.W. Wallis (1913). Общий очерк периода см. в Lavissee *Hist. de France*, t. II, а подробное критическое исследование некоторых аспектов правления Карла Великого (включая *Полиптихум*) - в Halphen, *Études critiques sur l'Histoire de Charlemagne* (1921); также A. Dopsch, *Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, Vornehmlich in Deutschland*, 2 vols. (Weimar, 1912-13), который Хальфен критикует.

В. Примечания к тексту

1. 'Habet Bodo colonus et uxor ejus colona, nomine Ermentrudis, homines sancti Germani, habent secum infantes III. Tenet mansum ingenuilem I, habentem de terre arabili bunuaria VIII et antsingas II, de vinea aripennos II, de prato aripennos VII. Solvit ad hostem de argento solidos II, de vino in pascione modios II; ad tertium annum sundolas C; de sepe perticas III. Arat ad hibernaticum perticas III, ad tramisem perticas II. In unaquaque ebdomada corvadas II, manuoperam I. Pullos III, ova XV; et caropera ibi injungitur. Et habet medietatem de farinarium, inde solvit de argento solidos II. Op. cit., II, p. 78. "Бодо колонус и его жена Эрментруда колона, арендаторы Сен-Жермена, у них трое детей. Он владеет одной свободной усадьбой, содержащей восемь бунуариев и два анцинга пахотной земли, два арипенни виноградной лозы и семь арипенни луга. За право пасти своих свиней в лесу он платит два серебряных шиллинга в армию и два свиных бочонка вина. Каждый третий год он платит сто досок и три столба для изгороди. Он пашет под зиму четыре гектара, а под весну - два гектара. Каждую неделю ему причитается две трудовые повинности (*corvéés*) и одна ручная работа. Он платит три курицы и пятнадцать яиц, а также несет службу, когда это ему предписано. И ему принадлежит половина ветряной мельницы, за которую он платит два серебряных шиллинга".

2. *De Villis*, с. 45.

3. Ibid. cc. 43, 49.

4. Из "Казуистики римской трапезы" в "Собрании сочинений Томаса де Квинси", изд. D. Masson (1897), VII, p. 13.
5. Коллоквиум Аэлфрика в указ. соч. с. 95.
6. Жизнь монаха из Сен-Галла в "Ранних житиях Карла Великого", с. 87-8.
7. Жизнь Эйнхарда в указ. соч. С. 45.
8. Англосаксонские чары переведены в Stopford Brook, *English Literature from the Beginning to the Norman Conquest* (1899), p. 43.
9. Древневерхненемецкие чары, написанные рукой X века в кодексе IX века, содержащем проповеди святого Августина, ныне хранящемся в Ватиканской библиотеке. Brawne, *Althochdeutsches Lesebuch* (пятое издание, Галле, 1902), p. 83.
10. Другая древневерхненемецкая чара сохранилась в кодексе X века, который сейчас находится в Вене. Brawne, op. cit., p. 164.
11. Из *Libellus de Ecclesiasticis Disciplinis* девятого века, art. 100, цитируется в Ozanam, *La Civilisation Chrétienne chez les Francs* (1849), p. 312. Предписание, однако, действительно относится к недавно завоеванным и все еще полужыческим саксам.
12. Покаяние Халигарта, епископа Камбрейского, цитируется там же, с. 314.
13. *Documents relatifs à l'Histoire de l'Industrie et du Commerce en France*, ed. G. Faigniez, t. I, pp. 51-2.
14. См. ссылки в Chambers, *The Medieval Stage* (1913), I, pp. 161-3.
15. Знаменитую легенду о танцорах Кёльбигка см. в Gaston Paris, *Les Danseurs Maudits, Légende Allemande du XIe Siècle* (Paris 1900, перепечатано из *Journal des Savants*, Dec., 1899), которая является переводом исследования Шредера в *Zeitschrift für Kirchengeschichte* (1899). Стихотворение встречается в версии английского происхождения, в которой один из

танцоров, Тьерри, излечивается от вечной дрожи во всех конечностях благодаря чуду святой Эдит в женском монастыре Уилтона в 1065 году. См. loc. cit., pp. 10, 14.

16. 'Swete Lamman dhin are', в оригинале. Эту историю рассказывает Гиральдус Камбрэнсис в *Gemma Ecclesiastica*, pt. I, c. XLII. См. *Избранное из Гиральдуса Камбрэнса*, изд. С.А.Дж. Скул (S.P.C.K. Texts for Students, No. XI), p. 48.

17. *Жизнь* Эйнхарда в op. cit. p. 45. См. также *ibid.*, p. 168 (примечание).

18. *Житие* монаха Сен-Галла в указ. соч. С. 144-7.

19. *Жизнь* Эйнхарда в указ. соч. С. 39.

20. *Ibid.*, p. 35.

21. Beazley, *Dawn of Modern Geography* (1897), I, p. 325.

22. *Жизнь* монаха из Сент-Галла в указ. соч., с. 78-9.

23. См. описание в Lavissee, *Hist. de France II*, pt. I, p. 321; также G. Monod, *Les mœurs judiciaires au VIIIe Siècle*, *Revue Historique*, t. XXXV (1887).

24. См. Faigniez, op. cit., pp. 43-4.

25. См. рассказ монаха Сен-Галла о нарядах франкской знати: "Это был праздник, и они только что приехали из Павии, куда венецианцы привезли все богатства Востока из своих заморских владений, - другие, говорю я, щеголяли в одеяниях из фазаньих шкур и шелка; или из шей, спин и хвостов павлинов в их первом оперении. Некоторые были украшены пурпурными и лимонными лентами; некоторые были обернуты одеялами, а некоторые - горностаевыми мантиями". Op. cit., p. 149. Перевод немного вольный: "одежды феникса" в оригинале, скорее всего, были сделаны из оперения не фазана, а алого фламинго, как считает Ходжсон (*Early Hist. of Venice*, p. 155), или, возможно, из шелка, сотканного или вышитого с фигурками птиц, как считает Хейд (*Hist. du Commerce du Levant*, I, p. 111).

26. *Жизнь* монаха из Сент-Галла в указ. соч., с. 81-2.

27. Это небольшое стихотворение было нацарапано ирландским писцом на полях копии Присциана в монастыре Санкт-Галл в Швейцарии, том самом, из которого вышел весьма изобретательный биограф Карла Великого. Оригинал можно найти в Stokes and Strachan, *Thesaurus Palæohibernicus* (1903) II, p. 290. Его часто переводили, и я цитирую перевод Куно Мейера, *Древняя ирландская поэзия* (2-е изд., 1913), стр. 99. Цитата из "*Триады Ирландии*", приведенная в начале этой главы, взята из Куно Мейера, там же, стр. 102-3.

ГЛАВА III

МАРКО ПОЛО

А. Сырье

1. *Книга венецианского сира Марко Поло о царствах и чудесах Востока*, переведена и отредактирована с примечаниями сэром Генри Юлом (3-е издание, пересмотренное Анри Кордые, 2 тома, Hakluyt Soc., 1903). См. также H. Cordier, *Ser Marco Polo: Notes and Addenda* (1920). Лучшее издание оригинального французского текста - *Le Livre de Marco Polo*, ed. G. Pauthier (Paris, 1865). Наиболее удобным и дешевым изданием книги для английских читателей является репринт перевода Марсдена (с латинского текста) и примечаний (впервые опубликованных в 1818 году), с предисловием Джона Масфилда, "*Путешествия венецианца Марко Поло*" (Everyman's Library, 1908; переиздано в 1911 году); но некоторые примечания (с указанием мест и т. д.) уже устарели, и в тех случаях, когда требуется точная и подробная информация, следует обращаться к большому изданию Юла и Кордые. Это - кладезь информации, географической и исторической, о Востоке. Я цитирую издание Everyman под названием Marco Polo, op. cit., а издание Yule под названием Yule, op. cit.

2. *La Cronique des Veneciens de Maistre Martin da Canal*. В *Archivo Storico Italiano*, 1-я серия, том VIII (Флоренция, 1845). Написано на французском языке и сопровождается переводом на современный итальянский. Одна из самых очаровательных средневековых хроник.

В. Современные произведения

1. О средневековой Венеции см.

F.C. Hodgson: *The Early History of Venice from the Foundation to the Conquest of Constantinople* (1901); и *Venice in the Thirteenth and Fourteenth Centuries, A Sketch of Venetian History, 1204-1400* (1910).

П.Г. Мольменти: *Венеция, ее рост до падения республики*, тт. I и II (*Средние века*), trans. H.F. Brown (1906); и *La Vie Privée à Venise*, vol. I (1895).

H.F. Brown: *Исследования по истории Венеции*, том I (1907).

Миссис Олифант: *The Makers of Venice* (1905) - приятное чтение, содержит главу о Марко Поло.

2. О средневековом Китае, татарах и связях Европы с Дальним Востоком см.

Введение сэра Генри Юла к его большому изданию "Марко Поло" (см. выше).

Cathay and the Way Thither: Medieval Notices of China, trans. and ed. by Sir Henry Yule, 4 vols. (Hakluyt Soc., 1915-16). Содержит бесценное введение и все лучшие рассказы о Китае, оставленные средневековыми европейскими путешественниками. Прежде всего, Одерика из Порденоне (ум. 1331) следует читать как дополнение к Марко Поло.

R. Beazley: *The Dawn of Modern Geography*, vols. II и III (1897-1906).

R. Grousset: *Histoire de l'Asie*, t. III (3rd edit., 1922), гл. I. Краткий и очаровательно написанный рассказ о монгольских империях от Чингисхана до Тимура.

H. Howarth: *History of the Mongols* (1876).

3. Для средневековой торговли с Востоком лучшей книгой является...

W. Heyd: *Histoire du Commerce du Levant au Moyen-Âge*, trans., F. Raynaud; 2 vols. (Leipzig and Paris, 1885-6, reprinted 1923).

С. Примечания к тексту

1. Если быть точным, то фландрские галеры, ходившие через Гибралтар в Саутгемптон и Брюгге, впервые были отправлены через сорок лет после 1268 года - в 1308 году. На протяжении XIV и XV веков они ходили каждый год, и Саутгемптон обязан своим ростом благосостояния тому, что был портом их захода.

2. Поводом для цитируемой речи послужил случай, когда императорский представитель Лонгин пытался заручиться помощью венецианцев против лангобардов в 568 году и предложил им признать себя подданными императора. Речь цитируется в *Encyclop. Brit.*, Art. *Venice* (by H.F. Brown), p. 1002. Эпизод с буханками хлеба относится к попытке Пипина, сына Карла Великого, уморить голодом Риалято зимой 809-10 гг. Сравните рассказ о том, как Карл Великий бросил свой меч в море со словами: "Истинно, как это клеймо, которое я бросил в море, не будет принадлежать ни мне, ни тебе, ни кому-либо другому во всем мире, так и никто в мире не будет иметь власти причинить вред Венецианскому королевству; и тот, кто причинит ему вред, почувствует гнев и недовольство Бога, как это выпало на долю меня и моего народа" - см. Canale, *Cron.*, с. VIII. Разумеется, это все легенды.

3. "Voires est que la mer Ariens est de le ducat de Venise."-Canale, op. cit., p. 600. Альбертино Муссато называет Венецию "госпожой Адриацы Марис" (*Dominatrix Adriaci maris*) - Molmenti, *Venice*, I, p. 120.

4. См. несколько хороших современных рассказов об этой церемонии, приведенных в Molmenti, *Venice*, I, pp. 212-15.

5. Во время роковой войны при Кьоджии между Венецией и Генуей, закончившейся в 1381 году, рассказывали, что генуэзский адмирал (или, по некоторым данным, Франческо

Каррара), когда дож попросил принять послов с миром, ответил: "Не раньше, чем я укушу лошадей на соборе Святого Марка" - H.F. Brown, *Studies in the Hist. of Venice*, I, p. 130.

6. Canale, op. cit., p. 270.

7. "Погода была ясной и хорошей... и когда они были в море, мореплаватели распускали паруса по ветру, и корабли шли с расправленными парусами под ветром по морю" - См. например, Canale, op. cit., pp. 320, 326, и др.

8. Canale, op. cit., cc. I и II, pp. 268-72. Венеции особенно повезло с описаниями, которые оставили о ней современники - не только ее собственные граждане (такие как Канале, Санудо и дож Мочениго), но и чужестранцы. Знаменитое описание венецианской торговли, сделанное Петраркой под влиянием вида, который он видел из своего окна в XIV веке, часто цитируется: "Посмотрите на бесчисленные суда, которые отплывают от итальянского берега в безлюдную зиму, в самую переменчивую и бурную весну, одни поворачивают свои носы на восток, другие - на запад; Одни везут наше вино, чтобы оно пенилось в британских кубках, наши фрукты, чтобы польстить вкусам скифов, и, что еще более трудно поверить, древесину наших лесов на Эгейское и Ахайское острова; другие - в Сирию, в Армению, к арабам и персам, везут масло, лен и шафран и возвращают нам все свои разнообразные товары.... Позвольте мне убедить вас провести еще один час в моем обществе. Была глубокая ночь, на небе бушевала буря, и я, уже утомленный и полусонный, заканчивал писать, как вдруг до моего слуха донеслись крики матросов. Зная по опыту, что должны означать эти крики, я поспешно встал и подошел к верхним окнам этого дома, выходящим на порт. О, что за зрелище, смешанное с чувствами жалости, удивления, страха и восторга! Опираясь на якоря у мраморных берегов, служащих молом для обширного дворца, который этот свободный и либеральный город предоставил мне для жилья, зимовали несколько судов, превосходящих высотой своих мачт и лонжеронов две башни, возвышающиеся над моим домом. В этот момент самое большое из них - хотя все звезды были скрыты облаками, ветер сотрясал стены, а рев моря наполнял воздух - отчаливало от пристани и отправлялось в плавание. Ясон и Геракл остолбенели бы от удивления, а Тифис, сидящий за штурвалом, устыдился бы того, что не сделал ничего, что принесло ему такую славу. Если бы вы увидели его, то сказали бы, что это не корабль, а гора, плывущая по морю, хотя под тяжестью огромных крыльев большая ее часть была скрыта в волнах. Конец плавания должен был быть на Дону, за который ничто не может выйти из наших морей; но многие из тех, кто был на борту, достигнув этой точки, намеревались продолжить свое путешествие, не останавливаясь, пока не достигнут Ганга или Кавказа, Индии и Восточного океана. Так любовь к наживе стимулирует человеческий разум" -- Цитируется по "*Lettere Senili*" Петрарки в Oliphant, *Makers of Venice* (1905), p. 349; следует прочесть всю эту очаровательную главу "Венецианский гость". Еще одно знаменитое описание Венеции содержится в письме, написанном Пьетро Аретино, гостем Венеции в 1527-1533 годах, Тициану, которое цитируется в E. Hutton, *Pietro Aretino, the Scourge of Princes* (1922), pp. 136-7; сравните также его описание вида из окна по другому поводу, цитируемое там же, pp. 131-3. Самым ранним из всех является знаменитое письмо Кассиодора, написанное венецианцам в VI веке, которое частично переведено в Molmenti, op. cit., I, pp. 14-15.

9. Рассказ о походе гильдий занимает см. CCLXIII-CCLXXXIII Хроники Канале, op. cit., pp. 602-26. Он часто цитируется.

10. Canale, op. cit., c. CCLXI, p. 600.

11. Этот рассказ о Ханчжоу частично заимствован из Marco Polo, op. cit., bk. II, c. LXVIII: "О благородном и великолепном городе Кинсай"; и частично из Одорика Порденонского, *Cathay and the Way Thither*, ed. Yule, pp. 113-20.

12. Одорик из Порденоне, который был мужчиной до того, как стал монахом, замечает: "Китайцы достаточно красивы, но бесцветны, у них бороды из длинных слипшихся волос, как у мышеловов, то есть кошек. А что касается женщин, то они самые красивые в мире". Марко Поло также не перестает отмечать, когда женщины в той или иной местности особенно прекрасны, подобно тому, как другой путешественник Артур Янг среди прочих деталей сельской местности всегда отмечает внешность горничных во французских трактирах и очень расстраивается, если их обслуживает простая девушка. Марко Поло отдает пальму первенства по красоте женщинам провинции Тимохайн (или Дамаган) на северо-восточной границе Персии, о которой он говорит: "Народ в целом красив, особенно женщины, которые, по моему мнению, самые красивые в мире" - Marco Polo, op. cit., p. 73. О женщинах Кинсая он сообщает следующее: "Куртизанки искусны и совершенны в искусстве обольщения и обольщения, которое они сопровождают выражениями, подходящими к любому типу людей, так что незнакомцы, однажды вкусившие их прелести, остаются в состоянии очарования и становятся настолько очарованными их меркантильными искусствами, что никогда не могут избавиться от этого впечатления. Опьяненные чувственными удовольствиями, вернувшись в свои дома, они сообщают, что побывали в Кинсае, или небесном городе, и с нетерпением ждут того времени, когда им удастся вновь посетить рай". О респектабельных дамах, женах мастеров-ремесленников, он также говорит: "Они обладают большой красотой и воспитаны в томных и нежных привычках. Невозможно представить себе дороговизну их платьев из шелка и драгоценностей" - op. cit., pp. 296, 297-8.

13. Yule, op. cit., II, p. 184.

14. О Престере Джоне см. статью сэра Генри Юла "Престер Джон" в *Британской энциклопедии*, а также Lynn Thorndike, *A History of Magic and Experimental Science* (1923), II, pp. 236-45. Есть приятный популярный рассказ в S. Baring Gould, *Popular Myths of the Middle Ages* (1866-8).

15. Их рассказы см. в "Дневнике Вильгельма из Рубрука в восточные районы, 1253-5 гг.", написанном им самим, с двумя рассказами о более раннем путешествии Иоанна из Пуанда-Карпине, переведенном и отредактированном с примечаниями У. У. Рокхиллом (Hakluyt Soc., 1900). Рубрук особенно восхитителен.

16. Это, а также весь рассказ о первом путешествии старшего Поло, обстоятельствах второго путешествия и последующем возвращении содержится в первой главе книги Марко Поло, которая представляет собой общее введение, после чего он переходит к описанию по порядку земель, через которые он проезжал. Этот автобиографический раздел, к сожалению, слишком короткий.

17. Собственно говоря, Вильгельм Рубракский видел и описал ее раньше него.

18. Рассказ Марко Поло об этом обычае в провинции, которую он называет "Кардандан", см. указ. соч. С. 250. Иллюстрация из альбома, принадлежащего концу правления династии Мин, воспроизведена в S.W. Bushell, *Chinese Art* (1910), fig. 134.

19. Марко Поло, указ. соч., стр. 21-2.

20. Некий *По-ло*, согласно китайским анналам монгольской династии, был назначен начальником соляных копей в Янчоу вскоре после 1282 года. Профессор Паркер считает, что его можно отождествить с нашим Поло, но М. Кордые с этим не согласен. См. E.H. Parker *Some New Facts about Marco Polos Book* в *Imperial and Asiatic Quarterly Review* (1904), p. 128; и H. Cordier, *Ser Marco Polo*, p. 8. См. также Yule, *Marco Polo*, I, Introd., p. 21.

21. P. Parrenin in *Lett. Edis.*, xxiv, 58, цитируется в Yule, *op. cit.*, I, Introd., p. II.

22. Об упущениях Марко Поло см. Yule, *op. cit.*, I, Introd., p. 110.

23. Марко Поло, указ. соч. С. 288.

24. О Чао Мэн-фу см. S.W. Bushell, *Chinese Art* (1910), II, pp. 133--59; H.A. Giles, *Introd. to the History of Chinese Pictorial Art* (Shanghai, 2nd ed., 1918), pp. 159 ff.; интересен весь раздел VI этой книги, посвященный искусству, процветавшему при монгольской династии. См. также L. Binyon, *Painting in the Far East* (1908), pp. 75-7, 146-7. Одна из лошадиных картин Чао Мэн-фу, точнее, ее копия, выполненная японским художником, воспроизведена в Giles, *op. cit.*, напротив p. 159. О знаменитом пейзажном валике, написанном им в стиле Ван Вэя, см. также мои заметки об иллюстрациях.

25. Bushell, *op. cit.*, p. 135.

26. *Ibid.*, pp. 135-6, где воспроизведена картина.

27. Эпизод с мангонелами, построенными несторианскими механиками под руководством Николо и Маффео, см. в Marco Polo, *op. cit.*, pp. 281-2.

28. Marco Polo, *op. cit.*, bk. III, c. I, pp. 321-3.

29. Предисловие Рамузио, содержащее этот рассказ, а также историю о том, как Рустичиано написал книгу под диктовку Марко Поло в Генуе, переведено в Yule, *op. cit.*, I, Introd., pp. 4-8.

30. Он упоминает их в книге "Марко Поло", указ. соч. С. 136, 138, 344.

31. Yule, *op. cit.*, I, Introd., p. 79.

32. О Рустичиано (которого Рамузио ошибочно называет генуэзцем) см. там же, введение, с. 56 и далее.

33. Паулин Париж, цитируется там же, введение, с. 61.

34. Там же, введение, с. 67-73.

35. Отрывок из "*Imago Mundi*" Якопо из Акви, цитируется там же, введение, с. 54.

36. M. Ch.-V. Langlois in *Hist. Litt. de la France*, XXXV (1921), p. 259. О точности Марко Поло см. Аурел Стейн, *Древний Хотан* (1907) и *Руины пустынного Катая* (1912); Элсворт Хантингтон, *Пульс Азии* (1910); и Свен Хедин, *Оверленд в Индию* (1910).

37. Yule, *op. cit.*, I, Introd., pp. 106-7.

38. Об этих более поздних миссиях и торговцах см. Yule, *Cathay and the Way Thither*, Introd., pp. cxxxii-iv, и текст, *passim*.

39. *Ibid.*, II, p. 292; и App., p. lxx.

40. О маргинальных примечаниях Колумба см. Yule, *op. cit.*, II, App. H, p. 558. Книга хранится в Колумбине в Севилье. Однако я должен откровенно признать, что современные исследования, как всегда иконоборческие, не довольствуясь обелением Лукреции Борджиа и Екатерины Медичи и сведением Екатерины Сиенской к чему-то почти незначительному, также заставляют все больше и больше думать о том, что Колумб первоначально отправился в 1492 году на поиски Антильских островов, и что, хотя по возвращении после своего великого открытия в 1493 году он утверждал, что его целью всегда было достичь Чипангу, это была история *post hoc*, а идея поиска Чипангу, вероятно, исходила от его партнера Мартина Пинзона. Жаль, что мы не знаем, когда он сделал свои заметки в издании (вероятная дата публикации которого - 1485 год) книги Марко Поло, которые могли бы решить этот вопрос. По этому вопросу см. Henry Vignaud, *Études critiques sur la vie de Colomb avant ses découvertes* (Paris, 1905) и *Histoire de la Grande Entreprise de 1492*, 2 vols. (Paris, 1910), а также резюме и обсуждение его выводов профессором А.Р. Newton в *History*, VII (1922), pp. 38-42 (*Historical Revisions XX*...). Идея о том, что в это время велись поиски нового пути на Восток, в первую очередь потому, что турки перекрывали старые торговые пути, также была опровергнута. См. А.Н. Lybyer, *The Ottoman Turks and the Routes of Oriental Trade in Eng. Hist. Review*, XXX (1915), pp. 577-88.

ГЛАВА IV

МАДАМ ЭГЛЕНТИНА

А. Сырье

1. Описание Чосером настоятельницы в прологе к "*Кентерберийским рассказам*".
2. Различные отчеты о посещениях в епископальных регистрах. Об этих реестрах, и в частности о содержащихся в них документах о посещениях, см. R.C. Fowler, *Episcopal Registers of England and Wales* (S.P.C.K. Helps for Students of History, No. 1), G.G. Coulton, *The Interpretation of Visitation Documents* (Eng. Hist. Review, 1914), и с. XII моей книги, цитируемой ниже. Множество реестров было опубликовано или публикуется учеными обществами, в частности Кентерберийским и Йоркским обществом, которое существует для этой цели. Наиболее важными являются реестры посещений Линкольна, которые в настоящее время находятся в процессе публикации д-ром А. Гамильтоном Томпсоном, *Visitations of Religious Houses in the Diocese of Lincoln*, ed. A. Hamilton Thompson (Lincoln Rec. Soc. and Canterbury and York Soc., 1915 ff.); к настоящему времени вышло два тома, из которых особенно см. т. II, содержащий часть посещений епископа Алнвика (1436-49); каждый том содержит текст, перевод и замечательное введение. См. также отрывки из Винчестерских посещений, переведенные в Н.Г.Д. Liveing, *Records of Romsey Abbey* (1912). Полные выдержки из отчетов о посещениях и предписаний приводятся в разделах, посвященных религиозным домам, в различных томах "Истории графства Виктория" (далее - V.C.H.).
3. Монашеские правила. См. "*Правило святого Бенедикта*", изд. F.A. Gasquet (Kings Classics, 1909), и F.A. Gasquet, *English Monastic Life* (4th ed., 1910).

4. Очень полное исследование всей темы жизни английских монастырей в этот период см. в Eileen Power, *Medieval English Nunneries c. 1275 to 1535* (1922).

В. Примечания к тексту

1. *Реестр Уолтера де Стейпелдона, епископа Эксетерского (1307-26)*, изд. F. Hingeston Randolph (1892), p. 169. Отрывок о Филиппе переведен в G.G. Coulton, *Chaucer and His England* (1908), p. 181.

2. См. отчет о расходах, связанных с принятием Элизабет Сьюардби в монахини Нунмонктона (1468) в *Testamenta Eboracensia*, ed. James Raine (Surtees Soc., 1886), III, p. 168; и Power, *op. cit.*, p. 19.

3. *Ежегодник короля Ричарда II*, изд. C.F. Deiser (1904), pp. 71-7; и Power, *op. cit.*, pp. 36-8.

4. G.J. Aungier, *Hist. of Syon* (1840), p. 385.

5. Как в Грейсдье (1440-1), *Alnwick's Visit*, ed. A.H. Thompson, pp. 120-3.

6. G.J. Aungier, *op. cit.*, pp. 405-9.

7. Перевод с реестра Джона де Грандиссона в G.G. Coulton, *A Medieval Garner* (1910), pp. 312-14.

8. *Правило святого Бенедикта*, с. 22.

9. *V.C.H. Lincs.*, II, p. 131.

10. Переведено в G.G. Coulton, *A Medieval Garner*.

11. *Myroure of Oure Ladye*, ed. J.H. Blunt (E.E.T.S., 1873), p. 54. О Титтивилле см. мою статью в *The Cambridge Magazine* (1917), pp.158-60.

12. *Лунк. Visit.*, ed. A.H. Thompson, II, pp. 46-52; и Power, *op. cit.* pp. 82-7.

13. *V.C.H. Oxon*, II, p. 77.

14. *Лунк. Visit.*, ed. A.H. Thompson, I, p. 67.

15. Об этих развлечениях см. Power, *op. cit.* pp. 309-14.

16. *Linc. Visit.*, II, pp. 3-4; and see Power, *op. cit.*, pp. 75-7, 303-5, on gay clothes in nunneries.

17. *Linc. Visit.*, II, p. 175.

18. Power, *op. cit.*, p. 307. О домашних животных см. там же, с. 305-9, и примечание E ("Животные монастыря в литературе"), с. 588-95.

19. Power, *op. cit.*, p. 77.

20. *Ibid.*, pp. 351-2; и см. гл. IX *passim* о быке *Перикулозо* и скитаниях монахинь по свету.

21. *Linc. Visit.*, II, p. 50.

22. *V.C.H. Yorks.*, III, p. 172.

ГЛАВА V

ЖЕНА МЕНЕСТРЕЛЯ

А. Сырье

I. *Парижский содержатель, трактат о морали и экономике домашнего хозяйства, составленный в 1393 году парижским буржуа... опубликованный впервые Обществом библиофилов Франсуа*. (Париж, 1846). 2 тома, под редакцией Жерома Пишона с

предисловием. О ней упоминает д-р Ф. Дж. Фернивалл в конце своего издания *"Книги предшествования"* (Early English Text Soc., 1869 и 1898), с. 149-54. Это была книга по его собственному сердцу, и он отмечает, что она вполне заслуживает перевода на английский язык.

2. О средневековых книгах по воспитанию женщин см. A.A. Hentsch, *De la littérature didactique du moyen âge s'adressant spécialement aux femmes* (Cahors, 1903), восхитительно полное собрание анализов всех главных работ такого рода, созданных в западной Европе со времен святого Иеронима до кануна Ренессанса. В нем полно слив для авантюристов Джека Хорнера.

3. С кулинарной книгой Менадье можно с пользой сравнить *"Две кулинарные книги пятнадцатого века"*, под ред. Томаса Остина (E.E.T.S., 1888).

В. Примечания к тексту

1. Рр. 1-2.

2. Эти длинные нравоучительные трактаты о семи смертных грехах и еще более смертоносных добродетелях были очень популярны в Средние века. Самый известный английским читателям - в *"Парсонском рассказе"* из *"Кентерберийских рассказов"* Чосера, заимствованный из *"Соммы о пороках и верности"* Фрера Лоренса, автора XIII века. Однако разделы, посвященные смертным грехам, обычно стоит прочесть, поскольку в них часто приводятся яркие иллюстративные подробности повседневной жизни. Разделы Менадье, как и следовало ожидать, полны жизни и красок. Вот, например, его описание женщины-обжоры: "Бог велит поститься, а обжора говорит: "Я буду есть". Бог велит нам рано вставать и идти в церковь, а обжора говорит: "Мне надо поспать. Я вчера напился". Церковь - не заяц, она меня подождет". Когда она с трудом встает, знаете ли вы, какие у нее часы? Утренняя: "Ха! Что будем пить? Неужели ничего не осталось со вчерашнего вечера?". После этого она произносит лауды следующим образом: "Ха! Мы вчера пили хорошее вино". После этого она произносит свои оризоны: "У меня болит голова, я не успокоюсь, пока не выпью". Конечно, такое обжорство позорит женщину, ибо от него она становится грубияном, неблаговидным человеком и вором. Таверна - это церковь дьявола, куда его ученики ходят, чтобы служить ему, и где он творит свои чудеса. Ибо когда люди идут туда, они идут прямые и хорошо говорящие, мудрые и разумные и хорошо советующие, а когда они возвращаются, они не могут ни держать себя прямо, ни говорить; они все глупы и все безумны, и они возвращаются, ругаясь, избивая и давая ложь друг другу" --Ор. *cit.*, I, pp. 47-8. Раздел "Скупость" особенно ценен тем, что в нем описываются грехи исполнителей завещаний, арендодателей, лавочников-вымогателей, лжеадвокатов, ростовщиков и азартных игроков - см. там же, I, с. 44-5.

3. Повесть *"Благоразумие и Мелибей"* стоит прочесть один раз, как в версии Чосера, так и в версии Рено де Луэна, из-за ее огромной популярности в Средние века и из-за отдельных ярких фрагментов. Вот, например, эпизод в версии Чосера, в котором Мелибей, мудрецы и юноши обсуждают вопрос о походе на войну, и мудрецы советуют не делать этого: "Поднялся шум, и большая часть той компании презирала мудрых стариков, и стала делать глупости, и говорила, что "так, как, пока ирена гудит, люди должны смириться, так, как люди

должны побороть свои ошибки, пока они были твердыми и новыми"; и с громкими голосами они кричали: "Верре! werre!" Поднялся один из этих старых мудрецов, и рукой своей сделал знак, чтобы люди держали его в напряжении, и даже слушали его. "Lordynges," quod he, "ther ful many a man that crieth 'Werre! werre!' that woot ful litel what werre amounteth. Werre at his bigynnyng has so greet an entryng and so large, that every wight may entre what hym likeeth and lightly fynde werre; but certes, what ende that shal ther-of bifalle it is nat light to knowe; Ибо так, когда оборот большой, то полно еще не рожденных детей, которые останутся в живых из-за этого плохого оборота, или будут жить в сарве и умирать в несчастье; и поэтому, когда оборот большой, люди чаще всего приветствуют совет и приветствуют размышление." - Чосер, "Повесть о Мелибее", § 12; см. французскую версию, указ. соч, I, p. 191.

4. II, p. 72-9.

5. I, pp. 71-2. Эти средневековые игры очень трудно идентифицировать. Ученый редактор отмечает, что в *bric*, упоминаемую в XIII веке Рутебефом, играли, сидя, маленькой палочкой; *qui féry* - это, вероятно, современная игра, называемая французами *main chaude*; *pince merille*, упоминаемая среди игр Гаргантюа, была игрой, в которой вы щипали одного из игроков за руку, крича "Mérille" или "Morille". Хотя подробности этих игр неясны, существует множество аналогичных игр, в которые играют дети сегодня, и нетрудно догадаться, о чем идет речь.

6. I, pp. 13-15.

7. I, 92, 96.

8. История Жанны ла Квентин воспроизведена в *Гелтамероне* Маргариты Наваррской (38-я повесть, или 8-я от 4-го дня), где она приписывается *буржуазии* из Тура, но вполне вероятно, что первоначальная версия принадлежит Менадье, поскольку он говорит, что получил ее от своего отца; хотя, зная особенности профессионального рассказчика, я должен первым признать, что это не является доказательством.

9. I, pp. 125-6.

10. I, p. 139.

11. Это была любимая поговорка. Она встречается в истории о Мелибее: "Trois choses sont qui gettent homme hors de sa maison, c'est assavoir la fumée, la goutière et la femme mauvaise." -- *Ibid.*, I, p. 195. Сравните использование этого слова у Чосера: 'Men seyn that thre thynges

dryven a man out of his house, -- that is to seyn, smoke, droppynge of reyn and wikked wyves.'--Tale of Melibeus, §15; and

'You seyst that droppynge houses, and eek smoke,
и чидящие вайвы, заставляют людей бежать
из своего дома".

-- Пролог жены Бата, LL, 278-80.

12. I, pp. 168-71, 174-6.

13. II, p. 54. Менажер также предостерегает от длинных счетов в кредит. "Скажи своим людям, чтобы они имели дело с мирными людьми и всегда договаривались заранее, а также часто отчитывались и платили, не создавая длинных счетов в кредит по счету или на бумаге, хотя счет или бумага лучше, чем делать все по памяти, ибо кредиторы всегда считают больше, а должники меньше, и таким образом рождаются споры, ненависть и упреки; и заставляй своих добрых кредиторов охотно и часто платить то, что им причитается, и держи их в дружбе, чтобы они не отходили от тебя, ибо не всегда можно снова получить мирных людей".

14. II, pp. 56-9.

15. Здесь любопытно отметить древность термина "кровавый" как ругательства. В "Менеджере" говорится: "Запретите им... использовать уродливые клятвы или слова, которые являются плохими или неприличными, как это делают некоторые злые или дурно воспитанные люди, которые клянутся плохими кровавыми лихорадками, плохой кровавой неделей, плохим кровавым днем ('de males sanglantes fièvres', 'de male sanglante sepmaine', 'de male sanglante journée'), и они не знают, да и не должны знать, что такое кровавая вещь, ибо честные женщины не знают этого, так как для них отвратительно видеть кровь, кроме крови ягненка или голубя, когда его убивают на их глазах.'--Ibid, II, p. 59.

16. Описанный выше раздел о ведении домашнего хозяйства занимает сек. II, art. 2, в книге "Ménagier" (II, pp. 53-72).

17. I, pp. 171-2.

18. I, pp. 172-3.

19. Кулинарная книга занимает сек. II, ст. 4 и 5 (II, с. 80-272).

20. II, pp. 222-3. Переведено доктором Ферниваллом в книге "Книга старшинства" (E.E.T.S.), pp. 152-3.

21. II, pp. 108-18, 123. Праздник был еще в будущем, когда Менадье собрал все детали. Он называет его "L'ordenance de norces que fera maistre Helye en May, à un mardy ... l'ordonnance du souper que fera ce jour".

22. 'Должность женщины - готовить гобелены, заказывать и расстилать их, и в особенности занавешивать комнату и кровать, которые должны быть благословенны..... И заметьте, что если кровать покрыта тканью, то необходимо меховое покрывало из мелкой шерсти, но если она покрыта саржей, или парчой, или булавками из кандала, то нет.' --II, p. 118. Редактор цитирует следующий обряд благословения брачного ложа: "*Benedictio thalami ad nuptias et als, Beredic, Domine, thalamum hunc et omnes habitantes in eo, ut in tua voluntate permaneant, requiescant et multiplicentur in longitudinem dierum. Per Christum, etc. Tunc thurificet thalamum in matrimonio, postea sponsum et sponsam sedentes vel jacentes in lecto suo. Benedicentur dicendo: Benedic, Domine, adolescentulos istos; sicut benedixisti Thobiam et Sarram filiam Raguelis, ita benedicere eos digneris, Domine, ut in nomine tuo vivant et senescant, et multiplicentur in longitudinem dierum. Per Christum, etc. Benedictio Dei omnipotentis, Patris et Filii et Spiritus sancti descendat super vos et maneat super vobiscum. In nomine Patris, etc.*"--Ibid., I, *Introd.*, p. lxxxvi.

23. Чосер, "Сказание о Мелибее", § 15.

ГЛАВА VI

ТОМАС БЕТСОН

А. Сырье

1. *Письма и бумаги Стонора*, 1290-1483, изд. C.L. Kingsford (Royal Hist. Soc., Camden, 3rd Series), 2 тома, 1919. Переписка Бетсона содержится в томе II.

2. *The Cely Papers, selected from the Correspondence and Memoranda of the Cely Family, Merchants of the Staple*, 1475-88, ed. H.E. Malden (Royal Hist. Soc., Camden 3rd series), 1900.

Я во многом обязан превосходным введениям к этим двум книгам, которые являются образцами того, какими должны быть редакционные введения.

3. Лучшее введение в историю Компании скрепок можно найти в вышеупомянутом введении мистера Малдена к "*Бумагам Сели*", которое также содержит мастерский рассказ о политических отношениях Англии, Франции и Бургундии в тот период. Я постоянно полагался на рассказ мистера Малдена о работе системы скрепок. Другие полезные краткие описания торговли шерстью и компании Стейплеров можно найти в следующих работах: Sir C.P. Lucas, *The Beginnings of English Overseas Enterprise* (1917), с. II; и A.L. Jenckes, *The Staple of England* (1908).

В. Примечания к тексту

1. Четыре интересные современные иллюстрации парламента в 1523, 1585, некоторых датах XVII века и 1742 году соответственно воспроизведены в стимулирующем исследовании профессора А.Ф. Полларда "*Эволюция парламента*" (1920).

2. *The Lybelle of Englyshe Polycye*, in *Political Poems and Songs*, ed. Thos. Wright (Rolls Ser., 1861), II, p. 162. Эта замечательная поэма была написана в 1436 или 1437 году, чтобы увещевать англичан "беречь окрестности, а именно узкий пролив" между Дувром и Кале, поскольку, по мнению автора, основа величия Англии заключалась в ее торговле, для сохранения которой ей было необходимо господство на морях. Главная ценность книги заключается в том, что она дает очень полное представление об английской импортной и экспортной торговле с различными европейскими странами. Удобное издание этой книги есть в книге Ричарда Хаклюйта "*Основные плаванья, путешествия и открытия английской нации*" (Everyman's Lib. Edition, 1907), I, pp. 174-202.

3. G.W. Morris and L.S. Wood, *The Golden Fleece* (1922), p. 17.

4. Об этих латунях см. Н. Druitt, *A Manual of Costume as Illustrated by Monumental Brasses* (1906), pp. 9, 201, 205, 207, 253. Латунь Джона Форти и латунь Уильяма Гревилла удобно воспроизведены в G.W. Morris и L.S. Wood, *op. cit.*, pp. 28, 32, вместе с несколькими другими иллюстрациями, относящимися к торговле шерстью.

5. Gower, *Mirour de l'Omme* in *The Works of John Gower*. I. *The French Works*, ed. G.C. Macaulay (1899), p. 280-1.

6. *The Paston Letters*, ed. J. Gairdner (London, 1872-5); Дополнение 1901 г. См. также H.S. Bennett, *The Pastons and their England* (1922).

7. *Plumpton Correspondence*, ed. Т. Стэплтона (Camden Soc., 1839).

8. *Cely Papers*, p. 72; и сравните ниже p. 134.

9. *Письма Стонора*, II, с. 2.

10. Там же, II, с. 2-3.

11. В церкви Линвуда до сих пор хранятся медные часы его отца "Джона Линдевода, шерстяника" и его брата, также "Джона Линдевода, шерстяника" (ум. 1421). У них обоих ноги на шерстяных мешках, а на шерстяном мешке сына - его купеческий знак. См. Н. Druitt, *op. cit.*, pp. 204-5.

12. См. *Magna Vita S. Hugonis Episcopi Lincolniensis*, ed. J.F. Dimock (Rolls Series, 1864), pp. 170-7.

13. Эти выдержки см. в очень занимательной книге "*Браки и разводы детей в епархии Честера, 1561-6*", изд. F.J. Furnivall (E.E.T.S., 1897), pp. xxii, 6, 45-7.

14. *Письма Стонора*, II, с. 6-8.

15. Там же, II, стр. 28, 64.

16. Там же, II, с. 64.

17. Там же, II, с. 42-43.

18. Там же, II, с. 44.

19. Там же, II, с. 61, 64-5.

20. Там же, II, с. 46-8.

21. Там же, II, с. 53.

22. Там же, II, с. 28.

23. Там же, II, p. 47.

24. Там же, II, р. 53.

25. Там же, II, с. 54-5.

26. Там же, II, с. 56-7.

27. Там же, II, с. 69.

28. Там же, II, с. 87-8.

29. Там же, II, с. 88-9.

30. Там же, II, с. 89.

31. Там же, II, с. 102-3, 117.

32. См. забавный рассказ Ричарда Сели об этом деле в письме к его брату Джорджу, написанном 13 мая 1482 г., *Cely Papers*, pp. 101-4. Другие упоминания о торговце шерстью Уильяме Мидвинтере см. там же, с. 11, 21, 28, 30, 32, 64, 87, 89, 90, 105, 124, 128, 157, 158.

33. *Письма Стонора*, II, с. 3.

34. Там же, II, с. 64.

35. *Testamenta Eboracensia* (Surtees Soc.), II, р. 56. Он был известным торговцем шерстью в Йорке, в разное время членом городского совета из двенадцати человек, шерифом и мэром, умер в 1435 году. Он постоянно упоминается в городских записях; см. *York Memorandum Book*, ed. Мод Селлерс (Surtees Soc., 1912 и 1915), тома. I и II, *passim*.

36. *Cely Papers*, pp. 30-1.

37. *Ibid.*, р. 64.

38. См. его завещание (1490 г.) в *Test. Ebor.*, IV, p. 61, где он назван "Johannes Barton de Holme juxta Newarke, Stapulae villae Carlisiae marcator" и предписывает "Volo quod Thomas filius meus Johannem Tamworth fieri faciat liberum hominem Stapulae Carlis", *ibid.*, p. 62.

39. *Ibid.*, p. 45.

40. *Ibid.*, p. 48.

41. Там же, с. 154-5.

42. Либелле из Энглише Полиси в *loc. cit.*, pp. 174-7, *passim*. Сравните рассказ Гауэра о махинациях лангобардов, *op. cit.*, pp. 281-2.

43. См. четкий отчет обо всех этих операциях в предисловии мистера Малдена к "Бумагам Сели", pp. xi-xiii, xxxviii.

44. Там же, p. vii.

45. *Cely Papers*, pp. 194-6; и см. введение, pp. xxxvi-viii.

46. Там же, с. 71-2.

47. Там же, с. 174-88, книга, озаглавленная на обложке "The Rekenyng of the Margett Cely" и начинающаяся так: "Первое путешествие Маргарет Лондонской было в Селанд в год Господа Бога нашего m iiijciiiijxxv. Второе - в Калейс, а третье - в Бурдьос. Прикажите приписать к этим путешествиям судей. G. Cely.

48. *Ibid.*, p. xxxviii.

49. *Письма Стонора*, II, стр. 2.

50. Там же, II, p. 4.

51. *Cely Papers*, pp. 112-13.

52. Там же, р. 106; сравните там же, р. 135.

53. Сэр, корабли с шерстью пришли в Кале все, кроме трех, из которых два находятся в гавани Сандвича, а один - в Остенде, и он выбросил всю свою шерсть за борт. 'Item, sir, on Friday the 27 day of February came passage from Dover and they say that on Thursday afore came forth a passenger from Dover to Calais ward and she was chased with Frenchmen and driven in to Dunkirk haven.'--*Ibid.*, р. 142. (Есть много записей о подобных погонях; см. *Introd.*, pp. xxxiv-v.)

54. *Ibid.*, р. 135.

55. Сэр, я не могу получить вашу шерсть, потому что я выгнал сарплер, который лейтенант [указал], чтобы его выгнали к сорту, так как теперь издан указ, что лейтенант должен [указывать] сарплеры каждого человека, этот сарплер, который я выгнал, - № 24. 24, и в нем Уильям Смит, упаковщик, нашел 60 средних ворсинок, и это очень грубая шерсть; и поэтому я заставил Уильяма Смита в частном порядке выгнать другой сарплер № 8, и упаковать шерсть из первого сарплера в сарплер № 8, ибо этот последний сарплер достаточно честный, и поэтому я должен понять, сколько их и сколько их, ибо они должны быть упакованы снова" (12 сент, 1487).--*Ibid.*, р. 160. Пункт, господин, ваша шерсть присуждена сарплером, который я выкинул последним, и т. д. Item, sir, this same day your mastership is elected and appointed here by the Court one of the 28, the which shall assist the Master of the Staple now at this parliament time.'--*Ibid.*, р. 162.

56. Gower, *op. cit.*, р. 281.

57. *Cely Papers*, pp. xii, xxiv-v.

58. *Stonor Letters*, II, pp. 62-3; см. также *Cely Papers*, pp. 1, 10, 13.

59. *Письма Стонора*, II, с. 4.

60. Чосер, *Кентерберийские рассказы* (Рассказ Шипмана) LL, 1243-6.

61. *Stonor Letters*, II, p. 48.

62. *Cely Papers*, p. xxiii.

63. *Lybelle of Englysshe Polycye* in *loc. cit.*, pp. 179-81.

64. С уважением, я думаю, что мистер Малден в своем предисловии к *Cely Papers*, App. II, pp. lii-iii, ошибается, пытаясь отождествить Синхон-март с определенной ярмаркой в Антверпене в день святого Иоанна, Баммес-март с ярмаркой в Сен-Реми (фламандское название которой - Бамис) 8 августа, а Холод-март с Кортемарком близ Турута. Эти названия просто обозначают сезоны, в которые проводились ярмарки в большинстве важных центров, хотя, несомненно, в одном месте более важной была зимняя, а в другом - весенняя, летняя или осенняя ярмарка. То, что названия относятся к временам года, а не к местам, довольно ясно видно из различных писем и постановлений, касающихся Йоркских торговцев-авантюристов. См. *The York Mercers and Merchant Adventurers*, 1356-1917, ed. M. Sellers (Surtees Soc., 1918), pp. 117, 121-5, 160, 170-1; см. примечание мисс Селлерс, *ibid.*, p. 122, цитируя В. Каннингема: "Древние кельтские ярмарки ... были широко распространенным примитивным учреждением и, похоже, назначались на даты, отмеченные сменой времен года."--*Scottish Hist. Review*, xiii, p. 168. Например, документ 1509 года ("For now att this cold marte last past, holdyn at Barow in Brabond", *loc. cit.* p. 121) опровергает идею о том, что холодный март - это март в Кортемарке, а в другом документе говорится о купцах, намеревающихся отправиться "на холодный март" и "на синксоновый март" во множественном числе. *Ibid.*, p. 123. Отождествление Бальмс-марты с ярмаркой в Сен-Реми 8 августа, кроме того, опровергается тем же документом (1510-11 гг.), который гласит: "В то время как в нынешнем марте... мы разрешили и предоставили вам свободу отправлять ваши товары на Бальмс-марту в следующий приезд. Тем не менее... мы считаем хорошим... чтобы по получении этих наших писем вы... собрались и посоветовались вместе, и если вы сочтете хорошим между собой... благоразумно отстранились и удержали свои руки от отправки на упомянутую балмесскую марту..... Wryten at Andwarp the xvij day of August. *Ibid.*, p. 124. Очевидно, что ярмарка в Балмсе была осенней, и мистер Малден, несомненно, прав, отождествляя Балмс (Баммис, Бамес) с Бамисом, местным фламандским названием Сен-Реми; день Сен-Реми был 28 октября, и ярмарка в Балмсе - это не та ярмарка, которая состоялась 8 августа на Сен-Реми, а та, которая проводилась в день Сен-Реми и вокруг него. В другом документе 1552 года содержится интересная информация об отгрузках для трех март: "Последний день отгрузки для первой отгрузки, назначенной на Пасхальный март, предписывается быть последним днем Марша, следующим за этим; а вторая отгрузка, назначенная на Синксонский март, последний день которого назначается на тот же день, назначается последним днем июня, следующим за этим; а для Холодного марта последний день отгрузки назначается последним днем ноября, следующим за этим."--*Ibid.*, p. 147. Купеческие авантюристы иногда пытались ограничить торговлю купцов только Холодным и Синксонским рынками, которые были наиболее важными.

65. *Cely Papers*, p. xl, and *passim*.

66. *Ibid.*, p. 74. Ричард Сили-младший - Джорджу: "Я понимаю, что у вас есть отличный ястреб. Я очень рад ей, ибо верю Богу, что она доставит нам с тобой много удовольствия. Если бы я был уверен, каким путем вы ее отправите, я бы взял ее в Дувре и держал у себя, пока вы не приедете. На вашу суку обрушилось большое несчастье, потому что у нее было 14 прекрасных сыновей, и после того, как она родила, она никогда не ела мяса, и поэтому она умерла и все ее сыновья; но я верю, что к вашему приезду она будет честной и хорошей, чтобы угодить этому джентльмену" --*Ibid.*, p. 74.

67. *Ibid.*, p. xlix.

68. *Ibid.*, App. I., pp. xlix-lii, очень интересная заметка о современной чеканке монет, в которой указаны все монеты, упомянутые в письмах.

69. *Там же*, с. 159.

70. *Там же*, p. 161.

71. *Stonor Letters*, II, p. 43. Так дама Элизабет Стонор заканчивает письмо к мужу: "Написано в Стоноре, когда я хотела бы спать, на следующий день после дня нашей леди утром" - *Ibid.*, p. 77.

72. Чосер, *Кентерберийские рассказы (Рассказ Шипмана)*, LL, 1265-78, в *Сочинениях* (изд. "Глобус", 1903), с. 80.

73. Завещание находится в лодже P.C.C. 24 в Сомерсет-хаусе. Анализ его содержания и сведения о жизни Томаса Бетсона после его разрыва со Стонорами см. в *Stonor Letters*, I, pp. xxviii-ix.

74. Это (1) Джон Бэкон, горожанин и шерстяник, и Джоан, его жена (ум. 1437); (2) Томас Гилберт, горожанин и драпировщик из Лондона и купец из Кале (ум. 1483), и Агнес, его жена (ум. 1489); (3) Кристофер Роусон, мерсер из Лондона и купец из Кале, младший начальник Мерсерской компании в 1516 году (ум. 1518), и две его жены. Томас Бетсон, несомненно, был знаком с Гилбертом и Роусоном.

ТОМАС ПЕЙКОК ИЗ КОГГЕШОЛЛА

А. Сырье

1. Исходным материалом для этой главы послужил дом Пайкока, подаренный нации в 1924 году достопочтенным Ноэлем Бакстоном, членом парламента, который стоит на Вест-стрит, Коггешолл, Эссекс (станция Келведон); латунь Пайкока, которая находится в северном нефе приходской церкви Святого Петра ад Винкула в Коггешолле; и завещания Джона Пайкока (ум. 1505), Томаса Пайкока (ум. 1518) и Томаса Пайкока (ум. 1580), которые сейчас хранятся в Сомерсет-Хаус (P.C.C. Adeane 5, Ayloffe 14, и Arundell 50, соответственно), и из которых первый Томас был напечатан в статье мистера Бомонта, цитируемой ниже, а два других я полностью проанализировал в своей книге *"Пейкоки из Коггешолла"* (1920), где подробно рассматривается история Пейкоков и их дома. См. также G.F. Beaumont, *Paycocke's House, Coggeshall, with some Notes on the Families of Paycocke and Buxton* (перепечатано из Trans. Essex Archæol. Soc., IX, pt. V) и *"History of Coggeshall"* того же автора (1890). О доме есть прекрасно иллюстрированная статья в журнале *Country Life* (30 июня 1923 г.), том LIII, стр. 920-6.

2. Апофеоз суконщиков см. в *"Приятной истории Джона Уинчкомба, в молодые годы прозванного Джеком из Ньюбери, знаменитым и достойным суконщиком Англии"* и *"Томас из Рединга, или Шесть достойных йоменов Запада"* в *"Сочинениях Томаса Делони"*, изд. F.O. Mann (1912), №№ II и V. Первая из них была опубликована в 1597 году, вторая - вскоре после этого, и обе выдержали несколько изданий к 1600 году.

3. О суконной промышленности в целом см. G. Morris and L. Wood, *The Golden Fleece* (1922); E. Lipson, *The Woollen Industry* (1921); и W.J. Ashley, *Introd. to English Economic History* (1909 edit.). О шерстяной промышленности Восточной Англии см. в особенности *"Истории графств Эссекс и Саффолк"*. Очаровательный рассказ о другой знаменитой семье суконщиков см. в B. McClenaghan, *The Springs of Lavenham* (Harrison, Ipswich, 1924).

В. Примечания к тексту

1. *Deloney's Works*, ed. F.O. Mann, p. 213.

2. Томас Фуллер, *"Достойные люди Англии"* (1622), с. 318.

3. Удобным введением в изучение монументальных латуней, с иллюстрациями и списком всех сохранившихся латуней в Англии, расположенных по графствам, является книга W. Macklin, *Monumental Brasses* (1913). См. также H. Druitt, *Costume on Brasses* (1906). В этих книгах также содержится подробная информация о таких известных ранних авторах, как Уивер, Холман и А. Дж. Дункин.

4. *Testamenta Eboracensia*, подборка завещаний из реестра в Йорке, изд. Джеймс Рейн, 6 томов (Surtees Soc., 1836-1902). Общество Суртиса также опубликовало несколько других сборников завещаний из Дарема и других мест, относящихся к северным графствам. Большое количество завещаний было напечатано или реферировано. Например, "Завещания и описи из реестров Бури-Сент-Эдмундс", под ред. S. Tymms (Camden Soc., 1850); *Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Hastings, London*, ed. P.P. Шарп, 2 тома (1889 г.); *Пятьдесят самых ранних английских завещаний в суде пробейтов, Лондон*, под ред. F.J. Furnivall (E.E.T.S., 1882); *Lincoln Wills*, ed. К.У. Фостера (Lincoln Record Soc., 1914); и *Средневековые завещания Сомерсета, 1383-1558*, под ред. F.W. Weaver, 3 vols. (Somerset Record Soc., 1901-5).

5. Завещание другого Томаса Пэйкока, "плащевое мастера", умершего в 1580 году, также касается семейного бизнеса. Он оставляет двадцать шиллингов "Уильяму Гиону, моему ткачу"; а также "Пункт, я даю семь фунтов десять шиллингов законных денег Англии и среди тридцати самых бедных подмастерьев профессии фуллеров в Коггешолле, то есть каждому из них по пять шиллингов". Уильям Гьон или Гайон был родственником очень богатого суконщика Томаса Гайона, крещенного в 1592 году и похороненного в 1664 году, который, как говорят, накопил 100 000 фунтов стерлингов на своем ремесле. Зять Томаса Пэйкока Томас Тайлл также происходил из семьи суконщиков, так как в сертификате от 1577 года о шерсти, купленной суконщиками Коггешолла за последний год, встречаются имена Томаса Тайлла, Уильяма Гьона, Джона Гуддея (семье которого первый Томас Пэйкок оставил наследство), Роберта Литерланда (который получил значительное наследство по завещанию второго Томаса) и Роберта Джегона (который случайно упоминается в завещании как владелец дома рядом с церковью и отец епископа Норвича с таким именем). См. Power, *The Paycockes of Coggeshall*, pp. 33-4.

6. Цитируется в Lipson, *Introd. to the Econ. Hist. of England* (1905), I, p. 421.

7. Цитируется там же, p. 417.

8. О Джоне Уинчкомбе Пауэре, *op. cit.*, pp. 17-18; и Липсон, *op. cit.*, p. 419.

9. Deloney's Works, ed. F.C. Mann, pp. 20-1.

10. Там же, с. 22.

11. Цитируется в C.L. Powell, *Eng. Domestic Relations, 1487-1563* (1917), p. 27.

12. Впоследствии дом перешел, не совсем ясно, в какие сроки, в руки другой семьи суконщиков, Бакстонов, которые вступили в брак с Пэйкоками примерно в 1537 году. Уильям Бакстон (ум. 1625) описывает себя как "суконщика из Коггешолла" и оставляет "все мои ткацкие станки" своему сыну Томасу. Томасу было семнадцать лет, когда умер его отец, и он прожил до 1647 года, также занимаясь суконным бизнесом, и дом, несомненно, находился в его собственности. Возможно, он или его отец купили его у душеприказчиков Джона Пейкока. От него дом перешел к его сыну Томасу, тоже суконщику (ум. 1713 г.), который передал его своему сыну Исааку, суконщику (ум. 1732 г.). Два старших сына Исаака тоже были суконщиками, но вскоре после смерти отца отошли от дел. По всей видимости, он позволил своему третьему сыну, Джону, занять дом в качестве арендатора, и в 1740 году Джон все еще жил в нем. Но Исаак оставил дом по завещанию в 1732 году своему младшему сыну Сэмюэлю, а Сэмюэль, умерев в 1737 году, завещал его своему брату Чарльзу, четвертому сыну Исаака. Чарльз никогда в нем не жил, поскольку большую часть жизни провел в Лондоне, занимаясь торговлей нефтью, хотя и похоронен среди своих предков в церкви Коггешолл. В 1746 году он продал дом Роберту Ладгейтеру, и тот полностью утратил связь между Пейкоком и Бакстоном, а со временем пережил не лучшие времена и был превращен в два коттеджа, прекрасные потолки которых были заштукатурены. Несколько лет назад он был на грани разрушения, когда его купил и восстановил до нынешнего прекрасного состояния мистер Ноэль Бакстон, прямой потомок Чарльза Бакстона, который его продал. См. Power, *op. cit.*, pp. 38-40.

13. *Deloney's Works*, ed. F.O. Mann, p. 213.

14. Дефо, *Путешествие по Великобритании*, 1724 г. (изд. 1769 г.), с. 144-6.

15. Это графство - самое жирное, сытное и полное выгодных вещей, превосходящее (насколько я могу судить) любое другое графство по общему количеству товаров и изобилию, хотя Саффолк, по мнению некоторых (с которым я еще не знаком), заслуживает более высоких похвал. Но это графство, как мне кажется, заслуживает звания английского Гошена, самого жирного из земель, сравнимого с Палестиной, которая текла молоком и крольчатиной" --Norden, *Description of Essex* (1594), (Camden Soc.), p. 7.

16. Согласно Лику, писавшему около 1577 года, "около 1528 года началось первое прядение на дистафе и изготовление одежды Сохалл..... Этой одежде Коксолла нас впервые научил некто Бонвиз, итальянец."--Цитата V.C.H. *Essex*, II, p. 382.

Примечания к иллюстрациям

ПЛАТЬЕ I. *Бодо за работой*

Из англосаксонского календаря XI века, хранящегося в Британском музее (MS. Tit., B.V., pt. I), где показаны занятия Бодо или его хозяев на каждый месяц года. Изображены следующие месяцы: январь (пахота на волах), март (разбивание комьев в бурю), август (жатва) и декабрь (молотьба и прополка). На других рисунках изображены февраль (обрезка деревьев), апрель (пир хозяев Бодо), май (содержание овец), июнь (косьба), июль (рубка леса), сентябрь (охота хозяев Бодо на кабана), октябрь (охота хозяев Бодо на ястреба) и ноябрь (разведение костра).

ПЛАТА II. *Высадка Поло в Венеции*

Из великолепной рукописи книги Марко Поло, написанной в начале XV века и хранящейся в Бодлианской библиотеке в Оксфорде (MS. № 264, f. 218). Художник изобразил восхитительный вид средневековой Венеции с Пьяцеттой слева, где Поло садится в гребную лодку, чтобы подняться на борт своего корабля. На переднем плане изображены (в соответствии со средневековой модой показывать несколько сцен одной истории на одной картине) некоторые из стран, через которые они проезжали. Обратите внимание на венецианские торговые корабли.

ПЛИТА III. *Часть пейзажного вала работы Чао Мэн-фу*

Эта очень красивая сцена взята из вала, написанного Чао Мэн-фу в 1309 году в стиле Ван Вэя, поэта и художника династии Тханг (699-759 гг. н. э.). Прекрасное описание его дает мистер Лоуренс Биньон: "В коллекции Британского музея хранится длинный рулон, более семнадцати футов в длину, написанный почти полностью в голубых и зеленых тонах на обычном теплом коричневом шелке..... Это один сплошной пейзаж, в котором сцены перетекают одна в другую. Такие рулоны не предназначены для того, чтобы их выставляли или рассматривали все сразу, ими можно наслаждаться небольшими порциями за раз, когда картина медленно разворачивается, а уже увиденная часть сворачивается снова. Как можно догадаться, требуется немалое мастерство, чтобы в любом месте, где зритель делает паузу, была представлена гармоничная композиция. По мере разворачивания рулона возникает ощущение, что вы проезжаете по восхитительной стране. На переднем плане водный ветер, то сужаясь, то расширяясь, течет среди зеленеющих холмов и лужаек, соединенных то тут, то там маленькими деревянными мостиками; воду питают потоки, низвергающиеся среди

сосновых лесов со скал причудливой формы, сияющих оттенками лазурита и нефрита; под возвышающимися вершинами раскинулись роскошные долины, рощи с мелькающими оленями, обнесенные стенами парки, заросли нежного бамбука и далекие крыши какой-то приютившейся деревушки. То тут, то там у воды стоит павильон, в котором сидит поэт или мудрец, созерцая окружающую его красоту. Наконец эти счастливые и романтические сцены уступают место мысу и тростниковым зарослям на границе залива, где на волнах покачивается рыбацкая лодка. Возможно, в картине заложена философская идея - переход души через приятные земные удовольствия к созерцанию бесконечного" --Laurence Binyon, *Painting in the Far East* (1908), pp. 75-6. Участок вала, выбранный для воспроизведения здесь, уже был воспроизведен в S.W. Bushell, *Chinese Art* (1910), II, Fig. 127, где он описан следующим образом: "Озеро с террасой павильона на острове, к которому в лодке подплывает посетитель, а в другой лодке рыбаки вытягивают сеть; далекие горы, покрытые соснами холмы на переднем плане, ива напротив и линия тростника, колышущегося на ветру вдоль берега воды, восхитительно переданы и искусно объединены, чтобы сделать характерную картину". Другие фрагменты того же валика воспроизведены в H.A. Giles, *Introd. to the Hist. of Chinese Pictorial Art* (2nd ed., 1918) на стр. 56; и в L. Binyon, *op. cit.*, plate III (на стр. 66). Очень интересно сравнить этот пейзаж с иллюстрированной примерно столетием позже рукописью Марко Поло, из которой взята сцена высадки в Венеции; в одном случае так очевидно, что это работа высокоразвитой, а в другом - почти наивной и детской цивилизации.

ПЛАТЬЕ IV. *Мадам Эглентина у себя дома*

Это страница из прекрасной рукописи *La Sainte Abbaye*, хранящейся сейчас в Британском музее (MS. Add. 39843, f. 6 vo). В верхней части изображения священник с двумя аколитами готовит причастие; за ними стоит настоятельница с посохом и книгой в сопровождении капеллана и сакристана, который звонит в колокол; за ними группа из четырех монахинь, включая келейницу с ключами, и монахини у окон в дортيره наверху. Внизу - процессия священника, аколитов и монахинь в хоре; обратите внимание на большие свечи, которые несут молодые монахини (возможно, послушницы) впереди, и на нотации в музыкальных книгах.

ПЛИТА V. *Жена менажера устраивает вечеринку в саду*

Эта прекрасная сцена взята из манускрипта XV века "*Роман де ла Роза*" (Harl. MS. 4425), который является одним из величайших сокровищ Британского музея.

ПЛАТА VI. *Жена менажера готовит ему ужин с помощью его книги*

Из MS. Royal, 15 D. I, f. 18, в Британском музее, которая является частью "*Маленькой исторической библии*", или "*Библейской истории*", Гиарта де Мулена, дополненной некоторыми книгами Библии на французском языке. Она была сделана в Брюгге по заказу Эдуарда IV, короля Англии, неким Ж. дю Рисом и закончена в 1470 году, так что она примерно на восемьдесят лет позже, чем книга Менегера. Иллюстрация представляет собой

сцену из истории Товии; больной и слепой Товит лежит в постели, а его жена Анна готовит еду у огня с помощью книги и служанки. На правой половине картины, которая здесь не воспроизводится, изображен внешний вид дома, где Товия приводит ангела Рафаила. На иллюминированной рамке страницы, с которой взята эта сцена, изображен герб Эдуарда IV с подвязкой и короной.

ПЛИТА VII. *Кале времен Томаса Бетсона*

Этот план Кале в 1546 году воспроизведен с "Плана Лоуской страны Каллис, составленного в октябре 37-го года по старому стилю". VIII, Томасом Петтитом", хранящегося в Британском музее. (Cott. MS. Aug. I, vol. II, no. 70). Здесь есть место, чтобы показать только верхний угол плана с рисунком самого Кале, но весь план очарователен, с его маленькими деревнями и большими кораблями, идущими по каналу.

ПЛАТА VIII. *Дом Томаса Пейкока в Коггешолле*

С фотографии фасада дома, стоящего на улице. Обратите внимание на длинный резной брус, поддерживающий нависающий верхний этаж. Слева видны сильно уменьшенный арочный проем и двойные двери из панелей с льняными складками. Окна представляют собой реконструкцию первоначального проекта, плоские створки были установлены в XVIII веке.
